

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Материалы конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, апрель 2019 г.)*

Пермь 2019

УДК 80
ББК 1.1/2+83
П781

Проблемы филологии глазами молодых исследователей
П781 [Электронный ресурс]: материалы конф. студ., асп. и молодых ученых (г. Пермь, апрель 2019 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2019. – 3,69 Мб; 200 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2019.pdf. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7944-3406-4

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проведенной на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80
ББК 1.1/2+83

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск *Д. А. Сухоева*

ISBN 978-5-7944-3406-4

© ПГНИУ, 2019

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'276.5

Елизавета Борисовна Астафьева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Liza_astafyeva@mail.ru

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ В РЕЧЕВОМ СОЗНАНИИ АКТЕРОВ ТЕАТРА КУКОЛ И ФИЛОЛОГОВ

Статья выполнена в рамках социолингвистического направления и направлена на изучение различий в понимании театральных профессионализмов представителями двух социальных групп – актерами театра и филологами. Материалом послужили наивные толкования четырех профессионализмов, полученные от 30 респондентов – 15 актеров театра кукол и 15 студентов-филологов. Результаты анализа показывают, что существуют различия в понимании профессионализмов в разных социальных группах.

Ключевые слова: социолингвистика, профессиональная речь, профессионализмы, театр кукол, понимание, социальные группы.

Отличительной чертой социальной группы, сформированной на основе профессиональной деятельности, является наличие профессионального дискурса, обязательный элемент которого – профессионально осмысленная предметная сфера, предполагающая использование терминов, характерных для определенной профессиональной группы [Арутюнова 1990: 136–137; Карасик 2002]. В современном мире театр кукол становится популярным направлением искусства, в связи с чем меняются стереотипные представления обывателей об особенностях театра. Речь актеров театра кукол как особый профессиональный дискурс предполагает наличие ряда терминов и профессионализмов, непонятных для людей, находящихся вне группы или только вступающих в нее. Зачастую понимание таких профессиональных лексических единиц оказывается разным не только в сознании работников театра и непрофессионалов, но и у разных социальных групп внутри театра: преподавателей / режиссеров и студентов / актеров [Куликова 1998: 103–110].

В интернете представлены словари отдельных вузов искусств или театров, например: Краткий словарь театральных терминов Тюменского института искусств и культуры [Кутьмин 2003] или Театральный словарь, размещенный на сайте Орловского государственного академического театра им. И.С. Тургенева [Театральный словарь], но общепринятого словаря не существует, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель настоящей работы – сравнить понимание театральных профессионализмов, отраженное в речевом сознании студентов специальности «актер театра кукол» и студентов филологического факультета. Для исследования были выбраны наиболее частотные термины из спонтанных монологов о своей группе и деятельности, записанные от студентов Пермского государственного института культуры группы «АТК–15» в 2017–2018 учебном году.

Материалом данного исследования послужили наивные толкования четырех профессиональных лексических единиц: *театр кукол, кукла, руки, тростевая*, полученные от 30 информантов (15 студентов-филологов третьего курса ПГНИУ и 15 актеров театра кукол, в числе которых были бывшие студенты группы «АТК–15» ПГИиК, а также студенты и выпускники ГПБГИК специальности «актер театра кукол»).

Наличие различий в толковании данных лексических единиц в разных социальных группах подтверждает их квалификацию как профессионализмов. Предполагалось, что толкования, данные разными социальными группами, будут иметь в своей структуре как схожие, так и различные семантические признаки.

При анализе толкований профессионализма *театр кукол* подтвердилась стереотипность образа театра в сознании обывателей, о которой студенты-актеры говорили в своих спонтанных монологах. Половина студентов-филологов определили *театр кукол* как театр, где действующее лицо – это кукла, например: *театр, где вместо актеров куклы* (инф. 1); *место, предназначенное для проведения театральных представлений, где главные роли исполняют куклы, приводимые в движения людьми* (инф. 5). Еще 50% информантов определяют театр кукол как театр для детей, например: *театр для детей* (инф. 2); *досуг ребенка и родителей* (инф. 7).

Реакции студентов-актеров можно разделить на несколько групп:

- 1) синтетический театр, отражение многоплановости возможностей современного театра: *это такой театр, в котором возможен синтез совершенно разных и на первый взгляд ничем не связанных друг с другом видов искусства* (инф. 17);
- 2) театр как организм: *место, где жизнь не заканчивается только на живых людях и существах; место где живое делится своим живым с не одушевлённым* (инф. 16); *место где живых существ, гораздо больше чем труппа театра и его зрители* (инф. 23);
- 3) сказочное, волшебное место: *Это магия! В которую ты влюбляешься каждой клеточкой своего тела!*; *место, которое дышит сказкой* (инф. 18);
- 4) личные ассоциации и ощущения, личный опыт: *скоро будет взрыв в театральном мире и мире искусства* (инф. 27); *БТК* (инф. 29).

Подтверждение стереотипного представления о профессионализме наблюдается и при анализе слова *кукла* (вариант: *куколка*). Филологи чаще определяли куклу как игрушку, например: *детская игрушка* (инф. 3, 5, 9, 13, 14); *мягкая или пластмассовая игрушка; игрушка для детей* (инф. 4); *которыми мы в детстве играли* (инф. 7). Реакции актеров разделились на две группы в соответствии с театральными школами (пермская и петербургская). Актеры из Перми определяют куклу как живое существо, у которого есть свой характер, капризы: *интересный живой организм в умелых руках* (инф. 16); *мой партнер на сцене во время спектакля* (инф. 19); *актёр, живое существо* (инф. 18); актеры из Санкт-Петербурга чаще всего определяют куклу как инструмент для выражения мысли / идеи: *всё что служит для воплощения идеи* (инф. 25); *объект для перевоплощения идей, себя самого* (инф. 27); *может быть любым предметом (или набором предметов), для выражения какой-то мысли* (инф. 28); *инструмент* (инф. 24). Кроме того, в последней группе встретились названия конкретных кукол, связанных со значимыми для информантов ролями: *Кукла наследника Тутти* (инф. 23); *Сальери* (инф. 26).

Совпадение толкований в рамках отдельных социальных групп наблюдается для слова *руки*. В сознании филологов *руки* – это *часть тела*; в их определениях встречались и дополнительные характеристики *верхняя, подвижная, способная творить* и др., например: *верхние конечности* (инф. 1); *верхняя часть туловища, подвижная* (инф. 3); *часть тела, способная творить* (инф. 5); *часть тела человека* (инф. 7). Для 100% актеров *руки* – это инструмент / механизм, часто с подробным объяснением процесса работы, например: *главный инструмент для актёра театра кукол, через него мы оживляем любую неживую, на первый взгляд материю, при этом руки сами по себе тоже могут быть куклами-персонажами* (инф. 18); *это волшебный, живой механизм актёра; главное действующее и выразительное средство, которые могут быть как сами действующие лица, либо через которые можно оживить что угодно* (инф. 17); *прекрасный инструмент* (инф. 24); *средство выразительности* (инф. 28).

Включение в материал эксперимента профессионализма *тростевая* мотивировано тем, что он оказался частотным в изученных ранее интервью. Поскольку у данного профессионализма нет общеупотребительного семантического варианта (кроме относительного прилагательного), он является непонятным и неопределяемым для людей, не имеющих отношения к театру кукол. Так, большинство филологов отказались комментировать данный профессионализм, а если и давали толкование, то определяли слово именно как относительное прилагательное: *трость* (инф. 6); *комната для тростей* (инф. 1).

Меньшая часть актеров дала определение, ограничившись словосочетанием *тростевая кукла*, а большая часть дала развернутые определения, в которых описала состав куклы, механизм работы, историю происхождения и варианты употребления: *гапит; вид театральной куклы, состоящей из непосредственно гапита (цилиндр в центре куклы, как бы позвоночник и прикрепленные к нему плечи), головы и рук. управление головой и шейным отделом осуществляется при помощи «машинки» рукой, держащей куклу, а руками – второй свободной рукой через трости, прикрепляемые к кистям куклы. Этот вид куклы считается традиционным в советском театре кукол, распространение получил благодаря театру кукол Образцова. Тростевые в большинстве случаев играют на ширмах* (инф. 18); *одна из систем управления куклой. Когда туловище куклы прикреплено к тростям и управляется при помощи этих же тростей* (инф. 20); *определенная система куклы, появившаяся в России со времен С.В. Образцова. Кукла всегда находится над ширмой, у нее поворачивается голова, а руки закреплены на тростях. Движения этой куклы широкие и выразительные* (инф. 23); *Это такая кукла, вернее разновидность даже. Гапит – китайская тростевая – это куклы, в основе которых есть трость или шток. Одна рука кукольника держит эту трость, а другая управляет ручками на тростях. Может из-за ручек она так и называется. Есть много разновидностей и они очень перемешаны. Но, как правило, если от куклы отходят много тонких палочек (тростей) то ее можно назвать тростевой* (инф. 26).

Общими особенностями толкования предложенных слов у филологов является структура, сходная с формой словарной статьи, даются конкретные дополнительные характеристики. Толкования актеров чаще строятся на основе ассоциаций, в

определении они стараются упомянуть механизмы воздействия на эмоциональное состояние слушателя (метафоры, сравнения, гиперболы и др.) и подробно описать процесс работы, включая жизненные примеры.

Таким образом, анализ наивных толкований театральных профессионализмов показал необходимость создания профессиональных словарей, которые смогут облегчить обучение в профильных вузах. Речевое сознание филологов можно сравнить с сознанием людей, которые только начинают знакомиться с профессиональной деятельностью театра кукол и имеют стереотипное представление о профессионализмах.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Дискурс // БЭС: Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Кутьмин С.П. Краткий словарь театральных терминов, 2003. 57 с. // Тюменский государственный институт искусств и культуры: официальный сайт. URL: https://ocdod.ucoz.ru/hud_est_otdel/slovar_teatralnykh_terminov.pdf (дата обращения 08.05.19).

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Куликова Г.С. О влиянии профессии на речь актеров // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27: Человек и текст. С. 103-110.

Театральный словарь // Орловский государственный академический театр: официальный сайт. URL: http://theaterorel.ru/visit/theater_etiquette/dictionary (дата обращения 08.05.19).

E.B. Astafyeva

Student of Philological Faculty
Perm State University

REPRESENTATION OF THE THEATRICAL PROFESSIONALISMS IN THE VERBAL CONSCIOUSNESS OF PHILOLOGISTS AND PROFESSIONAL ACTORS

The purpose of the article is to explore the difference in understanding of the theatrical professionalisms. The respondents are philologists and professional actors of the puppet-show. The research' material is a set of naive definitions of the professional terminology (four words) that were received from 30 respondents (15 students of the philological faculty and 15 professional actors). The material was analyzed in the sociolinguistic direction. The analysis found essential differences in the understanding of the theatre terminology by the groups of the respondents.

Key words: sociolinguistics; professional terminology; professional speech; puppet-show; understanding; social groups.

Алёна Сергеевна Беляева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
aleona.bel@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕМЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В УСТНЫХ СПОНТАННЫХ МОНОЛОГАХ

Целью исследования является установление возможных зависимостей изменения частотности частей речи в спонтанных текстах под влиянием социометрических параметров говорящих (пола, возраста и образования), а также темы текста. Материал исследования – спонтанные тексты на две темы, полученные от сбалансированной по указанным параметрам выборки носителей языка (24 человека, 48 текстов). Анализ частотности частей речи в текстах показал, что под влиянием темы изменяется частотность использования таких частей речи как глагол, междометие, местоимение, прилагательное, существительное, причастие и деепричастие. Кроме того, на частотность влияют такие социальные факторы, как наличие / отсутствие высшего образования, возраст и пол информанта.

Ключевые слова: тема, рецепт, пол, возраст, образование, частотность, части речи, текст.

Частотность употребления частей речи в разных типах речи исследовалась многими лингвистами. Так, например, в «Частотном словаре русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной приводятся статистические данные о частотности различных частей речи в зависимости от стиля письменных текстов, на основе которых построен словарь [Частотный словарь русского языка 1977]; Б.Н. Головин в учебном пособии «Язык и статистика» приводит статистические формулы, по которым высчитывалась частотность употребления тех или иных частей речи в авторской речи [Головин 1971]; А.Ф. Журавлев в работе «Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи» рассматривал частотность различных лингвистических категорий в разных стилях и жанрах письменной и устной речи, где помимо других статистических данных приводятся индексы глагольности, субстантивности и адъективности текста, т.е. частотность соответствующих частей речи в разных типах текстов [Журавлев 1988].

Тем не менее проблема частотности употребления частей речи до сих пор изучена не во всех аспектах. Реализация частей речи может зависеть от разных факторов коммуникативной ситуации, т.е. от суммы следующих параметров: социометрических параметров (пол, возраст, образование) говорящего, формы речевой деятельности (устная или письменная речь), формы высказывания (диалог или монолог), разных тем речи высказывания и др. Различные комбинации этих параметров ведут к формированию разных типов речи. Поэтому предметом нашего исследования стало изучение влияния на частотность частей речи темы устного спонтанного монологического текста и социальных характеристик носителей языка, которые порождают этот текст.

Материалом исследования послужили спонтанные монологические тексты на темы «Работа» (24 текста) и «Пельмени» (24 текста), которые опубликованы в звучащей хрестоматии «Городские социолекты: пермская городская речь» [Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева 2000]. Выборка респондентов была сбалансирована авторами хрестоматии по факторам «возраст» (3 возрастные группы: 25–34 года, 35–44 года, 45–55 лет), «образование» (среднее или высшее образование), «пол». Объем текстов колеблется от 69 до 854 слов (тема «Работа») и от 109 до 784 слов (тема «Пельмени»).

Количественные данные получены посредством распределения всех слов из 48 текстов по частям речи.

Сравним среднее значение частотности употребления частей речи в анализируемых устных спонтанных монологах с данными о частотности частей речи в письменных текстах по «Частотному словарю русского языка» Л.Н. Засориной [Частотный словарь русского языка 1977], а также рассмотрим изменение частотности употребления частей речи под влиянием темы.

Таблица 1

**Частотность частей речи в спонтанных монологах
и по данным Частотного словаря, ipm**

Часть речи	Частотность	
	Спонтанные монологи	Частотный словарь
Существительное	0,2266	0,4452
Глагол	0,1620	0,2767
Предлог	0,1287	0,0040
Местоимение	0,1225	0,0077
Наречие	0,0952	0,0787
Союз	0,0668	0,0019
Прилагательное	0,0657	0,1589
Частица	0,0644	0,0010
Междометие	0,0450	0,0000
Числительное	0,0185	0,0061
Причастие	0,0037	0,0198
Деепричастие	0,0011	0,0000

Данные приведенной выше таблицы показывают, что наблюдаются различия в частотности употребления частей речи в устной и письменной речи: письменная речь практически отказывается от местоимений, числительных, союзов, предлогов и частиц; полностью в письменной речи отсутствуют междометия и деепричастия, которые рассматривались в словаре как формы глагола. Однако, в сравнении с устной речью, в письменной в два раза больше существительных и глаголов. Это подтверждает тот факт, что знаменательные части речи реже опускаются или заменяются в письменной речи.

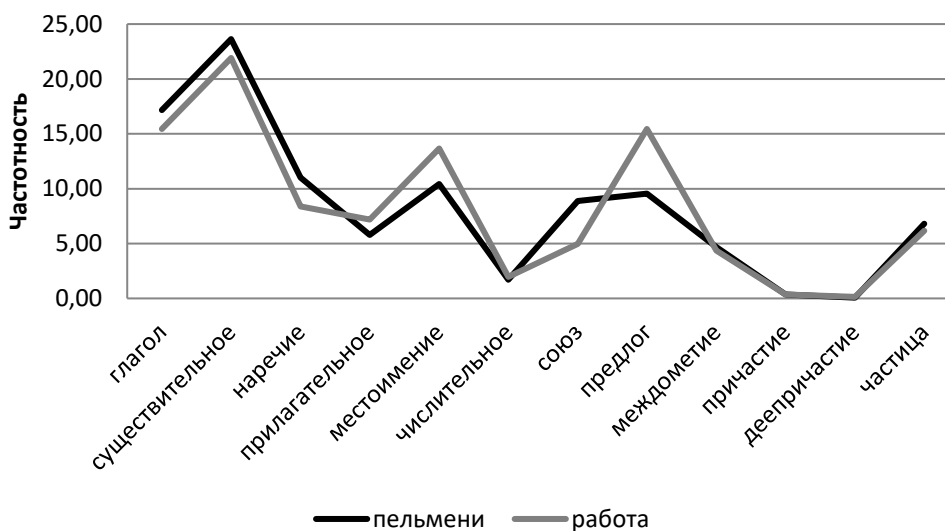
В устной речи, по данным А.Ф. Журавлева, частотность частей речи может меняться в зависимости от жанра [Журавлев 1988]. Поэтому было выдвинуто предположение, что возможна и зависимость частотности от темы текста, поскольку тема тесно связана с жанровыми характеристиками. В хрестоматии представлены тексты на две темы: тексты «Работа», которые представляют

собой комбинацию нарративов и описательных текстов, и тексты «Пельмени», жанр которых в целом можно определить как рецепт; кроме того, в этих текстах также встречаются нарративные вставки.

Рассмотрим частотность употребления частей речи в зависимости от темы (см. рис. 1). Под влиянием темы «Пельмени» информанты чаще употребляют глаголы, существительные, наречия, союзы, междометия и частицы; прилагательные, местоимения и предлоги чаще реализуются под влиянием темы «Работа». Большую частотность глаголов и наречий в текстах на тему «Пельмени» можно объяснить особенностями жанра рецепта, в котором важна четкая последовательность действий и их качеств при приготовлении. В текстах о работе существительные чаще заменяются местоимениями, поскольку в связном нарративе или описании информанты избегают повторов, а предлоги служат для указания направлений действий.

Рисунок 1

Распределение частоты частей речи в зависимости от темы текста, %

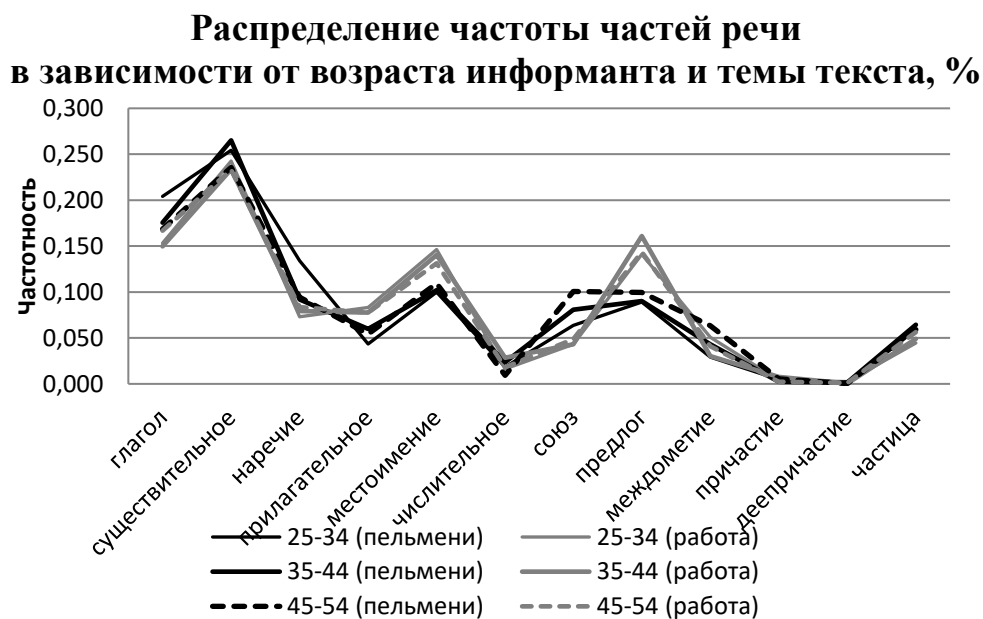

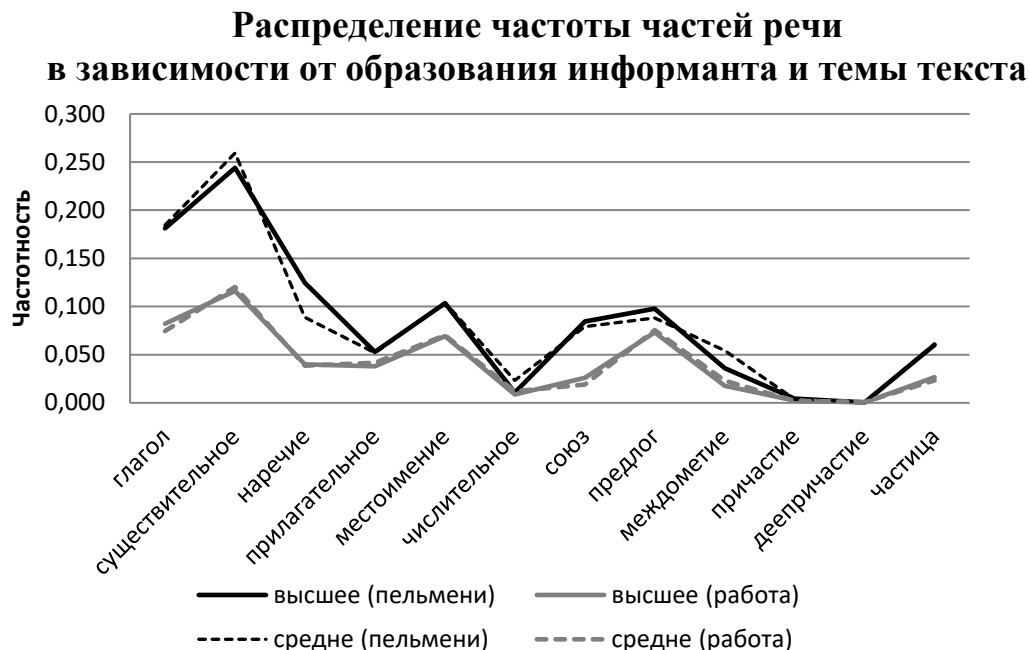
Анализируя полученные данные по фактору «пол» и теме текста (см. рис. 2), мы видим, что в целом частотность частей речи в текстах определяется темой в большей степени, чем полом говорящего, однако есть некоторые различия в реализации частей речи и в зависимости от пола. В текстах на тему «Пельмени» женщины чаще употребляют глаголы, наречия, местоимения и союзы; в текстах мужчин больше существительных и междометий. В текстах на тему «Работа» у мужчин и женщин разница в частотах реализации частей речи минимальна. Таким образом, гендерные различия в употреблении частей речи наблюдаются не во всех текстах, а только в текстах на отдельные темы. Можно предположить, что тема «Работа» в настоящее время является гендерно нейтральной, в то время как тема «Пельмени» выявляет гендерную специфику речи, поскольку связана с различными социальными практиками мужчин и женщин, что, очевидно, и отражается в их спонтанных монологах.

Рассмотрим статистику частей речи в зависимости от фактора «возраст» и темы текста (рис. 3). Как видим, здесь тоже тема текста влияет на распределение частот частей речи сильнее, чем социальный фактор «возраст». В текстах на тему «Пельмени» младшая возрастная группа чаще употребляет глаголы и наречия; средняя возрастная группа чаще использует существительные, прилагательные, числительные и частицы; старшая возрастная группа чаще других употребляет служебные части речи (союзы, предлоги, междометия). В текстах на тему «Работа» отличия в распределениях частот частей речи между возрастными группами вновь меньше.

Рисунок 3

На рис. 4 представлены распределения частей речи в зависимости от фактора «образование» и темы текста. Здесь мы видим те же закономерности: в текстах на тему «Работа» разница в частотах частей речи у представителей разных социальных групп минимально, но в текстах на тему «Пельмени» мы видим разные частоты рассматриваемых категорий в зависимости от образования. В этих текстах информанты с высшим образованием реализуют наречия и предлоги чаще, чем информанты со средним образованием; последние же чаще реализуют существительные, числительные и междометия.

Итак, проанализировав частотность употребления частей речи в спонтанных монологах в зависимости от темы текста и социальных параметров информантов, мы можем сделать следующие выводы.

1. Тема текста влияет на реализацию частей речи. Так, в текстах на тему «Пельмени» чаще употребляются глаголы, существительные, наречия, союзы, междометия и частицы, а в текстах на тему «Работа» – прилагательные, местоимения и предлоги. Очевидно, такие особенности использования частей речи связаны, во-первых, с жанровой организацией определенных тем (в данном случае – прежде всего рецепт и нарратив), а во-вторых, со связью тем с определенными формами существования языка: тема «Пельмени» связана с разговорной и диалектной средой, а тема «Работа» – с более формальными условиями употребления языка.

2. Некоторые темы могут провоцировать частотную разницу в употреблении частей речи разными социальными группами, а некоторые, наоборот, нивелировать такую разницу. В данном случае оказалось, что в текстах на тему «Пельмени» наблюдались довольно резкие перепады частот частей речи у информантов разного гендера, возраста и с разным уровнем образования, в то время как в текстах на тему «Работа» распределения частот частей речи у информантов, принадлежащих разным социальным группам, были минимальны. Вероятно, определенные темы, описывающие жизненные ситуации,

актуализируют некоторые из социальных ролей информантов и в том случае, если социальные роли оказываются у разных социальных групп разными в этих ситуациях, это сказывается на строении текста, в том числе и на его частеречном составе.

3. В текстах на тему «Пельмени» женщины чаще употребляли глаголы и наречия, описывая точные действия при приготовлении, а мужчины – существительные и междометия, называя конкретные реалии и выражая свои чувства; люди старшего поколения чаще использовали служебную лексику, уточняя связи между действиями и предметами и выражая свое отношение, а представители младшего – глаголы и наречия, как и женщины, сосредоточиваясь на конкретных действиях; в речи людей со средним образованием было больше частиц и междометий, а в речи людей с высшим – наречий.

4. В целом, необходимо отметить, что тема текста значительно сильнее влияет на реализацию частей речи, чем все остальные рассмотренные факторы – пол, возраст, образование.

Список литературы

Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. С. 19–26.

Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: Пермская городская речь: звучащая хрестоматия. Пермь; Бохум, 2000. 173 с.

Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1988. С. 84–151.

Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

A.S. Belyaeva

Student of Philological Faculty

Perm State University

INFLUENCE OF THEME ON THE IMPLEMENTATION OF SPEECH PARTS IN ORAL SPONTANEOUS MONOLOGUES

The aim of the study is to establish possible dependencies of changes in the frequency of parts of speech in spontaneous texts under the influence of sociometric parameters of the speaker (gender, age and education), as well as the topic of the text. The material of the study is spontaneous texts on two topics obtained from a balanced sample of native speakers (24 people, 48 texts). The analysis of the frequency of parts of speech in texts showed that under the influence of the theme, the frequency of using such parts of speech as the verb, interjection, pronoun, adjective, noun, participle and adverbial changes. In addition, social factors such as the presence / absence of higher education, age and gender of the informant affect the frequency.

Key words: theme, recipe, gender, age, education, frequency, parts of speech, text.

Ксения Дмитриевна Десяткова
бакалавр филологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
KsenyaDesyatкова@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА (на примере жанров «Пирожки», «Порошки» и «Экспромты»)

В статье дается характеристика малых комических жанров интернет – пространства «пирожки», «порошки», «экспромты»: форма, содержание, генезис жанров. Описываются некоторые особенности функционирования данных текстов. Проводится анализ прецедентных феноменов, представленных в данном типе текстов; дается их подробная классификация.

Ключевые слова: юмористический жанр; интернет-пространство; прецедентные феномены; «пирожки»; «порошки».

Современное интернет-пространство является средой, где активно появляются новые жанры. Одним из самых популярных среди таких жанров является «пирожок». Это законченное нерифмованное четверостишие, написанное четырехстопным ямбом, соответствующее следующей ритмической схеме: 9-8-9-8. Свое название этот жанр получил из-за сходства ряда свойств с хлебобулочным изделием. Они «горячие» (пишутся на актуальные темы, появляются быстро), маленькие (четыре строки), «с начинкой» (всегда есть подтекст). Весь текст написан строчными буквами, без знаков препинания, зачастую авторами намеренно искажаются нормы орфографии. С.Н. Петренко в статье, посвященной анализу этого жанра, отмечает, что подобное осознанное нарушение норм хотя и мешает восприятию, но создает особый язык коммуникации [Петренко 2014: 130]. Основой комического эффекта является неожиданный смысловой поворот (нарушение нормы: лингвистической, логической, не соответствие реальности и т.д.) в последних строках, почти всегда доведение до абсурда.

Пользователи относят пирожки к жанру поэзии. Однако в современных исследованиях еще не сформировалось единой точки зрения на жанровую сущность данного явления. Истоки жанра определяются в хокку, частушках, поэзии ОБЭРИУтов.

Отличительной чертой «пирожков» является частое использование прецедентных феноменов. В текстах были обнаружены как упоминание детских сказок, так и ссылки на современные политические события, философские и религиозные идеи.

Было проанализировано более 500 текстов «пирожков», из них около 250 текстов содержали прецедентные феномены. Обнаруженные единицы разделены на 5 групп: персоналии, прецедентные тексты, прецедентные ситуации, персонажи и наименования. В одном «пирожке» зачастую встречается несколько прецедентных единиц. Например: *сократ мальчонку гераклита / ругает за ухо держа / войдѣшь*

ещё раз в эту реку / не знаю что я сделаю. Используются два прецедентных имени Гераклит и Сократ и высказывание Гераклита *нельзя дважды войти в одну и ту же реку.*

В подгруппе первой группы «Исторические личности и легендарные персонажи» выделены: исторические деятели, библейские персонажи, музыканты, поэты и писатели, художники, деятели культуры и науки, философы.

//мой снеговик не очень ровный/ сказал малевичу дали/ а твой квадратный и не белый/ а у ванн гога без ушей//

Нужно отметить повышенный интерес к идеям буддизма, культуре Китая и Японии. Авторы размышляют об образе жизни японцев, об идеи о перерождении человека в другом теле или философских учениях Будды. Это во многом сближает тематику пирожков и хокку.

//животный мир ученье будды/ воспринял просто без затей/ и просветленные верблюды/ плевать хотели на людей//

Во второй подгруппе выделены следующие персоналии: известные зарубежные, российские артисты и политические деятели современности.

//а может все они живые/ кобейн и джексон престли и/ их армстронг на прогулки водит/ по тёмной стороне луны//

Группа «Прецедентные тексты» является самой многочисленной. Это: высказывания известных людей; строчки из сказок, песен, произведений литературы; философские и научные идеи; библейские и религиозные тексты; пословицы и поговорки; скороговорки; городской и деревенский фольклор; рекламные тексты.

//роман война и мир толстого/ написан тушью для ресниц/ поэтому такой он длинный/ и выразительный такой//

К подгруппе «Собственно прецедентные ситуации» относятся: прием у врача, несовпадение взглядов поколений и т.п.

// олег семье сказал что веган/ все в замешательстве сидят/ и вдруг бабуля вспоминает/ что есть знакомый экзорцист//

В подгруппу «Исторические факты» определены: выборы президента РФ, открытие закона тяготения Ньютоном, сожжение Джордано Бруно на костре.

//сальери к моцарту приходит/ и мажет двери новичком/ а завтра будет журналистам/ плести про солсберийский шпиль//

В четвертой группе определяются две подгруппы: общеизвестные герои произведений и персонажи данных текстов.

В первой выделены: герои современного кинематографа и герои литературных произведений.

//раскольников проснулся рано/ смотрел минуту в потолок/ и сладко сладко потянулся/ за под кроватью топором//

Вторая подгруппа представляет наибольший интерес. В «пирожках» были обнаружены собственные прецедентные персонажи, которые переходят из текста в текст, у них свои определенные черты, с ними связаны определенные ситуации. Это Аркадий, Глеб, Олег, Оксана, Пингвины, Медведи.

*//олег нашёл свою дорогу/ свернул в рулон несёт домой/ внутри шевелятся
машины/ свисают нитки проводов//*

Группа «Наименования» включает в себя: название музыкальных групп, реалей, произведений, фильмов.

*//а нам поставили компьютер/ сказал мне гордо терапевт/ страничку
быстро закрывая/ из википедии про грип//*

Таким образом, была определена широта спектра представленных культурных пластов. Это говорит о высоком уровне образования и культуры, осведомленности в современной политической ситуации в России и мире авторов и читателей подобных текстов. Кроме того, мы можем говорить об эмоциональной и познавательной значимости, когнитивной актуальности прецедентных феноменов, т.к. любое явление действительности в текстах подвергается оценке через призму сопоставления с ними. Например, в пирожке произошедший в Солсбери инцидент сравнивается с историей о Моцарте и Сальери, что сразу же указывает на отношение и оценку автора этих политических событий.

Наряду с «пирожками» в интернете активно функционирует еще один малый юмористический жанр – «порошок». Этот жанр появился на основе «пирожка». По форме они очень похожи. Но в «порошках» вторая и четвертая строки рифмуются, последняя строка состоит из 2 стоп.

Было проанализировано 500 текстов, в 200 из которых представлены прецедентные феномены. Классификация почти идентична. Отсутствуют только группа «Современные политические деятели» и подгруппа «Рекламные тексты». Приведем несколько примеров.

Персоналии.

*//на нашей маленькой планете / для недолюбленных зверей/ всегда остра
нехватка экзю/ перей//*

Прецедентные тексты.

*//какие аист и капуста/ какой помилуйте роддом/ произошёл от обезьяны/ с
трудом//*

Прецедентные ситуации.

*//мне дорогой к восьмому марта/ принёс гвоздики и носки/ эмансипации
хотела/ носи//*

Персонажи.

*//я грезил в детстве точно буду/ герой как человек наук/ а стал всего лишь
кандидатом/ наук//*

*//степные россыпи тюльпанов/ алели пышно средь равнин/ о них мечтал
прикрывши веки/ пингвин//*

Наименования.

*//еще в начальных классах школы/ я понял горе от ума/ а счастье видимо от
ваку / ума//*

Отсутствие группы «Современные политические деятели» и подгруппы «Рекламные тексты» указывает на одно из основных отличий текстов. Кроме формы, это смысловая глубина и актуальность содержания. Рожденные в закрытой литературной среде и развивающийся базе ЖЖ (социальной сети «Живой журнал»),

«пирожки» привлекали внимание и создавались авторами, близкими к интеллектуальной среде, теми, кто откликнулся на происходящее. «Порошки», появившиеся в социальной сети, как правило, пишутся ради смеха, тем самым подчеркивается вторичное значение прецедентных феноменов. Отсюда и прецедентные единицы, пришедшие из массовой культуры, а большинство представленных прецедентных ситуаций – это бытовые «сцены», здесь в меньшей степени встречается упоминание исторических событий или фактов жизни известных людей. Почти не представлены столь популярные размышления на тему буддизма, что еще раз показывает: философский и остросоциальный подтекст исчезает из «порошков».

Популярность жанров «пирожки» и «порошки» неуклонно растет. На их базе уже создано около десяти вторичных жанров. Рассмотрим более подробно «экспромт». Это две нерифмованные строки, написанные ямбом, соответствующие ритмической схеме: 9-8. Название этот жанр получил из-за сходства с литературным экспромтом.

Было проанализировано 500 текстов. Но только в 140 обнаружены прецедентные феномены. Можно сделать вывод о том, что с упрощением формы и содержания, в последующих вторичных жанрах уменьшается и количество прецедентных единиц. Но их классификация почти не меняется, исчезают лишь некоторые подгруппы или меняется процентное соотношение текстов в них.

В первой группе выделено только 12 текстов, в пирожках их было почти 200. Кроме того, имена используются почти вне какого-либо контекста идей, деятельности, творчества известных личностей.

//наполеона век недолог/ и потому так сладок он//

Вторая группа «Прецедентные тексты» является самой многочисленной. Это пословицы, поговорки, фразеологизмы.

//всю жизнь олег кривил душою/ диагноз сколиоз души//

Часто авторы подобных текстов размышляют на тему национальной идентичности.

// а это русская рулетка/ одна надежда на авось//

В группе «Прецедентные ситуации» в большинстве текстов представлены бытовые сцены, что сближает их с анекдотом. Исторические факты переосмысляются в рамках действительности двадцать первого века.

//в сибире жёны декабристов/ нашли по ссылке мужиков//

Таким образом, представленные прецедентные феномены в текстах «экспромтов» значительно отличаются по численному составу и характеристике от текстов «порошков» и «пирожков». Это происходит из-за изменения содержания, тематической направленности и авторства данных текстов. «Экспромт» становится в большей степени фольклорным произведением. Это «народная» шутка, понятная каждому человеку с любым уровнем образования и эрудиции в любом возрасте.

В ходе исследования были установлены особенности функционирования прецедентных феноменов, представленных в малых юмористических жанрах интернет-пространства. Видов их использования большое количество, широк и спектр культурных пластов, к которым относятся представленные прецедентные

единицы. Зачастую они одновременно относятся как к элитарной, так и к массовой культуре, происходит смешение культур разных эпох и социальных слоев. Но при этом преобладание одного из типов культуры в разных жанрах различно. В текстах «пирожков» – это элитарная (в большей степени) и массовая культура. В текстах «порошков» – это почти всегда массовая культура, в «экспромтах» – это только массовая культура, в ее фольклорном проявлении.

Значимость и функции прецедентных феноменов так же различны. В текстах «пирожков» они являются самоценным элементом, в котором и обнаруживается основной смысл текста. Как и в «экспромтах», но в них уже исчезает подтекст. В «порошках», как правило, прецедентный феномен является лишь упоминанием, смысл текста понятен, подтекста не образуется.

Факт наличия собственного языка, собственных прецедентных персонажей, недоступность для понимания некоторых четверостиший любому пользователю сети, определенный круг ценностей и правил поведения (в данном случае написания текстов) дает основания для выделения создателей и читателей «пирожков», «порошков» и «экспромтов» в отдельную субкультуру в интернет-пространстве.

Таким образом, наблюдается некая эволюция жанров: от сложного к простому. От текстов «пирожков» к «экспромтам» меняется не только форма, но и содержание. Именно содержание и диктует изменения в функционировании прецедентных феноменов.

Список литературы:

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // *Язык, сознание, коммуникация*, 1997. № 2. С. 124-129.

Гуторенко Л.С. Юмористическая поэзия в русскоязычном виртуальном пространстве // *Филологические науки*, 2017. № 10 (76). С. 92-96.

Петренко С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // *Известия ВГПУ*, 2014. № 2. с. 129-134.

Щукина К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // *Мир русского слова*, 2015. № 4. С. 49-54.

K. D. Desyatkova

Bachelor of Philology
Perm State University

PRECEDENT PHENOMENA THE SMALL COMIC GENRE OF THE INTERNET SPACE (“PIROGEK”, “POROSHOK”, “EXPROMT”)

The article describes the small comic genre of the Internet space “pirogek”, “poroshok”, “expromt”. It’s form, content, genesis of the genre, comparison with other similar literary and folk genres. Some features of functioning of these texts are described. The analysis of precedent phenomena presented in this type of texts is carried out. Their detailed classification is explained.

Key words: comic genre, Internet space, precedent phenomena, “pirogek” “poroshok”, “expromt”.

Оксана Викторовна Никонова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
oksana_nikonova_1998@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В статье представлен результат исследования современного паремиологического фонда с гендерной семантикой. Производится анализ единиц с целью выявления гендерных стереотипов в современном российском обществе. В ходе работы было установлено, как относительно традиции изменились представления о мужчине и женщине и что они говорят о состоянии отношений в современном мире.

Ключевые слова: взаимоотношения полов; гендер; современная паремиология; лингвокультурология; современное общество.

Предпосылки исследования. Как известно, в современном мире отношения между мужчиной и женщиной далеки от гармоничных, что говорит об остроте гендерного вопроса и актуальности его научного осмысления. Важно изучать гендерную проблематику и через язык. Мы в своем исследовании пытаемся это сделать через анализ как традиционных, так и современных паремий – русских пословиц и поговорок с гендерной семантикой. Такой подход, возможно, поможет хотя бы в какой-то степени осмыслить кризисное состояние в отношениях между полами.

Для изучения современного материала мы обратились к уникальному словарю «Антипословиц русского народа», изданному Харри Вальтером и Валерием Михайловичем Мокиенко в 2005 году в Санкт-Петербурге [Вальтер, Мокиенко 2005]. Термин *антипословицы* авторы определяют как пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий, вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые фразы известных людей, обценные, бранные паремии.

Результаты исследования. Методом сплошной выборки нами было отобрано 510 антипословиц с опорными словами *мужчина, мужик, юноша, муж, мужской, женщина, баба, девушка, девка, невеста, жена, женский*. Критерием отбора стал формально-семантический признак, который позволил нам выделить паремиологические единицы с гендерной семантикой. Семантическая классификация нашего материала включила четыре основные группы: *Мужчина; Женщина; Брак; Противопоставление мужчины и женщины, мужа и жены*.

Сначала рассмотрим результаты анализа первой группы. Традиционные представления о привлекательности мужчины сохранились лишь в единичных случаях (напр.: *Настоящий мужчина должен посадить дерево, построить дом*

и вырастить сына). В большинстве же случаев наблюдается тенденция к изменению представлений об идеальном мужчине. Примечательно, что само существование идеального мужчины ставится под сомнение: *Идеальный мужчина – это кто-то, кого знала твоя жена, пока не вышла за тебя замуж. Образ современного мужчины связан, прежде всего, с его циничным отношением к женщине: Бей бабу молотом – будет баба золотом; Баба не волк, в лес не убежит; Баба с возу – волки сыты. Есть паремии, в которых прямо, без стеснения говорится о связях мужчины на стороне: Лозунг женатиков: только вперед, только с женой, только с чужой; Любовь нечаянно нагрянет, когда жену совсем не ждешь.*

С новыми реалиями сегодняшнего дня (такими же горькими, как супружеская неверность) связаны единицы, описывающие различные зависимости современного мужчины. Например, зависимость от алкоголя: *Когда женщина настаивает, тем более на спирту, надо пить; Шампанское под домашнему: водка под шипение жены. А вот паремии о компьютерной зависимости и о предпочтении автомобиля всему остальному: Чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на Интернет; Лучшие потерять любимую жену, чем скорость на повороте. Появились выражения о нетрадиционной сексуальной ориентации мужчины: Чем меньше женщину ты любишь, тем голубей твои мечты.*

Мужчина сегодня позиционирует себя как мешок с деньгами (*Не в деньгах счастье, а в мужчине с деньгами*), обладающий грубой мужской силой (*Мужчина должен быть вонюч, волосат и свиреп*). Его многие шутки связаны с намеками на его мужское достоинство: *Мальчик объяснил жестами, что его зовут Хуан; Мальчик, с виду как пахан, показал, что он Хуан* и под.

Перейдем к описанию представлений о современной женщине. Внешним качествам женщины уделяется по-прежнему довольно большое внимание. Поскольку возраст женской привлекательности значительной повысился в современном обществе, то это относится и к женщинам в возрасте: *Сорок пять – баба ягодка опять; Женщина выглядит на столько лет, на сколько она себя чувствует.* Но даже и в стереотипных единицах на тему женской внешности в нашем материале нам встретилось немало с отрицательной коннотацией. Например: – *Эх, бабье лето! – Какие бабы, такое и лето; Милая, ты все красивей и красивей с каждой рюмкой.* О традиционной женской русской красоте (русая коса до пят, румянец на щеках, кровь с молоком) забыто, красота опошляется до предела: *Не одежда красит девушку, а отсутствие оной; Грудь – это лицо женщины!* Нам встретилось немало единиц, в которых подчеркивается искусственность женской красоты: *Наши женщины тратят на косметику гораздо больше, чем страна на вооружение; Время, которое женщина проводит за макияжем, следует вычитать из ее возраста.* Примечательно, что красота женщины связана исключительно с неверностью, изменой: *Красивая жена – чужая жена; Ветвистость рогов мужа прямо пропорциональна стройности ног его жены.*

Что касается внутренних качеств женщины, ее поведения, то на первый взгляд кажется, что представления о них не подверглись кардинальным изменениям, что традиционные взгляды о женщине сохранились. Правда, они

опять же весьма негативного свойства [см.: Никонова 2018], нам встретилось довольно много паремий, в которых нашли отражение многие традиционные представления о недостатках женщины. Например, о глупости (*Женщина рассуждает чувствами; Приятно, когда жена слегка глупее, чем в действительности*), о зависти и себялюбии (*Красивая женщина радуется мужской глаз, некрасивая – женский; Как бы хороша ни была женщина, она думает о себе еще лучше*), о болтливости (*Что у мужика на уме, то у бабы на языке; Чья бы корова мычала – только бы баба молчала; Женщины, безусловно, умеют хранить тайны, но сообща*), о женской переменчивости (*Все женщины хотят одного, потом другого; Если женщина сказала «Нет», не торопитесь с выводами: это может означать «Да»*). Мужчины по-прежнему женщину оценивают очень низко: *Женщина – двуногое бескрылое кровососущее; Женщина тоже человек, только какой-то странный*.

В современных паремиях о женщине появилось еще больше негатива, цинизма и вульгарности. В них теперь самая частотная характеристика женщины – это ее доступность. Приведем только некоторые из огромного количества примеров на эту тему: *Может ли женщина стать лебедем? Может. Если может раком, может и лебедем; Девственность – женский недостаток, устраняемый мужским достоинством*.

Да и сами женщины изменились. Женщину уже не устраивает роль *шеи*, она хочет быть *головой*. Не прошло даром движение феминизма, результатом которого стало признание силы женщины: *Женщины могут все, но просто некоторые – стесняются; Женщинами не рождаются – ими становятся; Вера может двигать горы, она колоссальная баба; Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти; Женщинам нужны большие оруженосцы, чем рыцари*. Особое свойство современной женщины – ее меркантильность: *Бабы на бабки падки; Где баксы – там и бабы; К одним женщинам нужен подход с лаской, к другим – лучше с соболем или норкой*. Есть паремии о зависимости женщины от алкоголя, курения (*Настоящий мужчина состоит из мужа и чина*), – сказала жена, хотя была пьяна; *Девушки, которые курят, кончают раком; Некурящие девушки оттягивают конец*).

Женщина критикуется буквально по любому поводу, даже если она за рулем (*Женщина за рулем как обезьяна с гранатой; Женщина за рулем как фашист в танке*), даже если она ученый (*Женщина-ученый как морская свинка: и не морская, и не свинка*), даже если она просто одинока (*Женщина без мужа – все равно что конь без уздечки; Какой несчастной чувствует себя женщина, которую некому довести до слез!*).

В корне изменилось отношение к браку (третья в нашем материале группа стереотипных единиц). Современный мужчина воспринимает женщину как опасность: *Если женщина вас любит, будьте бдительны: дело может закончиться бракосочетанием; Если ты хочешь, чтобы жена тебе не изменяла, не женись; Руки есть – жены не надо!* Это не могло не изменить представления о браке как социальном институте.

Нами было выделено три подгруппы, демонстрирующие современное отношение к браку: более или менее положительное отношение к браку, даже к

гражданскому (*Гражданский брак – джентльменское соглашение с леди. Счастливый брак – долгий разговор, прерываемый поцелуями*); представление о том, что любые отношения, даже долгие, заканчиваются разводом (*Брак – поезд дальнего следования, с которого многие сходят на ближайшей станции; Брак – это основная причина разводов*); представление о браке как пережитке прошлого (*Брак – слишком совершенное состояние для несовершеннового человека; Часто разница между удачным и неудачным браком заключается в трех-четырех произнесенных репликах ежедневно*).

В последней (четвертой) выделенной нами группе современных паремий мужчина и женщина, муж и жена противопоставляются. Здесь нам удалось обнаружить пять подгрупп, которые характеризуют современные отношения между полами: 1. Хорошо говорится об обоих (*Многие мужчины, полюбив женщину, ничего не теряют; Мужчина в крепких руках женщины может достичь многого, например, стать отцом большого семейства*); 2. О разной природе мужчин и женщин (*Когда у женщин наступают критические дни, у мужчин начинаются критические ночи; Мужская игра – всегда что-то от спорта, женская – от театра*); 3. О женщине говорится хорошо, а о мужчине плохо (*Не бывает страшных женщин, бывают трусливые мужчины; Мужчина ищет свою половину, чтобы выдать ей половину своей любви*); 4. О мужчине говорится хорошо, а о женщине плохо (*Женщина сотворена из ребра, не потому ли она часто выходит мужчине боком? Некоторые женщины такие стеснительные, что стесняются отказывать мужчинам*); 5. Об обоих говорится плохо (*Женщина скрывает от мужчины свое прошлое, а мужчина от женщины – ее будущее; Чтобы не надоест мужчине, женщина меняет платья, а чтобы не надоест женщине, мужчина меняет женщин*).

Выводы. Если ранее нами было выявлено несколько групп с гендерной семантикой (невеста, девка, хозяйка, мужик, хозяин), которые отражали традиционный уклад русской семьи [Никонова 2018], то при анализе современного материала было обнаружено лишь две группы (мужчина и женщина). Относительно традиционных в современных паремиях сохраняется перевес единиц, описывающих женщин (их выявлено в 1,5 раза больше, чем единиц о мужчинах). Значения же современных стереотипных единиц говорят о сохранении традиционных представлений о мужчине и женщине лишь в единичных случаях и в большинстве демонстрируют изменившиеся представления о них. При этом единиц с отрицательными коннотациями в сравнении с положительными выявлено примерно в соотношении 80 % к 20%. Это связано как с социальными причинами (разрушение самого института семьи, социальное равноправие женщин и мужчин и под.), так и с жанровыми особенностями исследуемых стереотипных единиц (антипоговорки). Эпатажность материала исследования продемонстрировала глубокий кризис в отношениях мужчины и женщины, тенденцию к вульгаризации, опошлению, потребительству в этой сфере жизни современного человека.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 576 с.
- Теория и методология гендерных исследований.* Курс лекций / Под ред. О.А.Ворониной. 2001. 293 с.
- Антология концептов* / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. 332 с.
- Кирилина А.В.* Гендер: Лингвистические аспекты. Москва, 1999. 155 с.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета* / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е.В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 479 с.
- Кон И. С.* Маскулинность и фемининность. Энциклопедия Кругосвет // URL:http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/MASKULINNOST_I_FEMININNOST.html?page=0,1 (дата обращения: 24.05.2019).
- Никонова О.В.* Гендерные стереотипы через призму традиционной русской паремиологии // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конф. студ., асп. и молодых ученых, Пермь, 2018. С.46–51. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2018.pdf (дата обращения: 24.05.19).
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 232 с.

Nikonova O.V.

Student of Philological Faculty

Perm State University

GENDER STEREOTYPES THROUGH THE PRISM OF MODERN RUSSIAN PAREMIOLOGY

The article presents the results of studying the paroimias with gender semantics in linguoculturological aspect. The purpose of investigation was to reconstruct the national llinguistic world-image of the man and woman in modern Russian society. As a result of the study, it was revealed how gender stereotypes have changed in relation to tradition and the state of relations between contemporary men and women.

Key words: linguistic world-image; gender; modern paremiology; linguoculturology; modern society.

Юлия Вячеславовна Осипович
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ulechka_ru@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ВРЕМЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ФИЛОЛОГОВ И ФИЗИКОВ

Исследование посвящено анализу ментальных репрезентаций онтологического понятия «время». Материалом послужили ассоциативные реакции, полученные от информантов – филологов и физиков. Предмет исследования – структура ментальных репрезентаций понятия «время» в зависимости от специальности. В работе представлен анализ ассоциативных полей филологов и физиков, выделены и сопоставлены актуальные для них зоны референции, реализованные в ассоциативных реакциях.

Ключевые слова: психолингвистика; социолингвистика; языковое сознание; онтология; время; ассоциативное поле; зоны референции.

Онтология – «учение о бытии как таковом, изучающее его фундаментальные принципы, наиболее общие сущности и категории сущего» [Кузнецов 2005: 388]. Вопросы онтологии являются ключевыми в истории философии и находят свое отражение на всех этапах развития этой науки.

Являясь центральным понятием учения, бытие рассматривается как совокупность атрибутов, таких как время, пространство и движение. Комплексное изучение того, как эти понятия представлены в сознании людей, позволяет проанализировать зависимость их понимания от социальных факторов говорящих и в целом их функционирование в обыденном и научном языковом сознании. В этом может помочь ассоциативный эксперимент, в котором словами-стимулами являются философские понятия; он позволит выявить, насколько семантика реакций соответствует именно философскому понятию.

Предметом настоящего исследования является структура ментальных репрезентаций онтологического понятия «время» в языковом сознании говорящих в зависимости от такого социального фактора, как специальность. Ментальная репрезентация – это «внутренний (психический, ментальный) образ или формат кодирования» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009]. Под форматом кодирования понимаются как модальности репрезентации, так и способы организации репрезентаций, их структура. Понятие – одна из форм ментальных репрезентаций, это «форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств» [Новейший философский словарь].

Целью работы является анализ ассоциативных полей понятия «время», сформированных в ментальных лексиконах говорящих – «системах, отражающих в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющих сложные функции, связанные с указанными

языковыми единицами и стоящими за ними структурами представления экстралингвистического знания» [Кубрякова 1997: 97].

Для сбора материала был проведен свободный ассоциативный эксперимент, информантами в котором выступили 60 человек (30 филологов и 30 физиков; возраст информантов – от 18 до 35 лет). Заданием было дать 3–5 ассоциаций к стимулу *время*; подчеркивалось, что стимул – это философское понятие. Всего было получено 158 уникальных реакций и 267 реакций в совокупности. Ассоциативный эксперимент позволяет получить «непосредственную информацию о структуре внутреннего лексикона испытуемых, т.е. о тех познавательных процессах, которые лежат в основе ассоциирования» [Леонтьев 1997: 75].

В результате анализа полученного экспериментального материала было выявлено ядро ассоциатов, которое было сопоставлено с ядром ассоциативного поля слова *время* согласно «Русскому ассоциативному словарю» (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение ассоциативных полей понятия *время*

Результаты эксперимента	Данные «Русского ассоциативного словаря»
<p>часы – 17; жизнь – 9; быстротечность, движение, длительность, момент, скорость, течение – 5; вечность, линейность, нехватка, прошлое, смерть, старость – 4; деньги, измерение, минуты, необратимость, песок, развитие, ресурс, секунда, секунды, скоротечность, старение, час, изменение – 3.</p>	<p>деньги – 14; вперед, не ждет, часы – 5; бежит, пришло, программа – 4; года, идет, телевизор – 3.</p>

В полученном нами материале и данных «Русского ассоциативного словаря» совпали такие реакции, как *часы*, *деньги*, что позволяет сделать вывод о типичности таких реакции для русского человека в целом. В то же время можно заметить, что реакции, полученные в ходе эксперимента, имеют философский подтекст, в отличие от реакций из словаря.

В ассоциативных полях были выделены зоны (сферы) референции – «устанавливающих в сознании испытуемых отношений между предметом и свойствами, которые задаются реакцией» [Гольдин, Сдобнова 2016: 114]. Объединение реакций по зонам референции и анализ актуальности разных зон референции позволяет изучить разницу в картинах мира (т.е. «построение в сознании индивида образа внешнего многомерного мира» [Леонтьев 1983]) разных социальных групп.

В ходе анализа материала были выделены зоны референции. Материал анализировался в информационной системе «Семограф» (semograph.org). Зоны референции объединены в 3 крупные группы: «Время как объект» (зоны «Характеристика», «Предметные образы», «Сущность времени», «Культура», «Наука», «Философия», «Существование»), «Время как длительность» (зоны «Движение», «Период», «Небытие», «Состояние») и «Время как то, что можно измерить» (зоны «Измерение», «Единица измерения», «Часть», «Пространство», «Точка»).

Рассмотрим зоны референции подробнее.

1. «Время как объект». Данные о количестве реакций, вошедших в зону референции, и количестве информантов, в реакциях которых реализованы данные зоны референции, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Зоны референции группы «Время как объект», абс.

Зона референции	Всего		Физики		Филологи	
	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций
Характеристика	40	86	14	25	26	61
Сущность времени	29	47	9	15	20	32
Предметные образы	20	27	8	12	12	15
Существование	13	15	3	3	10	12
Наука	9	17	4	6	5	11
Философия	5	7	0	0	5	7
Культура	4	7	0	0	4	7

В группе «Время как объект» наиболее объемной является зона референции «Характеристика» (см. табл. 2). Ассоциаты, попавшие в эту зону, определяют время с точки зрения индивидуального восприятия, личного отношения и фундаментальных признаков. Большинство реакций из этой зоны относятся одновременно и к другим зонам референции, поэтому их уместнее анализировать в контексте более конкретной зоны. Однако есть и единичные реакции и, реже, парные реакции, которые можно определить, как личное, индивидуальное восприятие времени конкретным информантом (*влияние, воспоминания, моменты, рациональность, стремление, характеристика, ценность*).

Ассоциаты сферы «Сущность времени» характеризуют время с точки зрения его сущностных качеств, неотъемлемых черт и особенностей. Ядро данной зоны составляют реакции *линейность, ресурс, быстротечность, вечность, необратимость*. Они определяют время как то, что вечно и необратимо, является ресурсом. Субъект с точки зрения сущностных свойств времени не играет активной роли (*не зависит от человека, невозможно влиять, неуловимость, неосвязаемость*). Ряд ассоциаций этой зоны определяет время как нечто хрупкое, неуловимое и эфемерное (*хрупкость, недолговечность, достаточно рандомное, неуловимость, эфемерность*). Некоторые ассоциации противоречат друг другу: *линейность – цикличность, быстротечность – постоянство, вечность – недолговечность*, что говорит о неоднозначности, диалектичности природы понятия «время». Цикличным время назвали только филологи, физики выделили лишь линейность. Это может быть связано с тем, что восприятие времени цикличным характерно больше для представителей гуманитарной сферы: в философии, истории и литературе время часто рассматривается с этой точки зрения, в рамках различных концепций. В целом физики актуализируют эту группу в меньшей мере (см. табл. 2), нежели филологи (см. табл. 2).

Ядро зоны референции «Предметные образы» формируют ассоциаты *песок, часы, деньги*. Эти ассоциации прочно закрепились в ментальном лексиконе людей и вошли во фразеологию. Разница в частоте актуализации данной сферы у филологов и физиков не существенная (см. табл. 2).

В зонах «Культура», «Наука» и «Философия» представлены ассоциации, связанные с культурным контекстом и сферами знания: персоналии (*Тоффлер, Кастельс, Бахтин, Хайдеггер*), термины (*относительность, хронотон, полураспад, скаляр, световой конус, поток фотонов*), философские понятия (*бытие, материя, начало*). Время здесь является объектом культурного и научного осмысления. С зоной «Философия» связана зона «Существование», в нее вошли реакции *бытие, материя, жизнь, жить, существует в один единственный миг, суть*. Данная зона отсылает как к философскому контексту, так и к обыденному: реакции в ней совпадают с реакциями зоны «Философия», а также характеризуют время как составляющую жизни.

Лишь филологи выделяют ассоциации из сфер «Культура» и «Философия» (см. табл. 2), реакции физиков представлены только в сфере «Наука» (см. табл. 2). В данном исследовании было важно понять, помещают ли информанты слово *время* в контекст философии. Ассоциативный эксперимент показал, что эту связь отмечают лишь немногие филологи.

2. «Время как длительность» (ядро – *изменение, движение, течение, быстрое, быстротечность, скоротечность, длительность, скорость, смерть, развитие, жить, старение*). Данные о количестве реакций представлены в табл. 3.

Таблица 3

Зоны референции группы «Время как длительность», абс.

Зона референции	Всего		Физики		Филологи	
	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций
Движение	39	69	14	18	25	51
Период	18	24	9	11	9	13
Состояние	9	10	3	4	6	6
Небытие	5	8	0	0	5	8

Ассоциаты основной зоны референции в данной группе (зоны «Движение») можно разделить на следующие подгруппы:

1) фазы жизни (*жить – старение – смерть*). С этим коррелирует и другая зона референции – «Период» (*года, секунды, минуты, прошлое, старость*), описывающая различные периоды жизни и истории (*период жизни, времена года, эпоха*), временные промежутки (*секунды, минуты*), фазы жизни и времени (*детство – старость; прошлое – настоящее – будущее*). Ассоциаты в ней выстраивают последовательность сменяющих друг друга этапов или состояний, отражая линейность и динамичность времени, его изменчивость. Реакции со значением фаз времени актуализировали только физики, филологи уделили внимание временным промежуткам и в меньшей степени – фазам жизни. С ассоциатом *смерть* связана еще одна зона референции – «Небытие», выделенная только у филологов (см. табл. 3). В нее вошли реакции, обозначающие конец или

движение к нему (*гниение, смерть, разложение, конец*). В данной зоне актуализируется значение конечности жизни под воздействием времени не только в контексте смерти как результата существования, но и в контексте процессуальных явлений (*гниения, разложения*). Время здесь имеет значение чего-то, протекающего само по себе, неподвластного человеку. Еще одна зона референции, отражающая состояния и процессы, связанные со временем – «Состояние». Реакции этой зоны можно разделить на чувства/ощущения и процессуальные действия, которые, в свою очередь, имеют условно положительную, отрицательную и нейтральную эмоциональную окраску. Так, к условно положительным чувствам относятся реакции *чувства, уверенность, стабильность*. К отрицательным – *холера, безысходность, упадок*. Нейтральную окраску имеют следующие действия: *ожидание, опоздания, пребывание*. Результаты эксперимента показали, что филологи в большей степени актуализируют отрицательные и нейтральные группы, а физики – положительные и нейтральные. Из результатов анализа этих двух зон референции мы можем предположить, что филологи больше физиков склонны выделять негативные семантические компоненты (например, ассоциат *смерть* выделили только филологи). На их восприятие времени накладывает отпечаток гуманитарное знание, которое как раз обогащает семантику понятия.

2) фазы движения: начало (*начало*) – продолжение (*движение вперед, продолжение, развитие, бег, динамика, изменчивость*) – завершение (*уходит, падение, смерть*). В сознании информантов время предстает динамичным и изменчивым процессом (*поточность, быстротечность, скоротечность, длительность*). Наиболее актуализированными ассоциатами являются *изменение* (как развитие, эволюция, движение вперед) и *быстротечность*. Эти два определения времени выражаются различными синонимами, но смысл остается неизменным. Как и в предыдущей группе, субъект является действующим лицом, в отличие от зон референции, относящихся к зоне «Характеристика», в которой субъект не играл значительной роли. Именно фазы движения в большей мере актуализируют физики.

3. «Время как то, что можно измерить» (ядро – *часы, нехватка*). Данные о количестве реакций представлены в табл. 4:

Таблица 4

Зоны референции группы «Время как то, что можно измерить», абс.

Зона референции	Всего		Физики		Филологи	
	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций	Кол-во информантов	Кол-во реакций
Измерение	31	36	12	12	19	24
Пространство	18	20	4	6	10	14
Точка	10	13	4	5	6	8
Единица измерения	6	16	3	7	3	9
Часть	3	4	1	1	2	3

Время в этой группе рассматривается как ограниченное, измеряемое, то, что можно распределить, посчитать и то, чего мало или не хватает. Физики в большей степени актуализируют то, чем можно измерить время (*часы*), его нехватку и величину, а филологи помимо этого выделяют его ограниченность. Меры измерения времени представлены в зоне «Единица измерения» (*секунда,*

минута, день, сутки, 36 часов, год, век), а также подобное значение имеют ассоциаты зоны «Часть» (*отрезок, промежуток*). Разница в частоте реакций этих двух зон у филологов и физиков не существенная (см. табл. 4). С тем, что можно измерить, связана также и зона «Пространство». Наряду с движением, понятие пространства находится в тесной связи со временем. В этой зоне присутствуют научные термины, в том числе профессионализмы филологов и физиков (*пространство-время, материя, параллельные вселенные, четырехвектор, хронотоп*), прослеживается связь времени с другими соотносящимися с ним понятиями, в частности с философскими, а значит, информанты ощущают связь на уровне ассоциативного мышления. В данной зоне присутствуют предметные образы реального мира (*песок, река, вода*), обозначения промежутков (*отрезок, промежуток*), качества (*протяженность*). В зоне «Пространство» отсутствует элемент движения, реакциями являются предметы и явления, зафиксированные в пространстве, ограниченные чем-либо. В этом смысле данная зона имеет общее с зоной «Точка», чьи реакции отражают зафиксированный момент времени, отсутствие дления (*сейчас, момент, срок, разы, миг, дедлайн*), либо нечто зафиксированное в пространстве и времени (*координата*). Эти зоны референции – единственные, в которых не подчеркивается динамичность времени.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Все зоны референции можно соотнести с тремя наиболее существенными: «Движение», «Измерение», «Характеристика». Три этих сферы являются наиболее обширными с точки зрения смысла, вбирают в себя ключевые характеристики, описывающие время. На их основе формировались три группы зон референции. «Время» выступает как некая длительность, как объект изучения и как то, что можно измерить.

2. Филологи чаще всего актуализируют зоны «Характеристика», «Движение», «Сущность времени», а физики – «Движение», «Характеристика», «Измерение». Кроме того, филологи чаще физиков обращаются к культурному и философскому контексту, называют ассоциации с негативной окраской.

3. У времени можно выявить неотъемлемые признаки (быстротечность, независимость, хрупкость), характер движения (цикличность – линейность, быстротечность – постоянство), выраженность в предметных образах (песок, часы), связь с культурой и науками, фазы жизни и движения, его можно измерить и поместить в пространство, тем самым ограничив. И все это находит отражение в структуре понятия «время», сформированной в ментальном лексиконе информантов.

Список литературы

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009. URL: https://methodological_terms.academic.ru/122/АССОЦИАТ (дата обращения: 04.04.19).

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Модель ассоциативного реагирования, сферы референции стимулов и картина мира // Вопросы психолингвистики. М., 2016. С. 112–119.

Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск, 1999. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/938 (дата обращения: 04.04.19).

Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: http://endic.ru/enc_epist/Mentalnaja-reprezentacija-328.html (дата обращения: 04.04.19).

Кубрякова Е.С., Деменков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 197 с.

Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261. URL: <http://www.infolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html> (дата обращения: 04.04.19).

Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. Наук. М.: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 04.04.19).

J.V. Osipovich

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE CONCEPT OF “TIME” IN THE LINGUISTIC AWARENESS OF PHILOLOGISTS AND PHYSICISTS

This research is devoted to the analysis of mental representations of ontological concept “time”. The associative reactions received from philologists and physicists were the research’s material. The subject of the research is the structure of mental representations of the concept “time” depending on the specialty. The article presents an analysis of the associative fields of philologists and physicists. The relevant reference areas that were implemented in associative reactions are identified and compared.

Key words: psycholinguistics; sociolinguistics; linguistic awareness; ontology; time; associative field; referential areas.

Елизавета Сергеевна Руденко
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
es.rudkovskaya@gmail.com

СТРУКТУРА ЖАРГОНА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье предпринимается попытка выделения в рамках интернет-коммуникации лексических единиц, принадлежащих к разным типам жаргона. Материалом послужили более 19 тыс. реплик-комментариев пользователей социальной сети «ВКонтакте». Результатом исследования является представленная в статье классификация типов жаргона на данном материале. В заключении делается вывод о количественном соотношении разных типов жаргона в речи пользователей социальной сети.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, язык интернета, лексика, жаргон, общий жаргон, профессиональные жаргоны, интернет-жаргон.

К вопросу об определении понятия «жаргон» и типам жаргона

В современном языкознании не существует единой точки зрения на термин «жаргон». Ряд исследователей рассматривает жаргон как языковую систему. Например, в словаре О.С. Ахмановой жаргон определен как «язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой» [Ахманова 1966: 144]. В этом случае жаргон рассматривается как достаточный для коммуникации язык – код.

Наиболее распространенный взгляд на понятие фиксируется в ЛЭС: под жаргоном понимается «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодежный жаргон)» [Арапов 1990: 151]. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило жаргон определяется как «речь какой-либо социальной или профессиональной группы, отличающаяся особым составом слов и выражений, иногда специфическим произношением [Жеребило 2010: 106].

В приведенных определениях устанавливается два важных положения: 1) жаргон признается фактом не языка, а речи; 2) социальная база носителей жаргона негомогенна и может быть основана на любом социальном признаке или их комбинации.

В настоящем исследовании принимается компромиссная точка зрения на понятие «жаргон», представленная в работе Е.В. Ерофеевой: «социальный жаргон представляет собой часть системы (обычно лексического уровня) языка, общую только для определенной социальной группы его носителей, но не для всех

носителей языка. Это, безусловно, не самостоятельная коммуникативная система. Носители жаргона... используют его единицы в речи в совокупности с единицами других идиомов» [Ерофеева 2005: 78]. Рассмотрим различные типы жаргона.

Л.П. Крысин выделяет следующие разновидности жаргонов: профессиональные жаргоны; социальные жаргоны и арго; сленг, или общий жаргон [Крысин 1989].

Носителями профессиональных жаргонов выступают различные профессиональные коллективы. С точки зрения состава профессиональные жаргоны не всегда однородны. В речи специалистов разных областей выделяют три типа единиц: термины (их традиционно относят к кодифицированному литературному языку – КЛЯ), профессионализмы и профессиональные жаргонизмы (их традиционно относят к профессиональному жаргону). Профессионализмы занимают промежуточное положение в этой системе и в зависимости от позиции исследователя могут относиться к КЛЯ или профессиональному жаргону [Ерофеева 2005; Языки профессиональной коммуникации 2003]. Отнесенность лексической единицы к КЛЯ или жаргону в первую очередь зависит от его экспрессии.

Социальные жаргоны и арго, согласно Л.П. Крысину, следует рассматривать в единстве, признавая при этом характерной чертой арго его «тайность», стремление носителей к сокрытию их языка; социальный жаргон перестает сопровождаться признаком «тайности», но выступает маркером для группы его носителей. База носителей этих языковых образований, еще более изменчива, чем социальная база носителей профессиональных жаргонов. Большая часть социальных жаргонов является отражением социальных изменений, чем обусловлен его подвижный, изменчивый характер [Крысин 2000: электр.].

Особыми видами социальных жаргонов являются также молодежный жаргон и общий жаргон (сленг). Молодежный жаргон также не является однородным по структуре образованием, в его социальную базу могут входить школьники, студенты, представители молодежных неформальных группировок, которые имеют собственный социальный жаргон. Главными особенностями лексики молодежного жаргона является ее экспрессивность и постоянная пополняемость за счет установки носителей на постоянный поиск новых лексических средств [Юганов, Юганова 1997].

Ввиду неопределенности социальной базы молодежного жаргона (во-первых, не установлено возрастное ограничение носителей жаргона, а во-вторых, далеко не все представители молодежи являются активными – и даже пассивными – носителями жаргона) и его широкой распространенности в последнее время (носителями оказываются люди среднего и даже старшего поколения) стало возможным говорить о понятии общего жаргона [Ерофеева 2005]. Понятие общего жаргона вызывает ряд вопросов, рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи. В работе под этим термином понимается «пласт современного русского жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой

информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского языка» [Ермакова и др. 1999: IV].

Материал и методы исследования

В настоящем исследовании на материале интернет-коммуникации предпринимается попытка выделения лексических единиц, принадлежащих к разным типам жаргона. Исследование является частью крупного научного проекта “Social Network Analysis” [Белоусов и др. 2019].

Материалом исследования послужили 19 162 реплики-комментария 299 пользователей социальной сети «ВКонтакте» (vk.com).

На первом этапе работы с материалом реплики были расклассифицированы по признаку наличия или отсутствия в них жаргонных лексических единиц; на втором этапе работы комментарии, содержащие жаргонизмы, были расклассифицированы по группам, обозначающим тип жаргона данной единицы. Количественные данные в исследовании были собраны при помощи информационной системы «Семограф» (semograph.org), предназначенной для обработки текстовых данных, материалов лингвистических экспериментов, создания и разметки языковых корпусов [Belousov et al. 2017].

Характеристика жаргонной лексики в интернет-коммуникации

Итак, жаргонизмы употребляются в 2 061 реплике 137 пользователями, т. е. комментарии с жаргонизмами составляют десятую часть комментариев всего проекта (10,76%), к употреблению жаргонизмов прибегает почти половина всех информантов исследования (45,81%). Отметим, что большое количество реплик в материале представляет собой неразвернутые, зачастую однословные, высказывания, в том числе представленные только эмоджонами. В эту группу вошли реплики, содержащие единицы разных типов жаргона: общего жаргона, интернет-жаргона, жаргона субкультур (представленного профессиональными и социальными жаргонами). Рассмотрим их подробнее.

Высказывания, вошедшие в общий жаргон, составили самую крупную группу: 1 716 реплик 129 пользователей. Отметим, что реплики с лексическими единицами молодежного жаргона также были отнесены в эту группу, т. к. процедура его разграничения с общим жаргоном представляется затруднительной. Приведем примеры комментариев с единицами общего жаргона (здесь и далее речевой материал дан в исходном виде, в том числе со ссылками и эмоджонами, представленными в комментариях – *Е.Р.*): **норм сели) норм доехал; клёво.. я тя тож; Константин, чума** *какая; че начал то, на юриста учишься и все чтоли, заочник, ты же знаешь наше правило: есть три чувака, два всегда издеваются над третьим, в данный момент 'третий' это ты, я и александр просто развлеклись :); спасибочки большое:))))); Я позвоню как все порешаю; поздравляю)) очень они кайфовые))))); Хм, Во-вторых, это крутые клипы, ну нет больше в российском шоу-бизнесе круче, чем их. И текст, да, он прост, понятен, и сразу же запоминается. Его можно в качестве хештегов использовать; а кстати четкая фотка))))))))* **двое в пиджачках и один в**

футболке :DD; неа)))))))))) ПГУ рулит))) XDD.....; последнюю фразу я бы убрала, но я настолько глупа и ленива, что не стала этим заморачиваться)) Анна, пушто в окружении футболистов (пушто – потому что); мартин лололо, а наташа из дикого ангела, вы же не родились, когда был пик его популярности))))); лолл; оххохо, как смогла, сидела же у меня, ололо. Ну спасибо, спасиibo (от англ. LOL – laugh out loud – смеяться громко, вслух); по некоторым данным, знаки зодиака сдвинулись) **пруф**: <https://meduza.io/cards/nasa-pomenyala-znaki-zodiaka-eto-pravda> (от англ. proof – доказательство); и др.

Второй по объему группой стал интернет-жаргон: 234 реплики 64 пользователей. В терминах Л.П. Крысина его можно рассматривать как социальный жаргон. В этот тип жаргона были отнесены комментарии со специфическими лексическими единицами, которые можно разделить на две группы: лексические единицы, которые называют объекты интернет-пространства, и лексические единицы, которые называют действия субъектов интернет-пространства; продемонстрируем примерами лексику указанных групп.

Лексические единицы, называющие объекты интернет-пространства появляются в следующих комментариях: *ибо очень неудобно стало без контакта* (социальная сеть «ВКонтакте» – vk.com); *Каких слов, какого рэпа? XD Ты о чём ваще? XD у меня на стене одни приколы так то, тебе приснилось чтоли? XD* (стена – структурный элемент страницы пользователя социальной сети «ВКонтакте», на котором могут располагаться записи этого пользователя и других пользователей); *че ты начинаешь то. Ассоциации проводи от России на картинке до Перми. И вообще, я не обязана тебе объяснять смысл своих постов* (пост – публичная информационная запись, размещенная пользователем в социальной сети, микроблоге или на форуме); *в принципе картинка показывает насколько хорошо этот поисковик* (поисковая система); *И вообще – пусть меня расстреляют, но майл ЛУЧШЕ!!!* (почтовый сервис “Mail.ru” – mail.ru) и др.

Часть лексических единиц интернет-жаргона трудно поддается классификации. С одной стороны, они называют реалии интернет-пространства, с другой стороны, являются маркерами общения в интернете по своей форме, например: *кто бы говорил?))) Почему ты в вк во время службы? работы нет?* (сокращение от названия социальной сети «ВКонтакте»); *я пару раз пытался в комментах почитать подсказку, но там люди как то криво объясняют, видео не запускал)* (сокращение от «комментарии» – высказывания пользователей, оставленные под публичными информационными записями); *Евгения, ответила в личку* (сокращение от «личные сообщения» – структурный блок в социальной сети «ВКонтакте» личной переписки пользователя с другими пользователями); *дак я и сказала, что захожу сначала в конфу* (сокращение от «конференция» – беседа в личных сообщениях, в которой принимает участие несколько пользователей); *Анастасия, дада, мне тоже часто кнопки ‘дислайк’ не хватает* (от англ. dislike – параметр «не нравится», по которому можно оценить контент в интернет-пространстве); *Ушёл в оффлайн* (от англ. offline – буквально «не в сети»). Единицы разных подгрупп интернет-жаргона могут встречаться внутри одного высказывания: *Михаил, первый пост был в инсте, и на него*

отреагировали только девчонки, вот к ним и обращение :*Да старая под челкой спряталась* (*пост* – см. выше в группе лексических единиц, называющих понятия; *инста* – сокращение от «Инстаграм», социальная сеть Instagram.com). Подобные единицы, на наш взгляд, стоит относить к подгруппе лексических единиц, называющих реалии интернета, отмечая при этом их особую морфологическую структуру, т. к. ключевым в их характеристике является функция номинации нового объекта.

Лексические единицы, называющие действия субъектов интернет-коммуникации находим в следующих высказываниях: *или я просто плохо гуглила*) (гуглить – ‘выполнять поиск в поисковой системе “Google” – google.com’); *я только вспомнила, и ты скинула фильмак*) (скинуть – ‘отправить интернет-ссылку на страницу с чем-либо’); *Я пожалуй не буду удалять эту запись, ведь ее лайкнул сам автор строк=)* (лайкнуть – ‘поставить «лайк»’); *А вот!))) Это знает не так много людей) Вбей в Яндекс и посмотри*) (вбить – ‘задать определенный запрос в поисковой системе’) и др.

Самой малочисленной по количеству включенных реплик подгруппой жаргона оказался **жаргон субкультур**, в него попала 201 реплика 48 пользователей. В настоящем исследовании субкультура понимается как «культура отдельных сословий, классов, социальных групп, возрастных, профессиональных объединений, обладающих определенной автономностью существования, своим языком (сленгом, жаргоном), единством ценностных установок, мышления, образа жизни» [Беляев 2010: 67], поэтому подгруппа жаргона субкультур включает профессиональные жаргоны и жаргоны социальных групп (молодежных движений, групп по интересам).

Среди профессиональных жаргонов встретились:

- жаргон геодезистов: *большой тоже с егором будут ползать с рейками и теодолитом;*
  - жаргон филологов: *засоссюрь меня полностью – девиз второго курса!;*
  - жаргон музыкантов: *мне понравилась=)) визи минусовку)))*; *У тебя тогда шикарно получалось, Макс докажет. Песня играется одними квинтами, участвуют всего два пальца. Единственная сложность в правой руке, но с медиатором судьбы все будет круче и проще! Не посмотрела еще фильм?;*
  - жаргон программистов: *Нееее. БД – не моё. Добровольно не полезу. Ежели вдруг понадобится что-то сложнее **sqlite** – однозначно на **аутсорс**; Мне **itap** по стилю работы совершенно не подходит. И просто **архитектура протокола** не нравится))* и др.; *и он глючит чаще (ну не он сам, а реализации, но не суть); чувак жжжет...дваждыесли наши сбайтили у них 'галилео', почему бы не сбайтить и серию, хоть бы перевели;*
  - жаргон химиков: *хим корпус ПГУ) физколлоидная лаба)*
- и др.

Среди жаргонов социальных групп встретились:

- жаргон субкультуры любителей аниме: *Закосплеила Вику в косплее Лулу; Сама ты гопник! Это кавайка! Хирота не Хирота..; сегодня за час заработали 800 в дождь. Нужно остаться здесь и учиться играть на гитаре,*

- тян лучше дают денег; Кавайка, кавайка...; не)) кста если слышал о бличе, говорят скоро завершающая арка в манге будет);*
- жаргон субкультуры любителей вселенной произведений Дж.Р.Р. Толкина: *да нет. это Фингон. из валаров;*
  - жаргон субкультур любителей различных музыкальных направлений: *Все твои фортепьянные песни сваливаются в драмчик)) В Little People – Moon он был на втором плане, потом все явнее и явнее; что, не любите рэпчик? :D; ворлд музик бее) не люблю такое :(; скатились в электронику =(; Александр, на вкус и цвет... :) конечно не тот уже дэткор, но такие bmtH тоже по мне :); Нойз разочаровывает, на фитах кормится.;*
  - жаргон субкультуры любителей кинофильмов или сериалов: *не-не-не) никаких спойлеров, просто я не могу держать в себе тот факт, что серия шикарна); все фильмы в зеленых комнатах снимать скоро будут :С;*
  - жаргон субкультуры любителей компьютерных игр: *нееееет). __я не задроття уже месяц не играю :D; саня бери айпод) будем по блютузу геймить); Чтобы в кс на пианинке играть; Вчера создал перса.; мана посоны! МАНА!!!; ололо, буду ждать, ты все равно не оторвешься от дотки;*
  - жаргон студентов: *йес. Попробует пусть только опять неуд поставить; на Биофак)); В ЕКБ такая же стипуха как и в ПГУ. Вот если бы 240 набрал, то 5000 было бы; У мну начался матан, а вот это интересно. Так что я афк; как-нибудь встретимся, расскажу тебе про наших преподов – мама не горюй прямо)); От души Наташ! У Меня уже 1 автомат по выш мату!; завтра срок сдачи всех индивидуалок!!!а у меня ещё оч много не сделано!!!а....;*
  - жаргон субкультуры лыжников: *На пластик снег не липнет) А лыжи специально для вкатки, самые простые и старые и др.*

Как видим, жаргоны субкультур представлены широким спектром профессиональных и социальных жаргонов. Лексические единицы того или иного типа жаргона субкультур появляются в комментариях пользователей, очевидно, в соответствующей этой субкультуре коммуникации: представители субкультур употребляют эти единицы при общении с другими ее членами.

Выводы

Жаргонизмы в интернет-коммуникации употребляют более половины информантов исследования. Высокий показатель плотности реплик маркированных как «жаргонные» (рассчитывается как отношение количества реплик с жаргонизмами к количеству пользователей, которые их употребили, и равен 16,39 репликам на человека), объясняется, во-первых, частотностью употребления единиц общего жаргона горожанами (см., например [Ермакова, Земская, Розина 1999]), которые преимущественно и являются пользователями интернет-ресурсов; во-вторых, высокой степенью влияния на речь интернет-жаргона как основного специфического идиома цифрового пространства; в-третьих, наличием множества социальных групп, в том числе профессиональных, в которые входят пользователи и, соответственно, единицы социолектов которых они употребляют в речи.

Список литературы

Арапов М.В. Жаргон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 151.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 608 с.

Белоусов К.И. и др. Многопараметрический анализ лингвистических данных в информационной системе «Семограф» (на примере исследования речевого поведения пользователей социальной сети) / Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л., Щebetенко С.А. // Вестник Томского университета. 2019 (в печати).

Ермакова О.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX в. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 320 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. 2000. №5. С. 63-91.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90 гг.). М.: Метатекст, 1997. 304 с.

Языки профессиональной коммуникации: матер. междунар. науч. конф. Ин-т языкозн. РАН; Челяб. гос. акад. культ. и иск.; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2003. 588 с.

Belousov K. et al. "Semograf" Information System as a Framework for Network-based Science and Education / Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y., Baranov D. // Smart Education and e-Learning 2017 / Uskov V.L., Howlett R.J., Jain L.C. (Eds.). Springer, 2017. Pp. 263–272.

E.S. Rudenko

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

THE STRUCTURE OF SLANG IN INTERNET-COMMUNICATION

The article attempts to isolate lexical units belonging to different types of slang within the framework of Internet communication. The material of the study is more than 19 thousand comments of users of the social network "VKontakte". The result of the study is the classification of types of slang. The study shows a quantitative ratio of different types of slang in the speech of users of a social network.

Keywords: Internet communication; Internet language; vocabulary; slang; general slang; professional slang; Internet slang.

Анастасия Александровна Савельева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
nastasiasavelieva@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ГОРОД» НА ОСНОВЕ УСТНЫХ СПОНТАННЫХ МОНОЛОГОВ: ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

В настоящей статье представлена концепция моделирования понятия «город» на примере города Пермь. Сделан обзор теоретических подходов к пониманию пространства и города как пространства, его связи с языком и сознанием. Материалом всего исследования являются устные спонтанные монологи жителей Перми и Пермского края, однако в рамках данной статьи в качестве пилотной построена модель понятия «город» на основе одного монолога, являющегося репрезентантом множества. Обработка текстов осуществлялась в ИС «Семограф» с применением метода графосемантического моделирования. В результате получен граф, иллюстрирующий наиболее важные микротемы и связи между ними, которые формируют образ города.

Ключевые слова: графосемантическое моделирование; структура; пространство; городское пространство; устный спонтанный монолог; когнитивный подход.

Изучение города и городской речи на протяжении последних десятилетий является актуальным. В пермской школе социолингвистики исследования рассматриваются через три аспекта: изучение городской речи, социального варьирования речи и социокультурного аспекта [Доценко, Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И. 2010]. Исследования городской речи в пермской школе в большей степени направлены на изучение фонетического и лексического уровня языка, но и в некоторых случаях грамматического уровня. Социальное варьирование подразумевает собой изучение речи с точки зрения социальной дифференциации языка. Социокультурный аспект изучения городской речи в пермской школе рассматривается через взаимодействие социальных и национальных групп, культур, религий и т.д. Поэтому здесь важными вопросами становятся взаимодействие и интерференция различных идиомов. Однако сейчас все чаще используется когнитивный подход к изучению социальной вариативности языка (см. например [Белоусов, Баранов, Ерофеева 2015, Белоусов, Ерофеева, Лещенко 2018]). В настоящей работе к материалу исследования применяется когнитивный подход, рассматриваются механизмы переработки знания как центральное звено психики человека.

Цель данного исследования – моделирование семантической структуры устного спонтанного монолога о городе как о пространстве. На основе лингвистического анализа нарративов жителей моделируется понятие «город», состоящее из ядра, средней зоны и периферии.

Для построения такой модели в первую очередь необходимо выяснить, чем является город. Для этого рассмотрим понятие «город» через корреляцию с понятием «пространство». Но вопрос о пространстве нельзя уместить в рамки конкретной дисциплины, потому как пространство не обладает должным для этого содержанием, поэтому мы обратимся к различным областям знаний [Гидденс 2001].

С точки зрения физики или субстантивистской (абсолютной) модели мышления пространство рассматривается только как физический объект. Согласно такой метафорике пространство можно описать как аквариум, заполненный живыми (горожане) и неживыми (инфраструктура) объектами [Вахштайн 2014]. Данная теория популярна в социологии, но поддается критике: «Если бы пространство было пригодным для исследования объектом, тогда бы мы имели возможность указать на место пространства в физическом мире. Но это невозможно, так как пространство не существует как материальный объект или как содержательный (теоретический) объект» [Верлен 2001: 33].

С точки зрения философии или эпистемологической модели мышления, пространство – это модель, которую мы конструируем за счет восприятия, а оно, в свою очередь, присутствует у нас априорно. При этом пространство и восприятие находятся в корреляции: пространство нельзя мысленно изолировать от познающего субъекта [Верлен 2001]. Определение понятия «пространство» в соотношении с городской средой по данной модели мышления кажется нам не релевантным, так как относится к определению пространства через познающий субъект, что имеет отношение только к работе мозга, и будет рассматриваться нами как восприятие.

Противоположной моделью мышления является реляционная теория, которая объединяет в себе физическую, философскую и географическую науки. Согласно данной модели представление о пространстве сводится к топологии: пространство – это характеристика отношения, соположения и сосуществования тел [Вахштайн 2014]. То есть можно сделать следующий вывод: город не находится в пространстве, но является топологическим объектом, пространственность которого может быть определена как порядок его отношения с другими объектами и как порядок отношения объектов, составляющих его. Поэтому, «город остается городом, пока остается неизменным устойчивое ядро отношений». Задача каждого конкретного исследования – это идентификация такого ядра: что делает город X городом X» [Вахштайн 2014: 27-28]. Опираясь на вывод о городе как о пространственном объекте, имеющем устойчивое ядро отношений, мы, основываясь на анализе языковых единиц, сконструируем модель репрезентации городского пространства его жителями, которая будет так же состоять из ядра, средней зоны и периферии. Предполагается, что данная модель, основанная на нарративах жителей города, сможет идентифицировать ядро города, рассмотреть среду города с целью ее оценки.

Следующий шаг – это поиск соотношения пространства и восприятия пространства. Это необходимо для того, чтобы понять, каким образом функционирует восприятие и как оно связано с языком.

Восприятие осуществляется путем поступления информации из внешнего мира, а также является детерминированной деятельностью субъекта, его психикой. Результаты восприятия и механизмов его переработки представлены в языке: образы, впечатления, оценочные суждения и как итог – субъективные картины мира. Необходимо также отметить, что невозможно рассматривать или воспринимать определенный объект отдельно от области, в которой он находится, подобно тому как мы не можем объяснить, что такое *локоть* не ссылаясь на *руку*. Аналогично и в данной работе: мы не можем рассматривать *город* отдельно от *пространства*. А также не учитывать трехмерное восприятие человеком этого пространства, что является одним из основных опытов, формирующих языковую картину мира [Кибрик, Кобозевой и др. 2002]. В восприятии пространства первичным является зрительное восприятие как опыт отражения «внешней» реальности, которая еще и понимается, переживается, интерпретируется. Таким образом, опыт восприятия является частью когнитивного и эмоционально-оценочного опыта и фиксируется в языке.

Первичным процессом фиксации восприятия в языке является номинация, что подразумевает под собой «языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов» [Колшанский 1976: 15-16]. Сущность номинации состоит в том, что языковой знак репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. Наименьшей и основной единицей номинации, то есть объективизации этого отражения, является слово. За словом всегда стоит совокупность знаний как о языковом знаке, так и о совокупности знаний об обозначаемом объекте [Лаенко 2006]. Таким образом, мы можем утверждать, что слово – это фундаментальная единица языковой картины мира, всей языковой способности человека. Именно через слово происходит связь языковой картины мира с нашим восприятием.

То есть анализ языковых единиц позволяет нам приблизиться к пониманию особенностей восприятия пространства. Поэтому моделирование понятия «город» с использованием когнитивного подхода даст наиболее объективное описание восприятия горожанами города через средства языка и позволит нам сделать вывод о структуре образа города и ее зависимости / независимости от различных социальных параметров говорящих.

Для построения модели понятия «город» был собран следующий экспериментальный материал: 40 устных спонтанных монологов от жителей Перми и Пермского края с высшим образованием. Средняя продолжительность одного монолога составляет 2 мин. 43 сек. На данном этапе также расшифрована часть материала, по которому можно отметить, что среднее количество слов монологах информантов – 305. Информанты сбалансированы по следующим параметрам: гендер, возраст, место проживания (см. рис. 1).

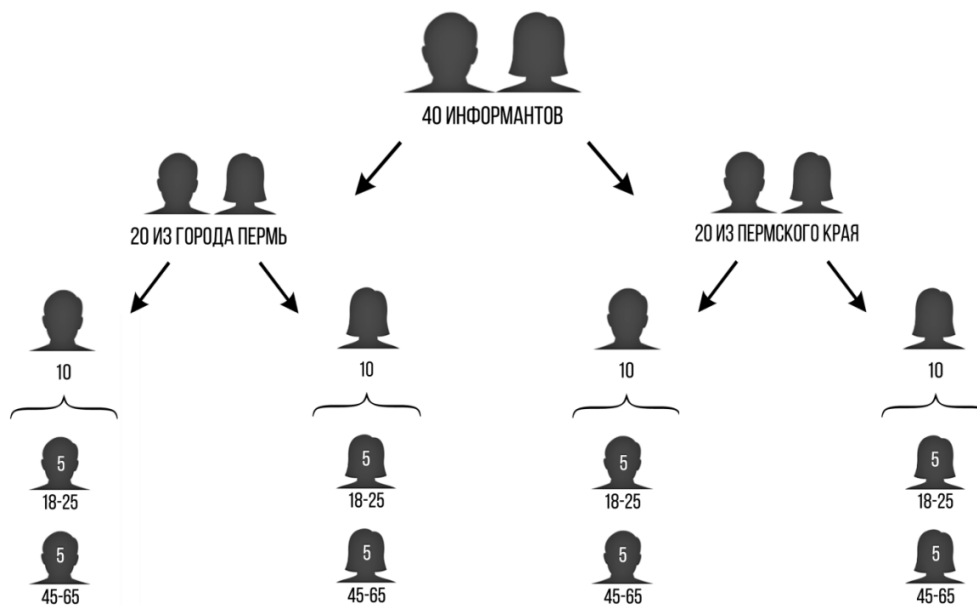

Рис. 1. Выборка информантов.

Для построения модели понятия «город» использован метод графосемантического моделирования, предложенный разработчиками информационной системы «Семограф». «Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества» [Белоусов 2009: 31]. Данный метод моделирования позволяет нам представить набор данных в виде системы, в которой «каждый из компонентов имеет иерархическую и топологическую определенность по отношению ко всем компонентам и всей системе в целом» [Белоусов 2009: 31]. Данный метод использован в ряде работ исследователей пермской школы социалингвистики (см. например [Белоусов, Баранов, Ерофеева 2015, Белоусов, Ерофеева, Лещенко 2018, Павлова 2018]).

Представим методику построения модели на примере анализа одного текста, являющегося репрезентантом множества. Его автор – студентка филологического факультета в возрасте 22 лет, родившаяся в Пермском крае, но проживающая на территории города Пермь. Дополнительно отметим, что она не была за границей и не состоит в браке.

Первым шагом является компонентный анализ. При расшифровке текст был разделен на синтагмы, которые рассматриваются как контексты. К компонентам относились только те единицы текста, которые обладают собственной семантикой, то есть знаменательные слова, сочетания знаменательных слов со служебными, а также связные словосочетания.

Далее в результате полевого анализа были выделены следующие микротемы: ИНФРАСТРУКТУРА, РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОРЯДОК, ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ТРАНСПОРТ, МЕСТО, ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, КОММУНИКАЦИЯ, ЧЕЛОВЕК, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, АРХИТЕКТУРА, ОЦЕНКА, ЧУВСТВА, КАЧЕСТВО, СУЩЕСТВОВАНИЕ, Я, ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, ПОЛИТИКА, ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА.

На основе анализа единиц и микротем в ИС «Семограф» была построена семантическая карта, а на ее основе – неориентированный граф (см. рис. 2).

На рис. 2 представлены микротемы, образовавшие сильную связь (более 0,7) друг с другом. Менее сильную связь образовали следующие микротемы: ИНФРАСТРУКТУРА, ТРАНСПОРТ, ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА, ПОРЯДОК, КОЛИЧЕСТВО, КАЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, ВРЕМЯ, следовательно, они находятся на периферии модели и не отражены на графе.

Ядерными являются микротемы Я, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОЦЕНКА, КОММУНИКАЦИЯ, в среднюю зону вошли микротемы АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, МЕСТО, АРХИТЕКТУРА, ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ, ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. На данном

этапе исследования, выделяя сильные связи, можно увидеть, что ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ имеет наиболее сильную связь с микротемами Я, СУЩЕСТВОВАНИЕ и ОЦЕНКА. Это объясняется тем, что интеллектуальная деятельность совершается непосредственно информантом, она плотно связана с оценкой городского пространства и опирается на микротему СУЩЕСТВОВАНИЕ, в которую вошли все упомянутые информантом объекты и понятия как существующие в городской среде. Оценка как еще одна ядерная микротема плотно связана не только с интеллектуальной деятельностью, но и с микротемами Я, АРХИТЕКТУРА и ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Это обусловлено тем, что информант дает свою личную оценку пространства и говорит о мнении своих друзей, о значимости своих друзей для него в городе. Информант оценивает преимущественно

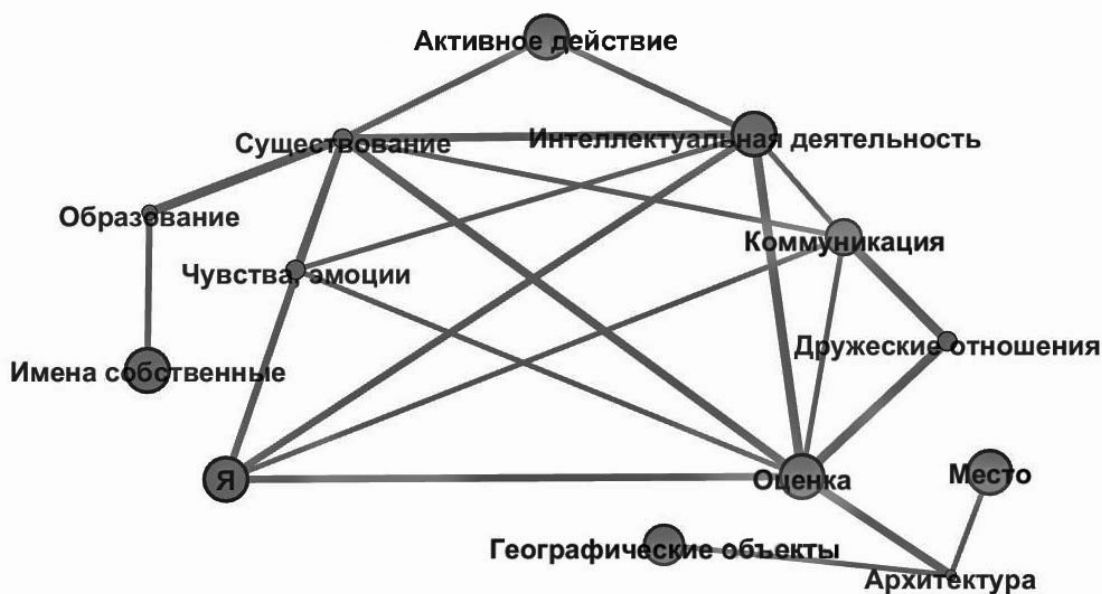

Рис. 2. Модель понятия «город» одного информанта

архитектуру, которая связана с определенными местами и географическими объектами. Одной из ядерных является микротема КОММУНИКАЦИЯ, которая

демонстрирует сильную связь с микротемой ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, что объясняется наличием тесного речевого контакта между информантом и его друзьями. Важно отметить и микротему СУЩЕСТВОВАНИЕ, которая образует сильные связи с микротемами ОБРАЗОВАНИЕ и ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ, что объясняется эмоциональной окраской речи и важностью темы образования для информанта.

Таким образом, для данного информанта ключевыми компонентами города становятся места, которые рассматриваются через призму их архитектуры, т.е. визуального восприятия. Информанту, поскольку он является студентом, важно образование в городе, его качество и оценка. Неотъемлемой частью городского пространства для него является коммуникация с людьми, которые состоят с ним в дружеских отношениях. Следовательно, важными составляющими города для информанта являются люди и отношения с ними.

С увеличением количества информантов будет естественным изменение языкового ядра, которое описано выше. По аналогии с рассмотренной моделью после обработки всего материала исследования будет получена обобщенная модель, анализ которой позволит посмотреть на структуру и содержание микротем и сделать выводы об оценке города Пермь и о восприятии городского пространства горожанами.

Список литературы

Белоусов К.И. Теория и методология полиструктурного синтеза текста. М.: Флинта: Наука 2009. 216 с.

Белоусов К.И., Баранов Д.А., Ерофеева Е.В., Зелянская Н.Л., Ичкинеева Д.А. Реализация концептуально-гипертекстовой структуры предметной области в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 75-88.

Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Леценко Ю.Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1(35). С. 39-53.

Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. Вып. 2. С. 9-38.

Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная география / пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. Вып. 2. С. 32-47.

Гидденс Э. Предисловие к книге Верлина Б. / пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. Вып. 2. С. 30–31.

Доценко Т.И., Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Серия Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 144-155.

Ерофеева Е.В., Руденко Е.С. Лексические слои в интернет-коммуникации: к вопросу о конструировании виртуальной языковой личности // Вторая зимняя

школа по гуманитарной информатике: Сб. тез. докл. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2018. С. 44-51.

Кибрик А. А. Кобозевой И. М. Секерина И. А. современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

Колианский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований: сб ст. АН СССР; Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. С. 5-30.

Лаенко Л.В. Восприятие – сознание – язык: проблема взаимосвязи // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Вып. 2. С. 5-15.

Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование. Пермь, 2018. 148 с.

A.A. Savelieva

Student of Philological Faculty

Perm State University

**MODELING OF THE CONCEPT “CITY”
BASED ON ORAL SPONTANEOUS MONOLOGUES:
APPROACHES AND METHODS**

The paper deals with the conception of modeling the concept “city” on the example of the Perm city. A review of theoretical approaches to the understanding of space and the city as a space, its connection with language and consciousness is made. The material of the entire study is oral spontaneous monologues of the inhabitants of Perm and the Perm Region; however, within the framework of this article, a model of the concept “city” was built as a pilot based on a single monologue that is a representative of a multitude. The processing of texts was carried out in the Semograf information system using the method of graphosemantic modeling. The result is a graph that illustrates the most important micro-patterns and the connections between them that form the image of a city.

Key words: graphosemantic modeling; structure; space; urban space; spontaneous oral monologue; cognitive approach.

Екатерина Александровна Трубинова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
trubinova.ea@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ «ПОРТРЕТ» СЛОВА *ДЗИНЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению семантических, модальных и грамматических функций слова *дзинь*. Анализ лексемы *дзинь* проводился на материале Национального корпуса русского языка (основного подкорпуса детской литературы). Контексты употребления изучаемого слова (32) анализировались методами компонентного и синтаксического анализа. В результате получена семантическая классификация лексемы *дзинь*, выявлены ее основные субъективно-модальные значения, сделан вывод о сложности синтаксических функций слова *дзинь*.

Ключевые слова: субъективная модальность; междометия; звукоподражания; денотат; синтаксические функции; грамматика

Введение

Грамматика имеет в своем составе такую часть речи, которая не является ни знаменательной (так как не имеет номинативного значения), ни служебной (так как не связывает слова в структуре словосочетания, предложения). Речь идет о лексико-грамматическом классе междометий.

В изучении междометий существуют нерешенные вопросы, одним из которых является вопрос о включении или не включении в разряд междометий звукоподражательных слов, или звукоподражаний.

Обратимся к определению междометий в академической «Русской грамматике»: «Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность <...> к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом <...>» [Русская грамматика]. Некоторые ученые считают, что звукоподражания – отдельная от междометий часть речи. «З. с., – пишет А.Н. Тихонов, – существенно отличаются от междометий семантически: не выражают ни эмоций, ни побуждений <...> Звукоподражания – неизменяемые слова, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки, а также разнообразные явления природы, сопровождаемые звуками <...> З. с. обладают лексическим значением. Звуковая оформленность, звуковая мотивированность лексического значения – специфическая черта звукоподражаний» [Тихонов 1997: 138].

Звукоподражательные слова по характеру воспроизводимых звуков неоднородны. Они могут имитировать звуки животных и птиц, а также звуки различных предметов.

В данной статье мы попытаемся составить лингвистический «портрет» слова *дзинь*. Цель статьи – анализ семантических, модальных и грамматических функций лексемы *дзинь*. Материалом для анализа послужили контексты употребления слова *дзинь*, собранные из основного корпуса Национального корпуса русского языка (детская литература), в количестве 32 единиц. В результате мы хотим получить семантическую классификацию слова *дзинь*, выявить его синтаксические функции и передаваемые им субъективно-модальные значения.

Анализ семантических, грамматических и модальных функций лексемы

Рассмотрим лексикографическое описание слова *дзинь*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечается, что *дзинь* употребляется звукоподражательно звону, бряку; однако помета, указывающая на часть речи, отсутствует [Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1: 434]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова видим помету звукоподраж. [Толковый словарь русского языка: 704], а в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой – междом. (Употребляется звукоподражательно для обозначения звона, звяканья.) [Словарь русского языка Т. 1: 396]. Таким образом, в толковых словарях мы увидели непоследовательность в квалификации данного слова.

По мнению И.А. Шаронова, «... цель автора при использовании им звукоподражательных слов состоит в том, чтобы напомнить читателю, адресату речи некоторое неязыковое звучание <...>» [Шаронов]. Это неязыковое звучание ассоциативно связывается со своим источником. По этому основанию И.А. Шаронов разделяет звукоподражательные слова на четыре группы. В первой группе слова однозначно выявляют объект-источник звучания. Во второй группе слова имеют ассоциации звучания с разными типами объектов-источников. В третью группу объединяются слова без четких ограничений на денотативную область источников звука. В четвертую группу входят слова из необычных звуковых сочетаний, они не имеют ассоциативных связей с источником звука. Лексема *дзинь* относится ко второй группе. И.А. Шаронов отмечает, что денотатами слова *дзинь* выступают следующие источники звука: предметы из тонкого стекла или металла; дверной звонок; телефон [Шаронов].

Опишем денотативную область источников звука, передаваемого словом *дзинь*, на нашем материале. В контекстах выделены слова (словоформы), словосочетания и предложения, отсылающие к денотату слова *дзинь*.

Источник звука – предмет из тонкого стекла или металла (16 контекстов):

– *А что у нас после мороженого? – спросил король. – Пойдем смотреть, как казнят трудолюбив, – напомнил Мерзавио. «Дзинь!» – уронила ложку принцесса Неумея, – Неужели Вы не помилуете их, Ваше Величество? – обратилась она к Баклушу. [Леонид Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)]*

Источник звука – дверной звонок (3 контекста):

И вот поднялись на десятый этаж. И вот позвонили в дверь. Все семеро позвонили. Поэтому у них очень громко получилось: дзень- дзень-дзень!!! И им навстречу выскочила мама. И обрадовалась, сказав: – Как хорошо, что вы вернулись, а я тут уже так соскучилась! [Ирина Пивоварова. Мечта Кости Палкина (1986)]

Источник звука – велосипедный звонок (1 контекст):

— Гуляем. На солнышке греемся. Костик чувствовал, что Гришка прямо-таки раздувается от гордости, и, не зная, что делать дальше, стал дергать велосипедный звонок. Дзень... Дзень... Дзень-дзень-дзень-дзень... — Ты это, как думаешь, если Лену к нам в гости привести? Ну, на обед? Мама не испугается? [М.С. Аромишам. Мохнатый ребенок (2010)]

Источник звука – будильник (1 контекст):

Митя внимательно осмотрелся. На столе брата Пети лежал хвостатый паяльник. Этот не умел разговаривать, а лишь тихонько потрескивал, когда его черный хвост вставляли в розетку. Блестящий будильник на подоконнике знал всего два слова: «Дзень! «и «Тик-так!», а пузатые гантели могли выговорить только: «Бум! Бум», да и то если уронить их на пол. [Леонид Сапожников. Митя Метелкин в Стране Синих роз (1988)]

Источник звука – сосулька или предмет из стекла (1 контекст): – *падают сосульки у подъезда. Гаснут огни в окнах. Вон тот – зеленый – моргнул и погас, объявив всем, что Борька Смелов спит. Дзень!.. И опять тишина. Что это? Сорвалась сосулька или звякнула на столе колба? [Марта Баранова, Евгений Велтистов. Тяпа, Борька и ракета (1962)]*

Источник звука – колокольчик (1 контекст):

Остановившись у двери, Снежинка потянула за ручку колокольчика. Раздался звон: «Дзень-дзень!» Дверь отворилась. На пороге появилась нянечка в белом халате и косыночке, из-под которой выбивались золотистые локоны. – Ах, батюшки, – воскликнула она и испуганно хлопнула ладошками, еще одного больного привели! [Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953-1954)]

Рассмотрим примеры с метафорическим переносом.

Мышка закивала головой, засмеялась и подвинула ему тарелку с широким красным ободком. Марьяшка поймала Мышку за белые длинные волосы и притянула к себе. Мышка легонько придавила пальцем красный носик Марьяшки и сказала: – Дзень! Марьяшка взвизгнула от удовольствия, а Грушка моментально подставила Мышке свой носик. Мышка тоже придавила его пальцем и сказала: «Дзень!» – а потом и Васятка подставил ей свой нос... [Валентина Осеева. Динка (1959)]. В данном контексте слово дзень употребляется для имитации звучания звонка. Мышка давит на нос, как на кнопку звонка.

– Тогда будет еще хуже. Ты на всю жизнь останешься по эту сторону зеркала. Слезы брызнули из Олиных глаз и закапали на пол. «Дзень, дзень!» – зазвенели слезинки; ударившись об пол, они превращались в стеклышки и разбивались на сотни крошечных частей. – Зачем же ты огорчаешься? –

ласково заговорила девочка. [Виталий Губарев. *Королевство кривых зеркал (1951)*] Здесь также наблюдается метафорический перенос слова *дзинь*. Слезинки сравниваются со стеклом (предметом из стекла).

Анализ синтаксических функций лексемы *дзинь* представляет собой особенно сложный вопрос. Во многих случаях очень трудно определить синтаксическую функцию слова *дзинь*. Выявление синтаксической функции затрудняется пунктуацией. Приведем примеры.

Но иногда он быстро поднимал глаза на Славку. С какой-то странной улыбкой: и вопросительной, и виноватой, и упрямой. Славка отвечал таким же быстрым взглядом. А цепь: дзинь, дзинь... Славка держал Тима за локоть. Двумя руками... А может быть, ничего не было? [Владислав Крапивин. *Трое с площади Карронад (1979)*]. В предложении *А цепь: дзинь, дзинь...* слово *дзинь* может выполнять функции сказуемого, нечленяемого междометного предложения в составе прямой речи, дополнения, обстоятельства.

Остановившись у двери, Снежинка потянула за ручку колокольчика. Раздался звон: «Дзинь-дзинь!» Дверь отворилась. На пороге появилась нянечка в белом халате и косыночке, из-под которой выбивались золотистые локоны. – Ах, батюшки, – воскликнула она и испуганно хлопнула ладошками, еще одного больного привели! [Николай Носов. *Приключения Незнайки и его друзей (1953-1954)*]. В предложении *Раздался звон: «Дзинь-дзинь!»* синтаксическая функция слова *дзинь-дзинь* также однозначно не определяется: подлежащее или нечленяемое междометное предложение в составе прямой речи.

Рассмотрим модальные функции лексемы *дзинь*. Как междометия, так и звукоподражания обладают эмоционально-экспрессивными возможностями. В связи с этим мы можем говорить о субъективной модальности слова *дзинь*. Субъективная модальность – это отношение говорящего к сообщаемому. Такое определение дается в академической «Русской грамматике». Субъективно-модальные значения разнообразны. Основное субъективно-модальное значение, которое мы выявили, это значение интенсивности, которое поддерживается в первую очередь редупликацией:

– Гуляем. На солнышке греемся. Костик чувствовал, что Гришка прямо-таки раздувается от гордости, и, не зная, что делать дальше, стал дергать велосипедный звонок. *Дзинь... Дзинь... Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь... – Ты это, как думаешь, если Лену к нам в гости привести? Ну, на обед? Мама не испугается?* [М.С. Аромштам. *Мохнатый ребенок (2010)*]

Значение интенсивности может усиливаться с помощью приставки *пере-*:

Петя решительно распахнул дверь кабинета, и все сразу прояснилось. Под сверкающим стеклянным колпаком на шикарнейшей министерской кровати ногами на подушке спал Мякиш. Непоседа взял такой большой разгон, что не смог притормозить у колпака и стукнулся прямо о стекло. Дзинь-передзинь!.. – зазвенело по всему зданию, и колпак рассыпался на мелкие осколки. Петя немедленно стащил Мякиша с постели, сунул его за пазуху и помчался вниз по лестницам. Непоседа летел вслед за ним. [Ефим Чеповецкий. *Непоседа, Мякиш и Нетак (1989)*]

А. И. Германович пишет, что «еще более оживляют звукоподражательные слова частые пояснения их обычными словами. Иногда весь контекст предложения поясняет звукоподражательные слова» [Германович].

*И вот поднялись на десятый этаж. И вот позвонили в дверь. Все семеро позвонили. Поэтому у них **очень громко** получилось: дзень-дзень-дзень!!! И им навстречу выскочила мама. И обрадовалась, сказав: – Как хорошо, что вы вернулись, а я тут уже так соскучилась!* [Ирина Пивоварова. *Мечта Кости Палкина (1986)*]. Кроме редупликации, значение интенсивности усиливает словосочетание *очень громко* и повторяющийся восклицательный знак.

Слово *дзень* имеет широкую денотативную область источников звука. Денотатом может быть звучание предмета из стекла и металла, велосипедного и дверного звонка, будильника, сосульки. Кроме того, возможен метафорический перенос, который возникает, например, в тех случаях, когда звукоподражание *дзень* имитирует звучание предмета, по своей природе не звучащего.

Вопрос о синтаксических (грамматических) функциях данного слова требует дальнейшего тщательного изучения. Наш анализ показал, что однозначное определение синтаксической функции затрудняется пунктуацией. Обычно совмещается функция нечленимого междометного предложения в составе прямой речи с функциями главных (как подлежащего, так и сказуемого) и второстепенных (дополнения и обстоятельства) членов предложения.

Основное субъективно-модальное значение, выражаемое словом *дзень*, – значение интенсивности. Оно поддерживается как внутрисловными средствами (редупликацией и приставкой *пере-*), так и контекстом (конкретизирующими словами из контекста и пунктуацией).

Список литературы

Германович А. И. К вопросу об интонации звукоподражательных слов // Вопросы филологии. М., 1969. С. 69-76. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/germanovich-69.htm> (дата обращения: 03. 07. 2019).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т. 1, М.: «Русский язык», 1978. 699 с.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5313> (дата обращения: 03. 07. 2019).

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 А-Й / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. 698 с.

Тихонов Н. А. Звукоподражательные слова // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. С. 137-138.

Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 А Кюрины / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. Ин-т. «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. 1566 с.

Шаронов И. А. Семантический анализ звукоподражательных слов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskij-analiz-zvukopodrazhatelnyh-slov> (дата обращения: 03. 07. 2019).

E.A. Trubinova

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

**LINGUISTIC “PORTRAIT” OF THE WORD *ДЗИНЬ*
(on the material of National corpus of the Russian language)**

The article is devoted to the study of the semantic, modal and grammatical functions of the word *дзинь*. The analysis of the lexeme *дзинь* was carried out on the material of the National corpus of the Russian language (the main subcorpus of children's literature). The contexts of using the studied word (32) were analyzed by methods of component and syntactic analysis. As a result, we obtained the semantic classification of the lexeme *дзинь*, revealed its main subjective-modal meanings, concluded that the syntax functions of the word *дзинь* are complex.

Key words: subjective modality; interjections; onomatopoeia; denotat; syntactic functions; grammar.

Екатерина Юрьевна Шлыкова
студентка филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ket-katz@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ С УЧАСТИЕМ ДИСКУРСИВА «И» В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается употребление дискурсивных комплексов в научных текстах посредством компонентного анализа, позволяющего определить функционально-семантическую роль единицы «и» в контексте комплекса. Благодаря диахроническому подходу подтверждено наблюдение Б. Млиаровой о влиянии закона экономии речевых усилий на использование вспомогательной системы дискурса в публицистических текстах. Установлено, что развитие научного стиля речи сопровождается формированием новых дискурсивных комплексов – с оценочным значением, а единица «и» в составе комплекса семантически усложняется, приобретая важные для понимания текста значения.

Ключевые слова: вспомогательная система дискурса; научный дискурс; дискурсивный комплекс; дискурсив «и»; диахронический аспект; функционально-семантический анализ; синкретичность.

Дискурсивы – это языковые единицы, обеспечивающие функционирование *вспомогательной системы дискурса* (термин Е.Ю. Викторовой, см.: [Викторова 2015]), которая сопровождает и «оформляет» основную систему, представляющую информацию фактуального характера. Эти единицы имеют разную природу, поэтому трудно поддаются анализу, их значения и функции неоднозначны, что вызывает особый интерес лингвистов.

Мы обращаемся к изучению дискурсивных комплексов (термин Б. Млиаровой [Млиарова 2018(б): 6]), одним из компонентов которых является единица «и». Дискурсивный комплекс – это сочетание двух и более дискурсивов, функционирующих вместе. Т.М. Николаева отмечает, что «Русское *и* обладает способностью активно вступать в соединение с другими частицами, образуя комплексы, которые одни авторы считают соединением частиц, а другие – единой сложной частицей» [Николаева 1985: 37]. К дискурсивным комплексам мы относим также союзные обороты, но стоит отметить, что сама единица «и», участвующая в них, все же принимает функционал частицы, ведь именно «частицы легко входят в комплексные сочетания друг с другом или с единицами других частей речи» [ЛЭС 1990: 579].

Целью статьи является изучение функционально-семантических особенностей употребления дискурсивных комплексов, включающих дискурсив «и», в научном лингвистическом тексте с учетом диахронического подхода.

Материал исследования представлен такими лингвистическими трудами, как «Российская грамматика» М.В. Ломоносова (1755), «Аналитическая филология» Я.В. Толмачева (1859) и «Стилистика русского языка» М.Н. Кожинной, Л.Р. Дускаевой и В.А. Салимовского (2008). Предмет исследования – минимальные контексты с употреблением дискурсива «и» в конструкции дискурсивного комплекса. Подвыборка равна 500 словоупотреблениям, общая выборка из текста каждого автора – 1500 словоупотреблений. В целом проанализировано 4 500 словоупотреблений.

Б. Млинарова приходит к выводу о том, что «в русском языке единица «и» является полифункциональной <...>, эта единица может выступать в роли не только одной части речи, но и нескольких, тем самым создает омонимы, которые могут иметь свои синонимы <...> функционально отличные от нее...» [Млинарова 2018(а): 40]. В связи с этим единица «и» может выступать в роли союза или в роли частицы. Те случаи, в которых единица «и» может употребляться в роли междометия, не были выявлены нами при изучении научного дискурса.

В роли союза слово «и» выполняет дискурсивно-организаторскую функцию, а в роли частицы – дискурсивно-регулятивную. В дискурсивном комплексе «и» по большей части выполняет именно функции частицы, так как выделяет или усиливает тот или иной оттенок смысла. Однако в контексте всего комплекса «и» может выполнять и функции союза, если сам комплекс дискурсивов (или союзный оборот) обладает этими функциями. Это уникальная иллюстрация такого свойства дискурсива, как синкретичность.

В функционально-семантическом аспекте дискурсив «и» в роли частицы, участвующей в дискурсивном комплексе, уже был рассмотрен в исследовании Б. Млинаровой, но ее анализ охватывал лишь газетный дискурс. Она формулирует вывод о том, что «частица “и”, занимая во вспомогательной системе дискурсивов *периферийную* позицию, играет важную функционально-семантическую роль». Подставляя на место «и» синонимичные частицы с более явной семантикой в конкретных примерах употребления, она подтверждает, что частица «и» может вносить «дополнительный экспрессивно-эмоциональный оттенок, обусловленный маркировкой усилительного значения» [Млинарова 2017: 42]. Попробуем перенести данную закономерность в контекст научного текста и проверить, действует ли она там.

Обратимся к тексту из труда М.В. Ломоносова. В анализируемой выборке зафиксировано три дискурсивных комплекса: «также *и*», союзный оборот «не токмо... но *и*», «не возможно *и*». Рассмотрим последний комплекс,

использованный в следующем контексте: «...**не возможно и** помыслить безъ удивленія о неизреченном разумѣ, безъ глубочайшаго благоговѣнїя...»¹ [Ломоносов 1755: 12]. В современной речи выражения «невозможно и подумать», «невозможно и сказать», «невозможно и представить» стали уже неразрывными оборотами. В тексте Ломоносова выражение «не возможно и помыслить», несомненно, является прообразом современного, однако в его контексте мы обращаем внимание именно на комплекс «не возможно и».

Еще Б. Млинарова и М.П. Котюрова заявляют о том, что «комплексный дискурсив состоит из доминирующего компонента и одного или больше факультативных форсирующих компонентов» [Млинарова, Котюрова 2018: 25]. Авторы отмечают и следующее: «Функционально семантический анализ <...> дает возможность убедиться в том, что такие дискурсивы, несомненно, форсируют, усиливают то или иное значение определенного компонента высказывания» [Млинарова, Котюрова 2018: 25]. Таким образом, мы можем говорить о том, что доминирующим компонентом в анализируемой нами конструкции является словоформа «возможно», так как обладает более явной семантикой, хотя она, как и у всех дискурсивов, может быть точно определена лишь из контекста. Следовательно, весь этот комплекс осуществляет функцию, характерную для подтипа сигналов повышения/понижения категоричности. Это дискурсивы, снижающие и повышающие категоричность речи – единицы, выражающие уверенность или неуверенность, сомнение или допущение. К ним относятся «конструкции, выражающие эпистемическую модальность – *можно/возможно/необходимо предположить*» [Викторова 2015: 79], т.е. эти единицы относятся к вводным и модальным словам. Но какую функцию в этом комплексе выполняет единица «и»? В данном случае она усиливает значение дискурсивного комплекса, т.е. гиперболизирует категоричность (так как единица «не возможно» уже повышает ее, а единица «и» усиливает эту функцию) высказывания «не возможно и помыслить».

Итак, сначала мы выделяем доминанту дискурсивного комплекса, рассматриваем и анализируем ее, а затем определяем функционально-семантическую роль единицы «и» путем ее интуитивного исключения из комплекса.

Уделим внимание двум другим дискурсивным комплексам. Сочетание единиц «также» и «и» встречается в следующем примере: «**Также и** глагола: *Бывшїй, будущїй*: потому имѣють мѣсто непослѣднее межъ протчими частями слова» [Ломоносов 1755: 25–26]. В классификации Е.Ю. Викторовой единица «также» относится к группе дискурсивов-организаторов, оформляющих логические отношения. К тому же семантически он выражает присоединение и

---

¹ Во всех примерах, упомянутых в тексте работы, мы сохраняем авторский курсив для наиболее точного понимания контекста и мысли автора при определении роли дискурсива и его значения в функционально-семантическом аспекте. В примерах более ранних текстов орфография сохранена. Те языковые единицы, на которые стоит обратить внимание, выделены жирным курсивом.

равноправие по отношению к кому, к чему присоединяется, что подтверждается в том контексте, который окружает данный пример (в этой части текста автор перечисляет «глагольные имена», которые, разумеется, не имеют никаких иерархических отношений). Единица «и» усиливает присоединительные отношения, выражающие равноправие предметов рассуждения-описания.

Сочетание единиц «но» и «и» мы наблюдаем в следующем примере: «...**не токмо** лишены мы были сего согласнаго общихъ дѣлъ теченія, которое соединеніемъ разныхъ мыслей управляется; **но и** едва бы не хуже ли были мы дикихъ звѣрей разсыпанныхъ по лѣсамъ...» [Ломоносов 1755: 12]. Союз «но» относится к противительным союзам, он организует логические отношения в сложном предложении. С единицей «не только» (современный вариант единицы «не токмо»), этот союз традиционно употребляется с дискурсивом «и». Единица «и» выделяет именно вторую часть предложения, чем усиливает значение присоединения.

Более широкая картина употребления дискурсивных комплексов относительно количества представлена в работе Я.В. Толмачева: их семь. Отдельно уделим внимание союзному обороту с повторяющимся союзом «и», образующим сочинительный ряд. Занимая начальную позицию относительно выделяемых словоформ – в контексте «...буква *a* появляется въ значеніи связи **и** въ настоящемъ **и** въ прошедшемъ **и** въ будущемъ времени...» [Толмачев 1859: 127] – единица «и» акцентирует внимание на каждом из соединяемых членов предложения, подчеркивая и выделяя их равнозначность. Это позволяет нам отнести эти единицы к подгруппе дискурсивов-акцентивов и заключить, что данный дискурсивный комплекс имеет значение усиления отношений равнозначности. Такая конструкция в нашем материале встретила только в труде Я.В. Толмачева и повторяется в анализируемой выборке три раза.

Другие дискурсивные комплексы представлены следующими сочетаниями: «*какъ...*, *такъ и*» (встречается два раза), «*также, какъ и*», «*равным образом и*». Рассмотрим пример употребления первого комплекса: «...она служить в рѣчи **какъ** вместо союза соединительнаго, **и**, **такъ и** вместо союза отрицательнаго: **но**» [Толмачев 1859: 127-128]. Дискурсив «какъ» добавляет в значение оттенок сравнения, дискурсив «такъ», во-первых, разделяет две омонимично идентичные единицы «и», но первая не является дискурсивом вообще, так как представляет собой название союза, т.е. выражает информацию фактуального характера, а во-вторых, он выражает отнесенность однородного члена предложения к тому же сравнению, отражая отношения равнозначности. Сам дискурсив «и» усиливает значение присоединения, органично завершая общую картину многосоставной семантики дискурсивного комплекса.

Таким образом, данный дискурсивный комплекс приобретает значение усиления сравнительно-присоединительных отношений, основанных на равнозначности. Несмотря на иную структуру, то же значение приобретает дискурсивный комплекс в следующем примере: «...сіа буква преимущественно появляется въ окончаніяхъ глаголовъ передъ личными мѣстоименіями,

составляющими *также, какъ и* въ Русскомъ языкѣ, окончанія ихъ...» [Толмаче 1859: 127].

Иначе дело обстоит со следующим примером: «*Равнымъ образомъ и* языкъ, какъ орудіе ума, имѣеть...» [Толмачев 1859: 8]. Сочетание «*равнымъ образомъ*» похоже на более привычное современному читателю вводное сочетание «*такимъ образомъ*», но само прилагательное «*равнымъ*» придает дискурсивному комплексу значение равнозначности. Внутри дискурсивного комплекса единица «*и*» усиливает значение присоединения, подкрепляя семантику равнозначности.

Наибольшее количество дискурсивных комплексов употреблено в тексте учебника М.Н. Кожиной. Из девяти комплексов три уже рассмотрены нами в контексте других работ («*но и*», «*как... так и*», «*также и*»), их функции и семантика принципиально не изменяются. Рассмотрим те комплексы, которые еще не были проанализированы.

«*Не случайно и* время их формирования...» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 10]. Доминирующий компонент «*не случайно*» относится к подтипу регулятивов, выполняющих функцию выражения оценки [Викторова 2015: 89-90], сам же дискурсив «*и*» выделяет основной предмет рассуждения и выполняет присоединительную функцию. В таком виде дискурсивный комплекс обладает значением усиления присоединительно-оценочного отношения.

Дискурсивное сочетание «*как и*» встречается в выборке два раза. Рассмотрим следующий пример его употребления: «...в “Тезисах Пражского лингвистического кружка”, *как и* в других трудах лингвистов...» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 120-121]. В предложении такой комплекс приобретает семантику усиления сравнительно-присоединительных отношений.

Обратимся к анализу следующего комплекса дискурсивов: «*Это и понятно*: стиль формируется в результате функционирования языка...» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 121]. Доминирующим компонентом является единица «*понятно*», Е.Ю.Викторова относит ее к группе дискурсивов, выражающих оценку приводимых фактов и мнений [Викторова 2015: 89-90]. О таких дискурсивах Викторова пишет следующее: «Безусловно, что помимо функции оценки фактов и мнений почти все данные дискурсивы одновременно выполняют и акцентирующую функцию, но в отличие от “чистых” акцентивов в дискурсивах-оценках этот акцент обосновывается, указывается, почему именно на этот факт надо обратить внимание» [Викторова 2015: 90]. Таким образом, сочетание двух акцентивов (помним, что «*и*» относится к той же подгруппе регулятивов) дает усиление основного смыслового компонента, выражающего в научном тексте рациональную оценку понятности.

Особое внимание стоит уделить последнему из рассматриваемых нами комплексов: «...определяет задачи лингвистики, *а отсюда и* стилистики» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 10-11]. Выделенный дискурсивный комплекс соединяет однородные члены предложения и одновременно делает акцент на слове «*стилистики*». Попробуем подробнее рассмотреть каждый компонент комплекса. Союз «*а*» употребляется в значении соединительного

союза «и», т.е. выражает последовательность мысли, единица «отсюда», являющаяся доминантой, усиливает отношения следствия от одного понятия к другому, формируя значение вывода, а дискурсив «и» акцентирует внимание на словоформе «стилистики», выражая присоединительную функцию. В этом случае, казалось бы, что анализируемый нами дискурсив «и» имеет вполне привычное значение, но учтем такой экстралингвистический фактор, как тема текста или предмет рассуждения. Учебник, из которого взят пример, посвящен стилистике как основному предмету рассуждения автора, поэтому здесь с помощью дискурсива «и» не просто добавляется оттенок значения присоединения, а оформляется результат определенного доказательства, которое, несомненно, необходимо автору для выражения основной мысли текста. Таким образом, дискурсив «и» в данном случае принимает довольно специфическое значение, выражает семантику результативности. Данное значение обеспечивается в комплексе только за счет дискурсива «и» и теряется, если его опустить. Следовательно, весь комплекс приобретает значение последовательного вывода, являющегося результатом размышления автора.

Полагаем, что не осталась незамеченной следующая тенденция: количество дискурсивных комплексов от работы к работе последовательно увеличивается. Значит, диахронический подход дает нам основание подтвердить вывод Б. Млинарувой о том, что в отношении употребления дискурсивов проявляется тенденция к повышению эффективности коммуникации [Млинаруова 2017: 16]. Вместе с тем реализуется закон экономии речевых усилий. Можно сказать, что научный текст со временем начинает ощущать потребность в более сложных конструкциях вспомогательной системы дискурса, способных на слияние в «сжатую, концентрированную единицу смысла» [Млинаруова 2017: 16].

В отношении функционально-семантического аспекта нашего исследования можно говорить о том, что дискурсив «и», чаще всего являясь второстепенным, периферийным компонентом дискурсивного комплекса, привносит новые смысловые оттенки в логическое построение предложения, а именно усиливает значения или выражает присоединительные отношения. Более того, со временем семантика единицы «и» усложняется и в определенных обстоятельствах становится способной принимать значения, играющие важную роль в восприятии текста читателем. Стоит отметить и то обстоятельство, что со временем все большее значение приобретают дискурсивные комплексы, содержащие те компоненты, которые выражают какую-либо оценку.

Список литературы

- Викторова Е. Ю.* Вспомогательная система дискурса: Монография. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2015. 404 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука. 2008. 464 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.*

Ломоносов М. В. Российская грамматика. С. Петербург: При Императорской Академии Наук, 1755. 212 с.

Млинарова Б. Дискурсивные функции частицы «и» в газетных статьях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Вып. 2 (10). С.39-46.

Млинарова Б. Комплексное употребление дискурсивов в аспекте экономии речевых усилий автора // Проблемы филологии глазами молодых исследователей: материалы конф. студ., асп. и молодых ученых (г. Пермь, апрель 2017 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 14-17.

Млинарова Б. Семантика и функции частиц в современных газетных статьях на русском языке в дискурсивном аспекте: автореф. дисс. ... к-та филол. наук. Пермь, 2018. 18 с.

Млинарова Б., Котюрова М. П. Употребление комплексов частиц в газетном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. №6. С. 24-30.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 168 с.

Толмачев Я. В. Аналитическая филология о составе и образовании русского языка. С. Петербург: Типография К. Вульфа, 1859. 384 с.

E.Y. Shlykova

Student of Philological Faculty

Perm State University

FUNCTIONAL-SEMANTIC ANALYSIS OF DISCURSIVE COMPLEXES WITH PARTICIPATION OF DISCURSIVE "AND" IN THE SCIENTIFIC TEXT: DIAHRONIC ASPECT

In the scientific article the use of discursive complexes in scientific texts is considered through component analysis, which allows defining the functional-semantic role of the unit "and" in the context of a complex,. Thanks to the diachronic approach, the observation by B. Mlinarova about the influence of the law of saving speech efforts on the use of the auxiliary system of discourse in journalistic texts was confirmed. It has been established that the development of a scientific style of speech is accompanied by the formation of new discursive complexes with an estimated meaning and the unit "and" within the complex has been getting more complicated semantically, acquiring important meanings for understanding the text.

Key words: auxiliary system of discourse, scientific discourse; discourse marker "and"; discursive complex; diachronic aspect, functional semantic analysis, syncretism.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82-159.972

Даниил Алексеевич Буланкин
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
d.bulankin2014@yandex.ru

ТЕМА МНИМОЙ БОЛЕЗНИ В ДРАМАТУРГИИ В.Я. БРЮСОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «КРАСНАЯ ШАПОЧКА»)

В статье проводится анализ пьесы В.Я. Брюсова «Красная Шапочка» с точки зрения реализации в ней актуальной для культуры Серебряного века темы мнимой болезни, характеризуется её специфика. В исследовании предпринимается попытка установить, что повлияло на его интерес к указанной теме и проанализировать пьесу, в которой данная тема находит своё воплощение, а также объяснить причины популярности феномена ипохондрии в исследуемый период.

Ключевые слова: Серебряный век, символизм, драматургия В.Я. Брюсова, мнимая болезнь, ипохондрия.

Тема болезни всегда пугала человека, но, вместе с тем, породила огромный интерес к её описанию и изучению. Ещё более интересным объектом для литературоведческого исследования представляется тема болезни мнимой, порождённой фантазией человека. В данной работе мы постараемся определить, чем тема мнимой болезни привлекала внимание писателей Серебряного века и, в частности, одного из его выдающихся представителей, вождя русского символизма, Валерия Яковлевича Брюсова.

Тема болезни отражена практически во всех видах искусства. Стоит вспомнить, например, замечательную пьесу П.И. Чайковского «Болельщик» или знаменитую картину «Слепые» Питера Брейгеля Старшего, на которой изображены вместе люди, ослепшие по различным причинам: из-за увечья, лейкомы, атрофии глазного яблока.

Болезнь является одним из самых востребованных объектов изображения и в литературе практически на протяжении всего времени её существования. Именно ситуация болезни больше всего подходит для осмысления философских дихотомий жизни и смерти, духовного и телесного. Не случайно исследователи Гончаровы в статье «Врач и его биография в русской литературе» утверждают, что в оппозиции здоровье / болезнь именно болезнь соотносится с событийным началом, и это позволяет рассматривать её как «текстопорождающий механизм» [Гончаров, Гончарова 2001:225].

Исследования, посвященные различным художественным презентациям болезни в литературе, достаточно многочисленны и весьма актуальны. Об этом

свидетельствует хотя бы появление специальной литературоведческой терминологии для исследований, посвящённых изучению литературных описаний болезней. В частности, польским профессором Ежи Фарыно в процессе работы над созданием сборника материалов конференции «Болезнь, лекарство и здоровье в практике, языке / культуре и искусстве / литературе» (2000 г.) был предложен термин «морбуальный» (от лат. *morbus* – «болезнь»), что означает примерно «имеющий отношение к болезни (её изображению / осмыслению)», из-за чего впоследствии появляются терминологические словосочетания «морбуальный код» (Г.П. Козубовская), «морбуальная оптика» (Т.В. Шмелёва).

Уже сейчас можно сказать, что в различные исторические периоды в литературе были востребованы разные болезни. Например, доктор медицинских наук, профессор Борис Семенович Кибрик в книге «Туберкулёз в художественной литературе: Проблемы диагностики и лечения чахотки (XIX век)» отмечает, что в XIX в. «в моде» у литераторов был туберкулёз, имевший бытовое название «чахотка». Тогда он считался неизлечимым и зачастую романтизировался, так как им часто заболели ссыльные революционеры, ведущие сидячий образ жизни ученые и чувствительные красавицы из высшего общества.

На рубеже XIX – XX вв., в период расцвета модернизма, наибольшей популярностью в искусстве пользовались всевозможные психические отклонения. Даже в повседневной жизни поэты и художники разыгрывали безумцев, не говоря уже о творчестве. Особый интерес в искусстве этого периода представляет изображение мнимых болезней, являющихся результатом самовнушения.

Как представляется, тема мнимой болезни интересно и необычно представлена в пьесе «Красная Шапочка» лидера русского символизма, Валерия Яковлевича Брюсова (1895 г.).

Например, герой пьесы--путешественник Николай, вернувшийся из путешествия раньше срока, тоже считает свою жену больной:

Голос Александра (в передней). Да вот встретил Николая. Каков! Целая неделя, как приехал, а к нам глаз не кажет.

Голос Николая. Сознаюсь, виноват. Да жена все прихварывала.

Александр (входя). Жена? Что с ней?.. Елена, приготовь-ка нам кофейку.

Николай. Кто ее знает? Все лежит целыми днями. Предлагал за доктором послать, не хочет, видно, нужно будет не послушаться... [Брюсов 2006].

Сама же супруга путешественника Вера считает себя беременной от кого-то другого и прибегает к подруге Елене, чтобы тайком родить у неё в доме. Однако есть некоторые основания полагать, что это не что иное, как ложная беременность.

Большой толковый словарь терминов психиатрии под редакцией В.А. Жмурова сообщает следующее: «Ложная беременность – редко встречающееся соматоформное расстройство у женщин, имитирующее беременность. Может включать прекращение менструаций, увеличение живота.

Симптом истерии» [Жмуров 2010]. К примеру, таким расстройством страдала последняя русская императрица Александра Фёдоровна, о чём сохранились документальные свидетельства.

Благодаря особой, опирающейся на недосказанности и намёки, символистской манере повествования, читатель и / или зритель пьесы может и не догадаться, что героиня пьесы беременна ложно, однако при внимательном прочтении обнаруживаются детали, намекающие именно на это.

Подруга главной героини, встречавшаяся с ней тремя месяцами ранее, не заметила ни одного симптома, подтверждающего достоверность состояния Веры. Также относительно предполагаемой беременности ничего не заподозрил вернувшийся из путешествия муж.

Как в большинстве пьес символизма, ключевое событие – предполагаемые роды Веры, которые заканчиваются её гибелью – выносятся за сцену. На сцене же её подруга Елена пытается отвлечь, «заговорить» неожиданно приехавших мужчин, своего собственного мужа Александра и мужа Веры Николая. Во время разговора из спальни слышится стон Веры, который даёт основания заподозрить, что там кто-то находится, однако ни в ремарках, ни в репликах героев нет никаких упоминаний о крике новорожденного.

Наконец, последняя реплика Николая содержит явный намёк на то, что, в действительности, умирает Вера отнюдь не от родовых осложнений: *«Господи! Верочка, дорогая! Зачем ты это сделала... Птичка моя, не умирай... Я сам виноват во всем... Я люблю тебя... Разве ты не знала этого?»* [Брюсов 2006].

Вряд ли говорящий по-русски человек может сказать про роды: «Зачем ты это сделала?» Эта фраза в большей степени ассоциируется с самоубийством, которое, по-видимому, и было совершено Верой при помощи ножниц, которые она попросила у подруги: *«Голос Веры. Дай мне вот те ножницы... Ступай... Затвори дверь... Скажи, искала ключ...»* [Брюсов 2006].

Более того, можно предположить, что сам способ самоубийства должен был представлять имитацию кесарева сечения. На это намекает, во-первых, закреплённая в названии и, на первый взгляд, совершенно необъяснимая ассоциация со сказкой Красная Шапочка, которую в начале пьесы Елена рассказывает соседской девочке Жене. Шаги Веры по лестнице прерывают рассказ именно в тот момент, когда Волк проглотил Красную Шапочку, после чего, согласно общепринятой в XX веке литературной версии, должны были появиться охотники и вспороть волку живот, ради освобождения невинного ребёнка. В тексте подчёркивается, что сказка ещё не была закончена:

Женя. А мы дочитаем завтра про Красную Шапочку?

Елена. Непременно дочитаем. Значит, тебе понравилась сказочка?

Женя. Очень, тетя! Потому что это страшно.

[Брюсов 2006]

Во-вторых, в то время, когда Вера находится за сценой, её муж рассказывает об одном зловещем эпизоде своего путешествия по Индии: *«<...> Передо мной девушка, то есть вернее ребенок, должно быть, лет 12 – там,*

знаете, женщины рано зреют – худенькая, стройная, с горящими глазами. Она распевает какую-то песенку и при этом медленно вертится точно в какой-то пляске. В руке у нее нож – и вот она от времени до времени ударяет себя этим ножом. Толпа рычит от восхищения, а у нее уже по всему телу кровь течет. Должно быть, девушка эта принадлежала к какой-нибудь секте изуверов. Признаюсь, я не выдержал и с криком бросился к ней, хотел отнять у нее нож. Меня, конечно, удержали, и очень грубо, да еще с угрозами. А сама девушка, заметив мое движение, приостановилась и медленно, очень медленно, словно с наслаждением, разрезала себе пополам одну грудь... О! Много я видел... Но вообразите, – сама, медленно, словно с наслаждением, – начиная от соска... Так грудь и разделилась на две части, а кровь прямо хлынула...» [Брюсов 2006].

Именно после изложения этой истории раздаётся стон из соседней комнаты, что можно рассматривать как символический намёк на параллелизм страшному рассказу происходящего рядом.

Остаётся ещё один вопрос: что же заставило героиню поверить в свою беременность? Можно предположить, что, прежде всего, отсутствие внимания со стороны мужа-путешественника. Ложную беременность, как правило, вызывают состояния, близкие к маниям, как у уже упомянутой выше императрицы Александры Фёдоровны, одержимой желанием родить наследника империи. Известно, что для символиста В.Я. Брюсова большой интерес представляли экстатические состояния, в качестве которого можно рассматривать состояние главной героини его одноактной пьесы.

Пьеса В.Я. Брюсова «Красная Шапочка» является типично символистским произведением. Это драма для чтения, которую, по замечанию В.Э. Мейерхольда, весьма сложно поставить.

Что обуславливает эту сложность? Для ответа на этот вопрос выделим следующие черты символистской драматургии, проявляющиеся в данной пьесе.

Во-первых, совсем не очевидная связь названия (содержащего отсылку к сказке) с содержанием пьесы, а точнее с её кульминационным моментом. В целом, эта связь прослеживается в течение всей пьесы, хотя название, на первый взгляд, кажется совершенно неуместным.

Во-вторых, тот факт, что большая часть действия, которое зритель должен бы видеть, оказывается вынесена за сцену. Брюсов делает все вопреки театральной традиции: разговоры второстепенного значения переносятся на передний план, а действия главной героини, её «роды», мы уже не имеем возможности наблюдать.

В-третьих, сама тема произведения – синдром мнимой беременности как вид невроза. Как уже говорилось выше, экстатические состояния и психические отклонения интересовали модернистов в целом и символистов, в частности.

Можно также отметить в тексте такие символистские приемы, как параллелизм, недосказанность, намек, частое использование символов и аллегорий, значительное количество культурных аллюзий и реминисценций.

Список литературы

Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л. Брюсов. М.: Молодая Гвардия, 2006. 689 с.

Брюсов В.Я. Драматургия. М.: Совпадение, 2016. 365 с. URL: theatre-library.ru/files...bryusov_vya/bryusov_vya_15.doc (дата обращения: 03.02.2019).

Брюсов В.Я. Дневники. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 415 с.

Виноградова В. В. Мифопоэтика кризисной антропологии в малой прозе русских декадентов, дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 217 с.

Гончаров С. А., Гончарова О. М. Врач и его биография в русской литературе // *Morbus, Medicamentum et Sanus – Choroba, Lek i Zdrowie – Болезнь, Лекарство и здововье. Illness, Medicine and Health, Warsawie, Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki (Slawistyczny Osrrodek Wydawniczy), 2001, Studia Litteraria Polono-Slavica, Warszawa, 2000. № 6. С. 217–227.*

Жмуров В.А. Большой толковый словарь терминов психиатрии. М.: Джангар. 2010. 864 с. URL: <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/kniga-bolshoy-tolkovyy-slovar-terminov-psihiatrii> (дата обращения: 19.05.2019).

D.A. Bulankin

Student of Philological Faculty

Perm State University

THEME OF FALSE DISEASE IN DRAMAS BY V.Y. BRUSOV (BY THE EXAMPLE “LITTLE RED RIDING HOOD”)

In this article we analyze drama “Little Red Riding Hood” by V.Y. Brusov in terms of the implementation of the topic of an false disease relevant to the Silver Age culture, characterized by its specificity. The study attempts to establish that influenced his interest in the topic and analyze the play in which the topic finds its embodiment, and also explain the reasons for the popularity of the phenomenon of hypochondria in the study period.

Key words: Silver age; symbolism; dramas by Brusov; false disease; hypochondri.

УДК 82

Наталья Сергеевна Кожева
студент филологического факультет
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kozhevanata@yandex.ru

ОБРАЗ БЕСА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье исследуется эволюция образа беса в древнерусской литературе XII–XVII вв., в частности, рассматривается влияние народных и религиозных представлений на возникновение и развитие образа. На литературном материале выявляются основные художественные функции образа беса, подчеркиваются характерные черты, свойственные образу на каждом этапе развития древнерусской литературы, раскрываются взаимосвязи с другими образами художественной системы древнерусских произведений.

Ключевые слова: древнерусская литература; образ; бес; художественные функции.

Проблема функционирования художественных образов в древнерусской литературе вызывает интерес исследователей. В.В. Кусков отмечал, что древнерусский писатель менее всего был склонен к беспристрастному изложению фактов, «добру и злу внимая равнодушно» [Кусков 1998: 8]. Противостояние светлой и темной стороны – уникальный феномен, характерный для древнерусской литературы в качестве одного из ключевых элементов, определяющих сюжет произведений.

Роль основной источника развития сюжета во многих произведениях отводится представителям зла, – силам, сеющим разрушение и хаос; поэтому не случайно именно они оказываются наиболее яркими и запоминающимися для читателя. Одним из представителей таких сил является бес, который предстает в разных вариантах. На каждом этапе развития древнерусской литературы образ беса был связан с определённой идейной нагрузкой, новым историко-культурным контекстом и оригинальными сюжетными функциями.

Целью исследования является анализ эволюции образа беса и выявление его художественных функций в древнерусской литературе на разных этапах её развития. Для достижения поставленной задачи нам предстоит выявить особенности образа беса, его функции на каждом этапе развития литературы XI–XVII вв. и определить, под влиянием каких факторов формировался этот образ.

Материалом исследования стали «Повесть Временных лет», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Киево-Печерский патерик», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе», «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о Савве Грудцыне».

Образ беса в славянской демонологии. Влияние религиозных и народных представлений на образ беса. Рассмотрим генезис образа беса и выясним, как славянская мифология оказала воздействие на процесс его развития.

Мировоззрение древних восточных славян, выразившееся в культуре, претерпело трансформацию в историческую эпоху, когда возникновение «мифопоэтического эпоса» [Найдыш, 2008: 27] совпало с христианизацией. Вследствие принятия христианства произошло слияние некоторых христианских и мифологических представлений. Согласно народным языческим представлениям, отразившимся в заговорах, под словом «бес» подразумевался враждебный человеку дух. С принятием христианства языческие представления об этом духе соединились с представлениями о христианских демонах, персонифицированными воплощениями зла. «...Бесами в древнерусской литературе (повестях, житиях святых) назывались злые духи, демоны и прежде всего – языческие боги, идолы. Обычно с бесом связывались сюжеты об искушении святых и пустынников, которые всегда оканчивались победой святого, поруганием и изгнанием беса. В древнерусских повестях бесы также вызывают болезни и подбивают людей на грехи и пороки. Все эти функции сближают беса древнерусских книг с народным образом чёрта» [Левкиевская, 2000: 442–445]. В народных представлениях русалкам, лешим и домовым нередко не давалось конкретной оценки: они воспринимались в качестве «нечисти», однако не всегда становились олицетворением зла, иногда изображаясь комически. В христианских религиозных представлениях прослеживается четко выраженная граница между добром и злом, а языческие божества однозначно представляют темное злое начало.

Бес в литературе XI–XIII вв.: «Повесть временных лет» и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона. В литературе XI–XII вв. религиозные представления воплотились в образе беса, функцией которого стало выражение негативного отношения к «тьме идольской». Он изображался в качестве языческих богов, облик и поведение которых отождествлялись с бесом, о чем, например, сообщается в «Повести временных лет». «В слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона «бесовскими» оказываются высшие и низшие языческие божества. Если в первом произведении бесы выполняют функцию подстрекателей, которые способны подтолкнуть людей на злодеяния, то в «Слове...» «нечисть» не играет сюжетной роли.

В древнерусской литературе XII в. бес становится персонажем, который выполняет определенную функцию в сюжете. В Киево-Печерском патерике бес интерпретируется, с одной стороны, как «губитель христианских душ» (под воздействием религиозных представлений), с другой стороны, – как чёрт, «жалкая жертва обмана и лукавства героев» (что характерно для народных представлений). В патериковом рассказе «О преподобном Исаакии Пещернике» бесы представляют большую опасность для человека: явившись к герою в образе святых, они путем обмана получают поклон от Исаакия, что влечет за собой ряд бесовских игр с героем, наносящих вред его здоровью; только молитвами Феодосия Исаакию удастся восстановить силы и противостоять бесам, изгнав их крестным знаменем. В «Повести о святых преподобных отцах Федоре и Василии» бес, наоборот, показан комически и вынужден молоть муку, а также носить бревна на строительство монастырских келий.

Таким образом, в период XII–XIII вв. бес становится сюжетным персонажем, обладающим некоторыми человеческими чертами, и могущим оказать на человека сильное воздействие (преимущественно физическое). Бес как персонаж вводится в произведение, чтобы создать препятствие на пути героя. Со временем функции этого образа расширяются: бес способен не только внушать человеку дурные помыслы, но и вступать с ним в активное взаимодействие, преследуя определенную цель и добиваясь ее путем обмана и коварства. Образ беса усиливает контраст между силами добра и зла при их столкновении, подчеркивает силу духа верующего человека, указывает на уязвимость, слабость и глупость слуг дьявола. Бес оказывается универсальным носителем зла, в борьбе с которым герой обретает венец мученика и дар чудотворения. Более разнообразными становятся сюжетные функции беса: в некоторых произведениях (например, в патериковых рассказах) он выступает в качестве слуги главного героя.

Бес в литературе XIV–XVI вв.: «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе». Образ беса в древнерусской литературе XIV–XVI вв. формируется преимущественно под влиянием народных представлений. Наиболее ярко это проявляется в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» и «Повести о Петре и Февронии Муромских». В первом произведении в виде беса нам предстает чёрт, не представляющий существенной опасности архиепископу. Оказавшись заточенным в сосуде, бес просит о пощаде Иоанна. Герои находят новый выход из сложившейся ситуации, заключив устный договор, согласно которому обе стороны получают желаемое. В соответствии с классификацией В.Я. Проппа бес выполняет роль героя-антагониста, противника главного героя, и имеет функции «пособничества» (выполняет требование Иоанна о путешествии в Иерусалим), «вредительства» (при невыполнении договоренности, согласно которой герою запрещалось кому-либо рассказывать о событии, бес мстит Иоанну) [Пропп, 2001: 26–34].

Интересен и образ беса в «Повести о Петре и Февронии Муромских», где он обретает форму крылатого змея, посланного дьяволом на блуд к жене Павла. Согласно классификации В.Я. Проппа персонаж выполняет функции «вредительства» (посланник дьявола, целью которого является нарушение семейного блага Павла и его жены), «подвоха» (способен в глазах окружающих принимать облик князя, оставаясь в истинном обличье для его жены), «борьбы» (Пётр вступает в борьбу со змеем).

В рассмотренный период древнерусской литературы происходит изменение в формах взаимодействия беса с другими героями. Его образ становится более выразительным и наделяется большой эмоциональной нагрузкой; он отождествляется с образом человека. Человеческое в некоторой степени приравнивается к бесовскому: окружающие люди не смогли определить, что под обличьем Павла скрывается коварный змей. Бес предстает читателю все более разумным существом, его способы взаимоотношения с героями становятся практически ничем не отличимыми от человеческих (правда, его возможности значительно больше, в поступках нечистой силы отсутствует гуманность).

В то же время в литературе указанного периода бесу никогда не удаётся войти в доверие к главному герою и поставить его в полную зависимость от себя.

Литература XVII в.: «Повесть о Савве Грудцыне». В литературе XVII в. постепенно уменьшается значение «религиозного эпоса» и большее внимание уделяется светской жизни. В «Повести о Савве Грудцыне» подробно воспроизводится тема продажи героем своей души дьяволу в обмен на мирские блага и наслаждения. В этом произведении соотношение темной и светлой сторон представлено иначе, чем это происходило на предыдущем этапе: герой попадает в подземное царство и, встретившись с самим Сатаной, заключает письменную сделку, что, конечно, совершается с непосредственным участием беса как слуги сатаны.

Бес приобретает многие человеческие черты. Он становится реальным помощником, целью которого является обеспечение главного героя всем необходимым, хотя его главная функция – быть антагонистом. Он обманом завоевывает доверие Саввы и становится его «братом», «вторым я». Бес выступает в роли противника главного героя и одновременно скрывается под маской «брата». Он оказался не всемогущим, и Савве удалось избавиться от дьявольских сетей, что в итоге приводит к торжеству добра.

Образ беса выполняет широкий спектр функций: помогает выразить негативную оценку людей, принадлежащих к определённой исторической эпохе, определяет греховные поступки человека, позволяет узнать тайные желания молодого человека, а также призывает людей к соблюдению порядочного образа жизни, отмечает могущество веры и божественных сил, определяет границы между светлой и темной стороной жизни, указывая на преимущество первой, предвещающей человеку долгую и счастливую жизнь, и на недостатки последней, являющей себя причиной духовной и физической смерти.

На протяжении семи столетий древнерусской литературы образ беса претерпел эволюцию, обусловленную воздействием религиозных и народных представлений и соотносённую с изменением исторических эпох. Каждый период древнерусской литературы был тесно связан с предшествующим. Заимствуя особенности образа, характерные для предыдущего периода и дополняя его новыми чертами, древнерусские писатели создали яркий собирательный персонаж, который нередко становится основной движущей силой сюжета и воплощает многие конкретные отрицательные качества людей. Если на ранних этапах развития литературы бес выступал в качестве «внесюжетного» персонажа, который был способен вселять в других людей дурные помыслы, то на более поздних этапах он становится реальным действующим лицом, практически не отличимым от человека, однако имеющим коварные цели и пагубные методы их достижения.

Образ беса, сформировавшийся в древнерусской словесности, оказал существенное воздействие на дальнейшее развитие литературы. К теме бесов, используя древнерусскую традицию, обращались в своих произведениях Ф. Прокопович, М. Ломоносов, А. Пушкин, Н. Лесков, Л. Толстой и многие другие писатели.

Список литературы

Белова О. В. Бес // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002. С.3-35.

Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // Древнерусские литературные памятники. Л.: Наука., 1979. С.228-237.

Ермолай-Эразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских. / пер. с др.-рус. А. А. Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. Выпуск 12: XVII век. Книга 3. М.: Художественная литература. 1994. С.626-665.

Киево-Печерский патерик. / пер. с древнерус. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Худож. лит., 1980. С.413-627.

Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. С.442–445.

Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. / пер. диакона Андрея Юурченко. // Памятники литературы Древней Руси. Выпуск 12: XVII век. Книга 3. М.: Художественная литература. 1994. С.583-620.

Найдыш О. В. Мифологическое наследие в культурогенезе восточных славян // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Философия. 2008. №1. С.26–32.

Повесть Временных лет. / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева. // Памятники литературы Древней Руси. Выпуск 01: Начало русской литературы. XI–начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С.23-278.

Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на беса. / пер. с древнерус. Л. Дмитриева // Древнерусские повести. Пермь: Кн. изд-во, 1991. С.178–183.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Повесть о Савве Грудцыне. / пер. с древнерус. Т. Ивановой, Ю. Сорокина // Древнерусские повести. Пермь: Кн. изд-во, 1991. С.240-257.

Шайкин А. А. «Повесть временных лет» о язычестве на Руси // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. IV. С.29-39.

N.S. Kozheva

Student of Philological Faculty

Perm State University

THE IMAGE OF THE DEMON IN ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

The evolution of the demon's image in ancient Russian literature of XII–XVII centuries is examined in the article. In particular, we consider the influence of folk and religious ideas on the emergence and development of this image. On the basis of literary material, the main artistic functions of the demon's image are revealed. In addition, the characteristic features of the image at each stage of development of ancient Russian literature are emphasized and the relationships with other images of the artistic system of Old Russian literature are revealed.

Key words: Old Russian literature; image; demon; artistic feature.

УДК 82.02

Анастасия Олеговна Черановская
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Cheranovskayanasta97@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ТЕКСТОВ «БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» НА ПОЭЗИЮ ПИСАТЕЛЕЙ СУРИКОВСКОГО КРУГА

В статье реконструируется круг чтения «поэта из народа» конца XIX – начала XX вв., определяется значение текстов «литературы первого ряда» для суриковцев. В исследовании представлен характер влияния «большой литературы» на творчество «поэтов из народа», единичные и системные случаи обращения к опыту профессиональной литературы. Описываются и интерпретируются механизмы восприятия литературных традиций и течений, в частности романтизма и «народной поэзии».

Ключевые слова: самоучки; суриковцы; книжная культура; «большая литература».

«Поэты суриковского круга», «писатели из народа», «поэты-самоучки» – всё это номинации литературной группы, которая сформировалась в 1870-х гг. и просуществовала до 1920-х гг. Закрепление народной поэзии в русской литературе было связано с процессами пореформенной эмансипации личности крестьянина, последующей трудовой миграции. При погружении в городскую культуру поэзия «самоучек», продолжая базироваться на фольклорном фундаменте, постепенно вбирала в себя черты книжной культуры.

Принадлежность «поэтов из народа» к литературе детерминирована письменной формой бытования авторских текстов. Их включенность в литературный процесс в значительной мере определяется издательской деятельностью, которую вели «самоучки» и институциональной организацией. При взгляде на литературу как структурно однородное поле, в котором обнаруживаются маркеры, позволяющие говорить о таланте того или иного писателя, порождается иерархическое восприятие литературы. «Поэтам из народа» при таком подходе в литературном процессе отводится низшая ступень. Их сборники не пользовались популярностью среди читателей: «сборник <<Рассвет>> успеха не имел, и большую часть его тиража пришлось продать букинисту. Обещанный второй сборник после этой неудачи не вышел...» [И.К. 1939: 120].

Исследовательский интерес, как правило, сосредоточен на корреляции творчества «суриковцев» с фольклором, вопросах разграничения творческих систем. Так, например, Д.М. Давыдов обращается к дифференциации понятий «наивное», «примитивное», «графоманское» и др., относя «поэтов из народа» к наивной литературе [Давыдов 2004: 1], в работах В.А. Поздеева устанавливается отнесенность литературы «суриковского кружка» к «третьей культуре» [Поздеев 2003: 134].

Е.А. Добренко, напротив, относит творчество поэтов к периферии литературы, определяет его как «графоманское» [Добренко 1999: 167].

Вместе с тем обращение «суриковцев» к фольклорной традиции не исчерпывает особенности поэтики «самоучек». Еще одной особенностью творчества «поэтов из народа» является обращение к произведениям «большой литературы», поэтому важно определить, к каким механизмам создания текста, его структурам, литературным течениям обращались поэты. Для этого необходимо обозначить круг чтения «самоучек».

При установлении источников, из которых можно почерпнуть сведения о круге чтения «поэтов из народа», стоит отметить, что в качестве литературы для обучения чтению, как правило, использовалась религиозная литература, которая не могла повлиять существенным образом на своеобразие художественного мира «суриковцев»: «В первой половине XIX в. подавляющая часть умеющих читать крестьян обучалась грамоте не в школе, а с помощью различных “мастеров” и “мастериц” (учителей-самоучек, обучавших на дому), священников и дьячков, грамотных родственников. В основе обучения лежало, как правило, механическое заучивание Часослова и Псалтыря (на церковно-славянском языке)» [Рейтблат 2009].

Немаловажную роль в соотнесении произведений «поэтов из народа» с большой литературой играет саморепрезентация. Устойчивым мотивом в структуре автобиографии «самоучек» является мотив ученичества. Так, например, этот структурный элемент представлен у Н.И. Незлобина: «*Читать и писать начал я очень рано. Первые стихи написал в 9 лет... Когда поступил в школу и стал читать Пушкина, Лермонтова, а затем Фета и Блока, завел себе большую тетрадь, где было написано множество стихов...*» [Ревякин 1931: 206]. Наличие подобных упоминаний позволяет восстановить воспринятые «самоучками» поэтические традиции, воплотившиеся позднее в их творчестве.

Ряд писателей, упоминаемых в текстах автобиографий, конечен и ограничен именами наиболее известных авторов литературы первого ряда и так называемыми «народными писателями». Круг чтения «суриковцев» разных поколений не одинаков, он эволюционировал вместе с поэтами. Для «самоучек», чье творчество приходится преимущественно на 1870-е гг., характерны обращения к авторам первой половины XIX в.: Лермонтов, Пушкин, Гоголь. Фиксируется временной разрыв, составляющий разницу от 15 до 30 лет. Такая дистанцированность «самоучек» от литературы «первого ряда», вероятно, обусловлена дороговизной, а потому недоступностью современной «суриковцам» литературы [Рейтблат 2009]. Вместе с обращением к литературе начала века «поэтами из народа» было воспринято и направление романтизма.

Второй полюс интересующих их текстов составили произведения писателей, обращавшихся к теме жизни народа, среди них Ф.А. Погосский, Т.Г. Шевченко, их активная творческая деятельность приходится на 1840-1850-е гг. Оба автора также были близки к романтической традиции, которая проявилась в частности в использовании элементов фольклорной поэтики.

Для «суриковцев» XX в. ориентационный вектор оказывается частично смещенным к современникам: например, встречается упоминание Блока, вместе с тем сохраняются и имена, встречающиеся прежде. У авторов этого периода прослеживается общая тенденция обращения к текстам Некрасова, которые составляют читательский полюс «литературы для народа», интересно, что в его состав, начиная с 1890-х гг. входит и Суриков с первыми «поэтами из народа», несмотря на неприятие эстетики Некрасова самим Суриковым: «В его <Некрасова> музее ничего нет поэтического. Это сухая проза, притом односторонняя и ординарная» [Яцимирский 1905: 95]. Очевидно, воплощения общей категории народности и «социальной направленности» произведений было достаточно для сведения творчества этих авторов к общему знаменателю для продолжателей Сурикова.

Через тексты упомянутых авторов происходило первичное знакомство не только с литературой, но и принципиально иной традицией городской культуры. Воспринятая эстетика не могла не повлиять на отбор средств, которыми в дальнейшем пользовались «поэты из народа», форму их текстов. Вместе с тем отмечается и более узкое влияние текстов «большой литературы» на корпус текстов «суриковцев» на уровне тематики, образных систем, мотивных комплексов.

Несмотря на общий характер заимствования «чужого текста» можно установить соответствие с эстетическими системами. Так, например, широко представлена в творчестве «поэтов из народа» эстетика романтизма. Ее основные маркеры – концепция двоемирия, образ одинокого, исключительного героя, мотив его неудовлетворенности миром – в полной мере отражены в творчестве «суриковцев».

Концепция исключительности героя проявляется в традиционной для «поэтов из народа» тематике и выражает аналогично двоемирия – оппозицию «своего» и «чужого» пространства, где герой исключителен ровно в той степени, в какой одинок. Примером может послужить стихотворение Дрожжина «Песня из далекого края»: *«Судьба забросила меня / В далекий край... / Прощай, деревня, с красотой / Твоих долин, / Без друга я в земле чужой / Умру один»* [Калмановский 1966: 391].

Нечаев в стихотворении «Ангел сна» использует характерный для романтизма хронотоп ночи как границы миров: *«Когда заря прощальными лучами / Озолотит далекий небосвод, / Немая ночь тень бросит над полями, / Шумливый мир утихнет от забот... / В тот тихий час предвестником отрады / Слетает в мир из рая ангел сна...»* [Хренов 1901: 115-117]. Вместе с тем тематически это стихотворение можно отнести к традиционным для «суриковцев» стихам о страдании крестьян, которым посвящена основная часть текста. В нем появляется типичный для «самоучек» образ старика, находящегося на границе жизни и смерти: *«В сыром углу полуистлевшей хаты, / Где догорал мерцающий ночник... / В глухой тоске е задумался старик... / От горьких дум мятежней сердце бьется, / И все грустней становится ему... / Но ангел сна невидимой рукою / Его очей коснулся, и старик / Забылся вмиг...»* [Хренов 1901: 116-117].

Некоторым авторам свойственно более прямое обращение к эстетике романтизма. В их стихотворениях выстраивается модель писателя – медиатора

миров, свойственная также и символистам. Так, в сборнике Фомина «Песни радости и печали» воспроизводится образ поэта-пророка. Этот образ соотносится в большей степени с «Пророком» Пушкина, чем «Пророком» Лермонтова: ср., напр., Фомин «Пилигрим»: *«Дорога к вечности открыта / И мне Господь сказал – «Иди»! / И все людское позабыто... / Мой храм велик и необъятен – / Весь мир с небесной красотой; / Мне каждый знак земли понятен...»* [Фомин 1914:2]; Фомин «Моя душа»: *«Моя душа пришла из дальних поколений, – / Как жезл пророческий, на пепле расцвела; / Я в ней таю скрижаль неписанных велений / И много светлых дум, померкших в царстве зла...»* [Фомин 1914: 9].

В гораздо большей степени распространены случаи, в которых установить текст-первоисточник или даже определить традицию не представляется возможным, однако наблюдается совершенно иная, неприсущая «суриковцам» модель художественного повествования: исчезают словообразовательные средства, характерные для фольклора, появляется нехарактерная для «самоучек» лексика, калькированные стереотипные образы. Подобное обращение к чужой эстетике свойственно ряду тематических групп стихотворений.

Это проявляется, например, в пейзажной лирике. Влияние «большой литературы» сказывается на отсутствии мотива работы, который обычно сопряжен с темой природы, фиксации авторского взгляда на эстетическом, а не на прагматическом аспекте природы. Так, например, в стихотворении Белоусова «Весенним утром» отсутствуют размышления: перед нами пейзажная зарисовка, в которой герой необходим лишь в качестве посредника между художественным миром стихотворения и читателем: *«Проснулся теплый весенний день; / В окно, здороваясь со мною, / Смотрит душистая сирень, / Ночной омытая грозью...»* [Хренов 1901: 131]

В любовной лирике наблюдается тематическое распределение: тема свидания раскрывается преимущественно в традициях «большой литературы», в то время как тексты, входящие в тематические группы «расставание», «замужество», «семейная жизнь» в большей степени соотносятся с народной культурой. В соответствии с этим распределением тексты «суриковцев» соотносятся с жанром песни или причитания в случае воплощения фольклорных традиций и с лирическим стихотворением в случае опоры на традиции литературы.

«Поэты из народа» в текстах лирических стихотворений при ориентации на стихотворения профессиональных авторов вместе с темой заимствуют и ряд шаблонных образов, мотивов. Так, например, при изображении свидания «суриковцы» опираются на набор стереотипных мотивов, например, на мотив ночной встречи и соответствующих ему образов: образ ночного сада, распахнутого окна, соловья и пр., практически лишенных авторской обработки. Ср., напр., стихотворения Кошкарлова и Сурикова:

На свиданье я украдкой
Подойду к тебе, к **окну**...
И к твоей головке милой
Страстно, нежно я прильну!...
Ночь... Мерцают в небе **звезды**...
Месяц свет свой тихо льет...
А в **саду** твоём вишневом
Соловей давно поет!
[Кошкарлов 1908: 63]
Ночь тиха, **сад** объят полутьмою,
Дремлют липы над сонным прудом;
Дышит цветущей весной;
Мы сидим пред раскрытым **окном**.

Светят яркие **звезды** над нами;
Кротко **месяц** глядит с высоты,
И его голубыми лучами
Облитая, задумалась ты...
[Калмановский 1966: 117]

Стоит отметить, что в тексте при переключении с традиций народной культуры воспроизводятся и основополагающие образы художественного мира стихотворения, например, герой и закрепленный за ним паттерн поведения. Так, в стихотворении Сурикова: «Когда с тобою встреться снова» вместо традиционного для поэтики «суриковцев» героя-крестьянина изображен сентиментальный герой, поведенческие нормы которого входят в конфликт с нормами поведения героя в фольклоре: «*Когда с тобою встреться снова / После разлуки долгих лет, / Я ждал что ласковое слово / Ты скажешь мне, мой друг, в привет... / Ты ничего мне не сказала, / Ты холодна ко мне была... / И стало мне так грустно, больно, / Что я, придя домой, припал / Лицом к подушке, и невольно / Я зарыдал вдруг, зарыдал...*» [Калмановский 1966: 129].

Таким образом, взаимодействие «самоучек» с поэтикой и эстетикой произведений «большой литературы», не ориентирующейся на категорию народности, имеет гетерогенный характер. Так, например, романтическая традиция органически вплетается в поэтику текстов «поэтов из народа» или дополняет ее. Актуализация романтизма в творчестве «суриковцев» происходит, во-первых, из-за временной удаленности доступного круга чтения, а во-вторых, благодаря близости «поэтов из народа» романтическому мировосприятию. Концепция двоемирия накладывается на важную для «самоучек» оппозицию города и деревни, вместе с ней конструируется образ героя, находящегося вне желаемой действительности, дополняющийся автобиографическими деталями, а каждое стихотворение отражает историю преодолений, что и делает героя, а вслед за ним и самого «поэта из народа» исключительным.

Более явное влияние «большой литературы» наблюдается в текстах, не просто воплощающих отдельные принципы метода в образах, свойственных народной культуре, но и воспроизводящих сюжет, соответствующую ему образную систему конкретных поэтических текстов. Иногда произведения, копирующие стихотворения профессиональных авторов, заполняют лакуны, возникающие в результате изъятия из системы фольклорных жанров отдельных ее элементов.

Е. Добренко рассматривает взаимодействие поэтики «суриковцев» с традицией «большой литературы» как пародию: «<...> “самоучки” “учились у классиков”, но “учеба” эта была (вполне в рапповском духе) наивным и бессмысленным копированием, превращавшим продукт в неосознанную пародию...» [Добренко 1999: 171]. Можно согласиться с исследователем в том, что корпус текстов, в которых отмечено влияние представителей литературы первого ряда, характеризуется как экспериментальный, несвойственный поэтике «суриковцев». Авторам часто не удается сохранить самостоятельность и своеобразие содержания или формы, заимствуя одну из величин, они создают «калькированный» текст, однако такое явление может быть истолковано и как форма литературного подражания – освоение [Розанов 1935: 38]. При этом существуют отдельные наиболее талантливые «поэты из народа», которым удается органически вплестать тематику стихотворений, свойственную группе «самоучек», в литературную форму. К таким, например, можно отнести самого Сурикова.

Категорию народности в текстах «большой литературы», приближающихся к творчеству «суриковцев», воплощают произведения Некрасова, однако, как отмечалось выше, сам Суриков не принимал творческого метода Некрасова. Разницу в художественном подходе к изображаемому материалу отмечает и Калмановский в предисловии к сборнику «Суриков и поэты суриковцы»: «В 1864 году в “Современнике” была напечатана поэма Некрасова “Мороз, Красный нос”. В 1866 году появилось в печати стихотворение Сурикова “Мороз”. И оно рассказывает о том, как замерзает “девица”, “красотка”. Но у Сурикова это только полусказочный сюжет, у Некрасова – картина, полная широкого современного смысла, многообразных гражданских ассоциаций...» [Калмановский 1966: 24].

Вместе с тем сам факт появления стихотворения Сурикова «Мороз» говорит о том, что «поэт из народа» не просто был знаком с творчеством Некрасова, но и отталкивался от его художественного метода. Противопоставляя в своей поэзии социальному анализу изображение жизни крестьянина иногда с опорой на народную мифологию, Суриков оказался все-таки близок Некрасову благодаря общему предмету изображения.

Стоит отметить, что отдельные авторы в своих произведениях оказывались близки Некрасову при заострении социального конфликта, когда брали за основу фольклорный сюжет. Так, например, Родионов в стихотворении «После набора» вводит альтернативу рекрутскому причитанию: *«Полно, полно, старуха, реветь, / Ты тоску своим ревом наводишь... / Не один наш Петруха пошел – / Видно, воля уж божья такая»* [Калмановский 1966: 361]. При этом трудно установить сознательно ли автор ориентировался в произведении на поэтику Некрасова или оказался приближен к ней, модифицируя народную традицию.

В то же время стихотворения «Н.А. Некрасову», «На смерть Н.А. Некрасова», «Памяти Некрасова» С.Дрожжина позволяют говорить о принятии эстетики поэта и художественной ориентации на некрасовскую школу. Этот процесс характерен для «поэтов из народа», начиная с XX в.

Можно заключить, что взаимодействие с произведениями Некрасова неоднородно, зависит от ведущего художественного приема. Так, и Некрасов, и Дрожжин использовали прием стилизации, что сближает их творчество. Таким образом, «поздние суриковцы» воспроизводили черты фольклора не напрямую, опираясь на опыт взаимодействия с народной культурой, а опосредованно, через тексты профессиональных поэтов, берущих за основу категорию народности. Воспроизведение народных традиций, зафиксированных в текстах «большой литературы», свойственное поэтам постсуриковского периода, делает их стихотворные тексты вторичными по отношению к текстам «поэтов из народа» конца XIX в.

Список литературы

Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи. / Сост. А. Ревякин. М., Л.: Госиздат., 1931. 660 с.

Давыдов Д.М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Самара, 2004. 24 с.

Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 557 с.

И.З. Суриков и поэты-суриковцы. / Сост. Е.С. Калмановский. М., Л., 1966. 514 с.

И.К. Суриковцы // Литературная энциклопедия: В 11 т. 1929–1939. Т. 11. М.: Худож. лит., 1939. С. 120–121.

Поздеев В.А. Фольклор и литература в контексте «третьей культуры»: дис. ... доктора фил. наук. М., 2003. 424 с.

Поэты из народа / Сост. К.А. Хренов. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. 140 с.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. URL: https://dom-knig.com/read_229715-121 (дата обращения: 20.12.2018).

Розанов И. Подражание литературное // Литературная энциклопедия: В 11 т. 1929–1939. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энцикл.», 1935. С. 36-39.

Фомин С. Песни радости и печали М.: Суриковский Литературно-Музыкальный Кружок в Москве, 1914. 43 с.

Яцимирский А.И. Иван Захарович Суриков в семье своих литературных преемников. // Русская старина, 1905. №4. С. 95.

A.O. Cheranovskaia

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

THE IMPACT OF “GREAT LITERATURE” ON THE POETRY OF “SURIKOV’S SOCIETY WRITERS”

The “reading circle” of the “poet from the people” of the late 19th century and early 20th century is reconstructed in the article. Also the meaning of the “front row literature” texts for “Surikovs” is determined in the article. The study presents the nature of the influence of “great literature” on the creativity of “poets of the people”, describes isolated and systemic cases of appealing to the experience of professional literature. We pose and interpret the mechanisms of perception of literary traditions and courses, in particular romanticism and “folk poetry”.

Key words: self-taught; Surikovs; book culture; “great literature”

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

УДК 801.81

Анастасия Николаевна Балахнина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
balakhninaan@gmail.com

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ КОЛДУНА (на материале мифологических рассказов Пермского края)

Целью данного исследования является анализ лексических единиц, обозначающих способы защиты от колдуна. Базой для анализа выступают мифологические рассказы, записанные в Пермском крае. В работе производится классификация лексических единиц структурно и семантически (в зависимости от функций мифологического персонажа). Делается вывод о многозначности некоторых лексических единиц или своеобразии восприятия их носителями традиционной культуры.

Ключевые слова: демонологическая лексика; колдун; апотропей; защита от колдуна; мифологические рассказы Пермского края.

В широком смысле слова оберег (апотропей) – это магический способ защиты человека и его мира от опасности [Левкиевская 2002: 6]. У термина «оберег» существует несколько значений, которые используются в научной литературе. Первое – это малый фольклорный жанр, второе – функция различных текстов, направленных на защиту от опасности, и третье – апотропеическая семантика, существующая в тексте в виде мотивов, а также тексты, несущие в себе такую семантику [Левкиевская 2002: 7].

Оберег существует в рамках апотропеической ситуации, которая складывается в результате воздействия охраняемого объекта на носителя опасности оберегом. [Левкиевская 2002:16]. В рамках данного исследования носителем опасности является человек, связанный с нечистой силой (*колдун, векишца, дедушка-чертызнай, бесистый, веретник*), охраняемым объектом – либо герой былички, либо интервьюер, которому дается совет по защите от колдуна, а в качестве оберега рассматривается действие.

Апотропей – это культурологический феномен, не теряющий своей актуальности, который интересен не только в историко-этнографическом, но и лингвистическом аспекте. Знание человека о мире «сверхъестественного», проявляющееся в апотропеях, заговорах, заклинаниях и т.д., реконструирует наивную картину мира, свойственную мифологическому сознанию. В работе предпринята попытка анализа функционирования в тексте языковых единиц с семантикой апотропея.

Источником материала стали сборники мифологических текстов Пермского края: А.В. Черных «Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв.» [Черных 2004]; А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования» [Бахматов и др. 2008]; К.Э. Шумов «Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» [Шумов 1991].

При анализе предикатов с защитной семантикой в Пермских мифологических текстах были обнаружены следующие апотропеические значения языковых формул:

- а) нанесение удара (нанесение опасности предупредительного удара),
- б) отгон опасности (отворачивание опасности от охраняемого объекта);
- в) разграничение (разведение объекта и носителя опасности, исключающее любой вид контакта),
- д) окружение (создание сакральной границы между носителем опасности и объектом защиты),
- е) нейтрализация (лишения носителя опасности опасных свойств),
- ж) укрывание (стремление спрятать, сделать объект защиты невидимым).

Наиболее частотны языковые формулы со значением нанесения удара. Символический удар носителю опасности наносился острым предметом – ножом, ухватом, иглой, булавкой, травой-огневкой и т.д. Семантика огневки как острого предмета не очевидна. Огневка – это купальница азиатская, чей оранжевый цвет и острые листья ассоциировались с огнем: «*Огневку вывешивают на дверь от колдунов и от нечистой силы*» (Бахматов, 219), «*Если примерно в доме, чтобы там никто тебе, обязательно выше дверей воткните иголку, три иголки*» (Бахматов, 248).

Но в таких формулах используются и другие существительные. В них нет семантики острого предмета, но они обозначают предметы, которые могут использоваться для нанесения реального удара: «*Если дома ты одна и в положении, клади липовую палку под порог*» (Черных, 65). Согласно словарю «Славянские древности», липа – это дерево, имеющее сакральное значение; оно считалось деревом Богородицы [Агапкина, Усачева 2004: 112], а палка несет значение битья, удара, отгона опасности, также имеет фаллическую семантику [Плотникова 2004: 618]. Таким образом, мы видим, что значение апотропея здесь имеет не только существительное, но и прилагательное. Описанный способ используется для защиты от вредоносного воздействия ведьмы, которая на юге Пермского края называется вещицей.

В мифологических текстах реализуется несколько вариантов данной семантики – нанесение удара непосредственно и пригвождение, когда колдун не может выйти из избы. Семантика зависит от места «втыкания» предмета – если предмет воткнут на пограничное место – дверь, порог, окно, – то языковая единица имеет значение нанесения удара («*Если в порог воткнуть нож или вилку, то колдуну не войти...*» (Черных, 59), «*Михаил взял и ножик-то воткнул под ворота*» (Шумов, 345)), а если предмет воткнут рядом с колдуном – в стол, под лавку, – то единица имеет значение пригвождения («*Надо у иголки жало сломить, ушики*

отломить и, где он сидит, вот сюда **воткнуть**, под его, в обратную сторону» (Шумов, 342), «**Ножик воткнешь ли че ли в стол, он не выйдет из избы, шоркатся, шоркатся, а выйти не может**» (Черных, 57). Такие предикативные единицы обычно трехкомпонентны. Их можно представить в виде формулы: $V_{\text{воткнуть}} + N_{\text{острый предмет}} + N_{\text{место}}$.

«Привязать» колдуна можно также, сев без штанов на печку, полати. Здесь используется трехкомпонентная формула следующего вида: $V_{\text{сесть}} + N_{\text{образ действия}} + N_{\text{место}}$: «**На брус на полати сядешь голой ж...ой, тоже колдун не может выйти**» (Черных, 57), «**Как колдуна привязать – надо голой ж...ой на печь сесть**» (Черных, 57).

Интересным примером языковой структуры можно считать последовательность действий, итог которой предполагает пригвождение носителя опасности: «**В соломинку вшей натолкать и на порог положить, он не сможет выйти, колдун-от...**» (Черных, 55). Здесь мы видим сочетание двух трехкомпонентных формул: $V + N_{\text{объект}} + N_{\text{место}} + V + N_{\text{место}} + (N_{\text{апотропей}})$. Единица, обозначающая объект-апотропей, во второй части языковой формулы опущена, но очевидно предполагается. Такое опущение может быть вызвано, с одной стороны, экономией речевых усилий, характерных для языка, а с другой, утратой названия единицы, за которой, как мы видим, стоит определенный ритуал. В другом примере мы видим сочетание двухкомпонентных формул: «**Мы взяли стакан браги и в раковину вылили, а потом снова в стакан**» (Черных, 56) $V + N_{\text{объект}} + N_{\text{место}} + (V) + (N)_{\text{объект}} + N_{\text{место}}$. Здесь также опущены языковые единицы, но это, скорее всего, обусловлено речевой ситуацией. Таким образом, можно говорить о существовании сложных языковых формул, состоящих не просто из отдельных языковых единиц, а из сочетаний.

В формулах с семантикой нанесения удара также встречаются слова, называющие перевернутые предметы. Эти формулы тоже трехкомпонентны, но имеют иные составляющие: – глагол «ставить», слова со значением предмета и образа действия – $V_{\text{ставить}} + N_{\text{острый предмет}} + N_{\text{образ действия}}$: «**Если колдун идет, сразу **веник берешь, ставишь его вверх метлой****» (Шумов, 345), «**А чтобы колдунья ничего тебе не сделала, нужно **ухват поставить вверх рогами****» (Черных, 59).

Иногда в данной трехкомпонентной формуле глагол приобретает значение переворачивания, при этом сохраняя значение образа действия и существительное, обозначающего острый предмет: «**Вилы вверх рогами переверни от колдуна**» (Черных, 58), «**Говорит, повернула ухват вверх рогами**» (Черных, 56).

В редких случаях встречается двухкомпонентная формула, когда сливается действие и семантика острого предмета – «**поцарапал в трубе**» (Шумов, 304). Нанесение удара здесь выражается не через предмет, а через глагол: $V_{\text{нанести удар}} + N_{\text{место}}$.

Еще одной языковой формулой со значением нанесения удара можно считать действие, совершенное наотмашь – $V_{\text{(вариативно)}} + N_{\text{(вариативно)}} + \text{Adverb}$: «**Вот если будешь наотмашь еду резать или пельмени наотмашь, не будет бесистый есть**» (Шумов, 345), «**Если левой рукой наотмашь подаешь что-нибудь, колдун не возьмет**» (Черных, 55). Здесь апотропейное значение выражается через наречие, так как и глагол, и объект действия вариативны. Можно встретить идентичную по

составу и значению формулу, где апотропейное значение на себя также принимает наречие: «**Нашиворот нальешь питье – пить не будет**» (Черных, 57).

Следующими по частотности являются языковые формулы с семантикой отгона опасности. Поражает разнообразие используемых в данном случае апотропеев. Опасность отгоняют с помощью мужских брюк: «**Если дома ты одна и в положении, клади мужские брюки в голову...**» (Черных, 65). Мужские брюки – это социально значимая часть традиционной одежды мужчин, символизирующая мужское начало, плодovitость и плодородие [Толстая 2004: 525].

Значимым оберегом выступал кукиш или фи́га, имеющий фаллическую символику, выражающую апотропейное значение: «**И мы какой раз бегали ребятишками, так кукишки за спиной кажем. А он ругается, тошно ему, верное средство**» (Черных, 58), «**Увидев человека, которого считают колдуном, зажать фигу в кулаке...**» (Бахматов, 281), «**Это, фигу им покажи, они уж знают, хоть в варежке**» (Черных, 57)

Отогнать опасность можно веником: «**Домой приди и в трубе в печи веником поскреби**» (Черных, 65). Такая языковая формула характерна для семантики нанесения удара, но в контексте данного текста она приобретает значение отгона опасности. Возможно, что с течением времени семантика веника как «острого предмета» утрачивается.

Самым сильным оберегом считалось чтение молитвы. Молитва – это функциональный оберег, имеющий сакральное значение [Левкиевская 2002: 197] «**Воскресну молитву**» **начиташь – тоже не заденет**» (Черных, 55), «**А тятя недолго думал – начитал «Воскресную молитву», а сам ушел в гору**» (Черных, 55).

Апотропейческая семантика отгона опасности может быть выражена через мотивы отгона предметом, отворачивание опасности и отпугивание. Языковая формула с семантикой отгона опасности может иметь разную структуру. Трехкомпонентные языковые формулы вида: V+N_{апотропей}+ Adverb. реализуют мотивы отгона опасности и отворачивания опасности. Здесь апотропейческую семантику имеет как предмет, так и образ действия: «**съесть лепестки огневки наголодно**» (Бахматов, 219), «**прижать большой палец к чухе**» (Бахматов, 219). Другие единицы двухкомпонентны – V+N_{апотропей}: **кукиш сделать, сложить фигу, прочитать молитву**.

Значение отворачивания опасности выражается через единицы, имеющие похожую структуру. Они могут состоять из трех или двух компонентов: «**Нитки шерстяной прядут навыворот**» (Черных, 59), «**Нужно знать воскресну молитву от их, от колдунов. Да задом наперед ее прочитать. Вперед читают для начала, чтобы уберечься, а потом уж навыворот**» (Шумов, 340).

Третьей по частоте можно назвать семантику разграничения. В основном она реализуется через предикаты, выражающие значения молчания, игнорирования опасности, называния чужого имени, запрета. Формула со значением молчания имеет однокомпонентную структуру, представлена глаголом: «**Надо не общаться с колдуном**» (Черных, 58): V.

Значение запрета реализуется через запрет какого-либо действия. Апотропейческую семантику в подобных высказываниях содержит частица «не».

Запрет также реализуется через однокомпонентную формулу, представленную глаголом: не+V. «Если в положении, в баню после двенадцати **не ходи**» (Черных, 65).

Значение разграничения своего и чужого представлено двухкомпонентными апотропеическими формулами, различными по структуре. «**Спать поперек полу**» (Черных, 65) – V + N_{образ действия}. «**Не назвал свое имя, назвал чужое**» – V+N_{объект} (Шумов, 306).

Семантика окружения в быличках представлена через предикаты со значением опоясывания и обвязывания – ниткой, поясом, бечевкой. Данные апотропеические формулы имеют двухкомпонентную структуру: V_{надеть} + N_{апотропей}. «**Она ее научила опушку от мужиковых штанов или гасники на голое тело надевать**» (Черных, 65), «**От колдуна все носят пояс, нитки шерстяной прядут навыворот, на голое тело надевают пояс. Или бумажный пояс из церкви можно...**» (Черных, 59).

Семантика нейтрализации встречается редко. Реализуется через обезвреживание носителя опасности: «**Чтобы ведьма не колдовала, говорили, ее надо через хомут протащить. Вот мы на конном дворе на одну хомут надели, бабы помогли ее протащить. Она больше, верно, ничего не делала...**» (Черных, 65). Эта семантика реализуется двухкомпонентной языковой формулой, в которой можно увидеть глагол и существительное, обозначающее предмет, с помощью которого происходит нейтрализация: V + N. Подобный пример встречается также в Юсьвинском районе, в деревне Пожва: «**Колдуна можно было исправить, если надеть на него лошадиный хомут**» (Бахматов, 248).

Наиболее редкими можно назвать языковые формулы с апотропеической семантикой укрывания. Они обладают следующей структурой: V+N_{апотропей}: «**Потом, а я слыхала, надо, говорит, мужику ногу, руку ли положить на меня вот. Я говорю: «Ты **положь** на меня **руку ли, ногу ли** или еще ли руку ли». Как только положил, и сразу [сорока] **тескать не стала**» (Черных, 64).**

Такие формулы используются для защиты беременной женщины от воздействия вещицы – ведьмы, которая извлекает плод из утробы женщины или самки животного. Субъектом действия является муж беременной.

Семантика преграды, выраженная мотивом закрепивания, встречается редко. Она воплощена в двухкомпонентной формуле – V_{апотропейное значение} + N_{апотропей}: «**Знаешь если, что он колдун, на стол ставишь, **крестом окрестишь**: «Аминь!», «Аминь!». Он тоже не заденет**» (Черных, 55).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формулы языковых единиц с апотропеической семантикой зависят от реализованного мотива, могут содержать один, два или три компонента. Наиболее распространенными можно считать трехкомпонентную формулу: действие + предмет + образ действия, имеющую значение нанесения удара и отгона опасности, и двухкомпонентную формулу: действие + предмет, выражающую семантику окружения и разграничения.

Список литературы

Агапкина Т.А., Усачева В.В. Липа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М: Международные отношения, 2004. С. 112-114.

Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: ОтиДО, 2008. 501 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. Москва: Индрик, 2002. 336 с.

Плотникова А.А. Палка Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М: Международные отношения, 2004. С. 618-622.

Толстая С.М. Одежда // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М: Международные отношения, 2004. С. 523-525.

Черных А.В. Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв. Пермь, 2004. 113 с

Шумов К.Э. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 410 с.

A.N. Balakhnina

Student of Philological Faculty

Perm State University

SEMANTICS AND STRUCTURE OF LANGUAGE UNITS, DENOTING WAYS OF PROTECTION FROM THE SORCERER (on the material of mythological stories of Perm region)

The aim of this study is to analyze the lexical units denoting the ways of protection from the sorcerer. The basis for the analysis are mythological stories recorded in the Perm region. The paper classifies lexical units structurally and semantically (depending on the functions of the mythological character). We conclude that some lexical units are polysemantic or carriers of traditional culture perceive these units in a peculiar way.

Key words: sorcerer; demonological vocabulary; apotropa; protection from the sorcerer; mythological stories of the Perm region.

Алена Владиславовна Павлова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alena_alenka98@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ДОМОВОГО В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Целью исследования является анализ лексических единиц, обозначающих действия домового. Базой для анализа выступают былички Архангельской области о домовом из сборника Н.В. Дранниковой и И.А. Разумовой «Мифологические рассказы Архангельской области». В работе производится классификация лексических единиц по структуре и семантике (в зависимости от функций мифологического персонажа). Делается вывод о многозначности некоторых лексических единиц или своеобразии восприятия их носителями традиционной культуры.

Ключевые слова: мифологический персонаж; домовый; демонологическая лексика; действия домового; мифологические рассказы Архангельской области.

Образ домового начал формироваться еще во времена язычества и неразрывно связан с культом предков [Левкиевская 2010]. Возможно поэтому сейчас в различных регионах России образ домового легко узнаваем, монолитен. Сейчас мифологический персонаж понимается как пучок функций и признаков, скрепленный именем [Левкиевская 2002]. «Домового обычно представляли в облике хозяина дома, живого или умершего, а также последнего умершего члена семьи или самого старшего человека в семье. Отсюда и традиция описывать его облик в разы чаще антропоморфным, а также определять его локализацию в доме: на чердаке, на печи, за печью, в углах дома, в подполье, в хлеву рядом со скотиной [Виноградова 2000: 271]. Один из главных признаков домового – его тесная связь с домом. Он – опекун всего хозяйства, что проявляется в его патронажной функции. Среди функций домового можно также выделить осуществление помощи, причинение вреда, полтергейстную (когда мифологический персонаж ведет себя беспричинно агрессивно по отношению к людям) и прогностическую (когда домовый предсказывает будущее). Помимо базового набора признаков и функций на периферии этого набора можно встретить и дополнительные характеристики: домовый может драться с другим домовым, приставать к женщинам, прятать и / или переставлять вещи в доме, прядет по ночам [Виноградова 2000: 272].

Функция, пишет Е.Е. Левкиевская, – это «минимальная единица мифологической системы, представляющая собой устойчиво сохраняющееся в традиции действие персонажа, наделенное определенным иллокутивным значением, вместе с закрепленной за этим действием совокупностью признаков (локутивных и темпоральных), характеризующих обстоятельства, при которых оно реализуется» [Левкиевская 2007: 95].

Функция определяет смысл и направленность действий мифологического персонажа. Таким образом, понятие «функция» не является синонимом понятию «действие» персонажа. Стоит отметить, что одни и те же действия могут выступать в качестве проявления разных функций.

В зависимости от функций домового в мифологических рассказах мы выделили следующие мотивы:

- домовой производит звуки (шум, голос и речь), например, *шуршит, гремит, плачет*;
- домовой контактирует с человеком (*душит человека, оставляет синяки на коже человека*);
- домовой производит хозяйственные действия (*ставит чай*);
- домовой проказничает (*уносит вещи*);
- домовой помогает (*чешет гриву коню, кормит скотину*);
- домовой предсказывает, предупреждает о беде (*ревет, стучит*);
- домовой вредит (*путает гриву, гоняет коров, счетчик вырвал*);
- домовой наказывает за нарушение запрета, несоблюдение правил (*пинает человека, выгоняет человека из избы*).

В качестве материала для анализа лексических единиц мы выбрали сборник «Мифологические рассказы Архангельской области» Н.В. Дранниковой и И.А. Разумовой.

В мифологических текстах описываемые действия представлены разными грамматическими конструкциями. В зависимости от объекта воздействия мы разделили эти конструкции на объектные, т.е. направленные на человека или скотину, строящиеся по формуле D + Об (например, *гоняет скотину, давит человека*), и безобъектные – действия, описывающие поведение мифологического персонажа, не направленное на какой-либо семантический объект (например, *ходит, гремит посудой*).

Безобъектные и объектные лексические конструкции мы разделили на однокомпонентные и двухкомпонентные. Конструкции, где действие домового не направлено на какой-либо объект (например, *плачет*) или направлено непосредственно на семантический объект (например, *пинает (человека)*), назовём однокомпонентными. Двухкомпонентными конструкции будут считаться, если действие домового направлено либо на грамматический объект (например, *уносит вещи*), либо опосредованно влияет на семантический объект (например, *заплетает гриву коню*).

Самыми частотными в сборнике «Мифологические рассказы Архангельской области» оказались «безобъектные» однокомпонентные и «объектные» однокомпонентные лексические единицы, направленные непосредственно на человека или скотину. Среди безобъектных больше всего действий с семантикой ‘*производит шум*’, эта семантика реализована в двух группах действий: ‘*ходить*’ и ‘*стучать*’.

Действие *ходит* реализуется чаще всего в глаголах: «Вот он *ходит* по чердаку, вот он *ходит* по коридору» (текст № 142) [Дранникова, Разумова 2009: 82], реже – в существительных: «Я просыпалась и слышала *шаги* около моей кровати» (текст № 182) [Дранникова, Разумова 2009: 97]. Встречаются рассказы, в которых шум, создаваемый домовым, описывается и именем существительным, и отдельно глаголом. Например, «У женщины одной сын умер. Так она рассказывала, что после этого до девятого дня утром на кухне *шаги* все слышала, будто *ходит* кто» (текст № 190) [Дранникова, Разумова 2009: 100]. Данное действие шесть раз реализуется в мотиве «домовой производит звуки» и один раз в мотиве «домовой предсказывает будущее».

Действие *стучит* реализуется в следующих мотивах: «домовой производит звуки», «домовой наказывает за нарушение запрета, несоблюдение правил», «домовой предсказывает будущее». Информанты передают данное действие с помощью глаголов: «Слышу сквозь сон, что будто кто-то *стучится*» (текст № 164) [Дранникова, Разумова 2009: 92], с помощью существительного в эллиптическом предложении: «Ночью в доме *стук*» (текст № 142) [Дранникова, Разумова 2009: 83] или звукоподражаний: «В избушке лежишь, в стену: «*Тук-тук-тук-тук-тук*» (текст № 150) [Дранникова, Разумова 2009: 86].

Стоит отметить, что все безобъектные однокомпонентные лексические единицы в данном сборнике имеют звуковую семантику: обозначают шум или голос. Например, «За печкой *шуршит*» (текст № 182) [Дранникова, Разумова 2009: 97], «Сидишь на кухне, а в комнате кто-то *чихает*» (текст № 182) [Дранникова, Разумова 2009: 97], «Дак домовой ее никуда не пускал, *ревел*» (текст № 188) [Дранникова, Разумова 2009: 99]. Эти глаголы встречаются в текстах, реализующих мотивы «домовой производит звуки», «домовой предсказывает будущее».

В «объектных» однокомпонентных лексических единицах реализован либо физический, либо вербальный контакт духа с человеком. При этом физический контакт носит почти исключительно негативную семантику (дух преграждает путь, пугает, наносит побои): «Стала по лесенке подыматься, а ее как что-то *пнет*, и так раза три» (текст № 140) [Дранникова, Разумова 2009: 81], «Потому что было много случаев, когда мужики заходят, ну, тоже в избушку заходят, не здороваются и ничего, спать сразу домой, ну в избу он их не пускает, *выгонит*» (текст № 150) [Дранникова, Разумова 2009: 86], «Будто кто его вицей *гонял*» (текст № 198) [Дранникова, Разумова 2009: 102], «Вдруг ночью кто-то его *стал швырять* да по избе *таскать*» (текст № 161) [Дранникова, Разумова 2009: 91], «Ну вот, вышел домовой и *говорит*: «Если бы ты меня не уважил, вы бы до утра не дожили» (текст №

146) [Дранникова, Разумова 2009: 84]. Данная группа лексических единиц встречается в текстах, имеющих все мотивы, кроме причинения вреда.

Интересно, что в текстах, реализующих частотный мотив «домовой душит/давит человека», глаголы *душит* и *давит* в данном сборнике немного расходятся по семантике. Глагол *душит* употребляется в текстах с мотивом «домовой контактирует с человеком» («повалится на человека и *душит*» (текст № 192) [Дранникова, Разумова 2009: 100], «домовой помогает» («как домовой опять его *подушит*, ему становится легче» (текст № 192) [Дранникова, Разумова 2009: 100] и «домовой наказывает за нарушение запрета, несоблюдение правил» («*душит* перестали, и услышала: «Нечего в чужом доме спать» (текст № 158) [Дранникова, Разумова 2009: 90]. Глагол *давит* реализуется в текстах с мотивом «домовой контактирует с человеком» («один раз нашего соседа домовой *давил*» (текст № 138) [Дранникова, Разумова 2009: 80], «домовой наказывает за нарушение запрета, несоблюдение правил» («И тут ее как *начал* кто-то *душит*, прямо на грудь *давит*» (текст № 158) [Дранникова, Разумова 2009: 90] – в данном рассказе различий между *душит* и *давит* не наблюдается, «домовой предсказывает будущее» («мохнатой лапой *стал давить* мне на грудь... голос слышу тоже как в себе: «К добру» (текст № 157) [Дранникова, Разумова 2009: 90].

«Безобъектные» двухкомпонентные единицы представлены глагольными сочетаниями (глагол + существительное, называющее грамматический объект). Например, «на кухне кто-то *гремит посудой* или *стулья переставляет*». «И однажды мы слышали, как кто-то *налил воду* в чайник, *поставил* его *греться*, потом этот кто-то *достал чашки и блюда*, ... Потом кто-то *налил чай*, *положил сахар* и *стал* его *мешать* ложечкой» (текст № 186) [Дранникова, Разумова 2009: 99], «Может *вещи* куда-то *уносить*, а потом обратно *несет*» (текст № 175) [Дранникова, Разумова 2009: 95], «дак он, значит, он <...> *вещи крадет*» (текст № 177) [Дранникова, Разумова 2009: 95]. «Он даже *счетчик вырвал*, *сервант, трюмо разбил*» (текст № 183) [Дранникова, Разумова 2009: 98]. В этой группе текстов реализуются следующие мотивы: «домовой вредит», «домовой проказничает», «домовой производит хозяйственные действия».

При «объектном» двухкомпонентном предикате действие духа, направленное на человека или скотину, осуществляется через часть тела или предмет, принадлежащий объекту. Встречаются лексические единицы, которые структурно могли бы отнестись к «объектным» однокомпонентным, однако семантически это именно двухкомпонентные единицы. «Как лягу на печь, так меня, – говорит, – *за волосы тянет* с печи» (текст № 151) [Дранникова, Разумова 2009: 87], «Спящего *давит*, *косички заплетает*, не распутать. У меня, бывало, *запутал*, пришлось ножницами *вырезать*» (текст № 139) [Дранникова, Разумова 2009: 81], «Дедушка-домовой *завьет овцам шерсть*-то, длинная вырастит, так *навьет*. И *корову завивает*, и *лошадей завивает*, ах не распутать!» (текст № 210) [Дранникова, Разумова 2009: 106]. «А бывает, и *взлюбит*, дак так *гриву-те расчешет* да *косу заплетет* – залобуешься!» (текст № 134) [Дранникова, Разумова 2009: 79]. Примечательно, что отношение к косам в гриве у носителей традиционной культуры разное, что зависит от отношения персонажа к скотине или ее хозяину.

Большую роль при этом играет семантика волос (шерсти): 9 из 11 лексических единиц включают в себя слова *волосы, хвост, шерсть, грива*. Это объясняется представлением о волосах как о средоточии жизненных сил человека, богатства и счастья (изобилия и плодородия – у шерсти) [Толстой 1995: 420]. Встречающиеся мотивы: «домовой вредит», «домовой производит хозяйственные действия».

Таким образом, среди мифологических рассказов Архангельской области для описания действий домового носители традиционной культуры чаще используют «безобъектные» однокомпонентные и «объектные» однокомпонентные лексические единицы. В этом сборнике мифологических рассказов встречаются многозначные лексические единицы, например, *стучит, душит, давит*. Такие лексические единицы в текстах представляют разные мотивы и показывают разные функции мифологического персонажа.

Список литературы

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Дранникова Н. В., Разумова И. А.; М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. док. фил. наук. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и функции, 2002. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya2.htm> (дата обращения: 08.06.2019).

Левкиевская Е. Е. Мифы и легенды восточных славян. М.: Детская литература, 2010. URL: <https://e-libra.ru/read/390237-mify-i-legendy-vostochnyh-slavyan.html> (дата обращения: 08.06.2019).

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М.: Международные отношения, 1995. 575 с.

A.V. Pavlova

Student of Philological Faculty

Perm State University

THE LEXICAL UNITS DENOTING THE ACTIONS OF THE HOUSE-SPIRIT IN THE MYTHOLOGICAL TEXTS OF THE ARKHANGELSK REGION: STRUCTURE AND SEMANTICS

The purpose of this research is to analyze lexical units denoting the actions of a brownie. The basis for the analysis is the mythological texts of the Arkhangelsk region about the brownie of N.V. Drannikova and I.A. Razumova. This article classifies lexical units structurally and semantically (depending on the functions of the mythological character). The conclusion is about the ambiguity of some lexical units or the peculiarity of their perception by the bearers of traditional culture.

Key words: brownie; demonological vocabulary; mythological character; house action; mythological stories of the Arkhangelsk region.

Алёна Александровна Побычаева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alenapobychaeva@yandex.ru

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ КАРАГАЙСКОГО РАЙОНА (темпоральный и акциональный коды, динамика традиции)

В статье рассматривается святочная гадальная традиция Карагайского района Пермского края. Материалом послужили архивные записи второй половины XX в. и полевые данные 2018–2019 гг. В работе описан темпоральный и акциональный коды гаданий, охарактеризована функциональная направленность, представлена классификация в зависимости от выполняемых ритуальных действий. На основе сопоставления возраста гадающих и видов предпочитаемых ими гаданий показана динамика традиции, содержание которой постепенно редуцируется.

Ключевые слова: Карагайский район; гадальная традиция; святочные гадания; спиритические гадания; темпоральный код; акциональный код.

Гадание – ритуал, направленный на получение знаний о будущем, для чего, согласно народным представлениям, иногда требуется установление контакта с потусторонними силами. Гадание считалось грешным, нечистым делом, поэтому для обрядов выбирали «нечистые» места: баню, подвал, чердак, подпол и др. Кроме календарной ворожбы, в русской культуре в основном приуроченной к Святкам и дню Ивана Купалы, известны окказиональные гадания, совершаемые во время похоронного, свадебного, родильного обрядов, а также во время повседневных дел; по мере надобности могли обращаться к «профессиональным» гадалкам, ворожеям и т.п. [Виноградова 1995: 482–483].

Гадания славян как часть народных календарных праздников рассмотрена в монографических трудах В.Я. Проппа, Т.А. Агапкиной [Пропп 1995; Агапкина 2002]. Традиция Пермского края представлена в работах А.В. Черных, И.А. Подюкова [Подюков, Черных 1998; Подюков 2001; Черных 2006; Черных 2008], как вид святочной ворожбы описаны и поздние по времени возникновения спиритические гадания [Королёва 2017].

В этой статье рассматривается святочная гадальная традиция Карагайского района Пермского края. Материалом послужили записи с упоминанием гаданий из фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ (32 текста) и полевые материалы автора, собранные в 2018–2019 гг. (64 текста). Учтены карагайские гадания, которые в контексте календарного цикла описаны в книге И.А. Подюкова «Карагайская сторона» (8 текстов) [Подюков 2004]. Таким образом, корпус карагайских гаданий составляет на сегодняшний день 104 единиц, из них 83 – святочные гадания.

Карагайский район расположен на западе края, в среднем течении рек Обва и Нердва. Эта территория – один из очагов русского старожильческого населения Пермского Прикамья. Село Карагай впервые упоминается в Писцовой книге М. Кайсарова 1623–24 годов. К еще более раннему периоду относится возникновение сел Рождественское, Воскресенское, Юрич и некоторых других.

Время гаданий. Как принято в русской традиции, карагайские календарные гадания приурочены к зимнему и летнему времени года. Зимой ворожба допускалась во время Святков – с Рождественского сочельника по Крещение (с 6 января по 19 января по новому стилю). Считалось, что именно в это время в мир людей входит нечистая сила: *«Святки – это время-то дьявольское. Именно с 6-го и до 19-го. Вот черти-то и бегают»*. Внутри святочного периода выделяются дни, в которые гадания считаются наиболее достоверными. Это могло быть самое начало Святков – Рождественский сочельник (6 января): *«Говорят, что в первый день лучше всех [гадать], с 6-ого на 7-ое»*, – а также Васильев день или Старый Новый год: *«Самое настоящее гадание на Рождество и на Васильев день, на Старый новый год, на 14-ое января»* (Карагай, 2019). В масштабах суток для гаданий наиболее благоприятными считались вечер и ночь, в редких случаях я зафиксировала указания на утро и день.

Классификация святочных гаданий. Святочные гадания по своей функциональной направленности отвечали на вопросы о важных событиях наступающего года: о жизни и смерти, здоровье, благополучии семьи или отдельных ее членов, изменении социального статуса. Наибольшее распространение получили группы матримониальных гаданий, совершаемых молодежью (преимущественно девушками). При гаданиях о женитьбе или замужестве хотели знать имя будущего супруга, его внешний вид, возраст, количество будущих детей. Возраст гадающих не важен, могли гадать все желающие.

В зависимости от основного типа выполняемых ритуальных действий святочные гадания можно разделить на несколько категорий: это выслушивания, высматривания, гадания с выбором жребия, с толкованием сна, со счетом [Черных 2008: 88–116]. Многие из этих гаданий были «на суженого». Также для гадальной традиции XX – начала XXI в. характерны спиритические гадания (с вызыванием духа) и гадания-розыгрыши.

1. Гадания-выслушивания. Этот тип ворожбы подразумевает интерпретацию услышанных звуков. Чаще всего ходили *слушаться* под окна домов других людей или же садились на перекресток и слушали там. Применительно к уличным гаданиям-выслушиваниям употребляется выражение *слушать ходили*, перекресток обычно называется *ро́сстань*. В начале гадания нужно было обязательно начертить вокруг себя круг, чтобы «черти не задавили». Рассказывая о гадании, участники нередко упоминают, сбылось оно или нет: *«Надо было Надьку замуж отдавать. Сели так-то и слушаем. Вдруг доски строгать стали, стружгут и стружгут. Там вот холсты как будто бьют, выколачивают. Потом вот друг у друга и спрашиваем, кто что услышал. Ну,*

там, мол, доски стругали, там холсты били. А вот колокольца никто не слышал. А колокольца к свадьбе должны звенеть-от. <...>А доски-то к похоронам. Ну, и вот. И были похороны-то. Брат у Надьки помер, молодой еще был, 25 лет ему было тогда» (с. Нердва, 1995).

Существует особый ритуал для выслушивания лая собаки: «Выходят к забору или просто стоят за воротами в ночное время и говорят: “Залай, залай, собаченька! Залай, залай, серый волчок! Где залает собаченька – там живёт мой суженый!”». Если лай хриплый – брак со стариком. Если лай звонкий и тонкий – молодой жених. Чем глуше и дальше лай, тем дольше девушка будет выдана замуж» (с. Никольское, 1997).

2. Гадания-высматривания. Гадания-высматривания также призваны дать какое-то знание о дальнейшей судьбе. Чаще всего такое гадание состояло в высматривании образа через кольцо, интерпретировании тени от сожженной бумаги или силуэта расплавленного и застывшего воска.

Гадания с кольцом были направлены на то, чтоб увидеть будущего мужа. Кольцо обязательно должно быть венчальное: «А потом у нас тоже мы гадали, а кто у нас, дедушка Устин болел, старенький уже был, и гадали это: рюмка, в стопку лили, стакан, да хоть чё, чтоб дно было чистое, под него ложишь золу, воду наливаешь, кольцо обязательно обручальное и именно венчальное, не то, чтобы вот такое какое-то, чтобы оно через церковь. Ложишь туда и волос. И вот так колечком туда ложишь. И глядишь. И, не знаю, кто у нас глядел, бабушка что ли, и говорит: “Как гроб”. Увидела гроб, и дедушка 5 февраля у нас умер. А Маша, Машка, покойная тоже, увидела Ваню Гору, она как заорала, кричит: “Нее, я за него замуж не пойду”. А вышла за него замуж» (с. Карагай, 2019).

Гадания с высматриванием через зеркало считаются опасными. Зеркало в народной культуре устойчиво воспринимается как дверь в потусторонний мир: через него могут выйти злые духи, забрать душу гадающего. Чаще всего в зеркале высматривали будущего мужа. Для этого ставили два зеркала друг напротив друга, чтобы получился своеобразный коридор. Вглядываясь в него, девушка должна была увидеть там суженого. Рядом могли также ставить стакан и смотреть в зеркало через него. Примечательно, что в некоторых рассказах это гадание грозит несчастьем, даже если из зеркала не выходит нечистая сила: «Зеркало, говорят, опасно. [Почему?] Не знаю, так мама говорила, когда-то они гадали и кому-то из женщин гроб показался в зеркале. И она, в общем, чё-то с ней случилось. Заболела тяжело. Это моя мама рассказывала» (с. Карагай, 2018).

3. Гадания, основанные на выборе жребия. Наиболее распространенные в Карагайском районе гадания, основанные на принципе жребия, – кидание валенка, вытягивание предметов, обхватывание тына/забора, а также гадания с петухом и курицей. Так, девушки могли гадать на дровах или доставать полено. Суть этого гадания – по выбранному наугад полену определить внешность жениха, его характер, материальное положение, количество будущих совместных детей. Для этого девушки с завязанными глазами или задом должны

подойти к поленнице и вытянуть полено, по нему и судят о женихе. Внешние особенности полена могли интерпретировать так: *«Гладкое ровное полено в тонкой ровной коре – хороший, красивый жених, полено с шероховатой корой – некрасивый, полено в толстой, но хорошей коре – богатый, полено, местами ободранное – нуждающийся, полено без коры – бедный, толстое полено – сильный или толстый, полено с сучками – жених из большой семьи, и по числу сучьев судят о числе людей в семье, кривое полено – урод или с какими-либо физическими недостатками»* (с. Никольское, 1997).

Также могли гадать по тыну / обхватить тын / обхватить забор. *«Гадали-то как – обхватят тын в ширину рук и пересчитывают его со словами: “Вдовица, молодца, вдовица”, – и так до конца. Что выпадало на конец, смотрели – выйдет девка в этом году замуж или нет»* (с. Воскресенское [Подюков 2004: 22]).

Сейчас наиболее распространенный вид гадания-жребия – вытягивание записки с именем будущего мужа: *«Как-то, когда учились в общежитии, мы загадывали: ложили под подушки имена мальчиков. Ну, мужские имена ложишь под подушкой и утром, когда проснешься, надо вытащить. Мне, конечно, попал Женя. Муж должен был быть Женей у меня (смеется). Не получилось»* (с. Карагай, 2019).

В полевых материалах встретилось упоминание о необычном гадании, объединяющем высматривание на перекрестке и принцип жребия. Для этого нужно в таз налить воду и аккуратно опустить в нее сверху скорлупу, чтоб она плавала по поверхности. На таз нужно приклеить записки с названиями каких-либо событий, и, когда скорлупка прибьется к одной из надписей, – это в жизни и сбудется: *«Сидели на росрани и гадали чё попало. Таз, воду, скорлупу, можно хоть как кораблик сделать, и написать всякие события, приклеить. И вот запускает очередной, куда приделается, то и будет»* (с. Карагай, 2019).

4. Гадания с толкованием сна. В ходе полевого исследования выяснилось, что есть несколько разновидностей гаданий с толкованием сна. Акциональная направленность данного вида гадания – вызвать вещий сон, в котором должен присниться будущий муж. Атрибутами, необходимыми для таких гаданий, могли служить гребень или расческа, а также ведро с водой. Гребень нужно было положить под подушку, сказать специальные слова, к примеру: *«Кто мой женишок, попроси у меня гребешок»*, – и ночью должен присниться жених. *«Нужно положить расческу под подушку и тебе должен присниться жених. Снилось, только неизвестный какой-то. Очертания видела, да, но я его не встретила еще»* (с. Карагай, 2018).

Также для вызывания нужного сна могли ведро с водой закрывать на ключ. В некоторых вариантах этот ключ надо было потом положить под подушку, и жених во сне должен прийти за этим ключом: *«Потом это, чё, гадали, мама папу, говорит, это, она же сирота была, загадала. Говорит, ведро на замок и спать легла. И как вот он приехал на жеребце, приехал вот какой, в чем, я, grit, его увидела, в чем увидела во сне. Говорят: “Приснись, если я в этом году замуж выйду, приснись мне жених”»* (с. Карагай, 2019).

5. Гадания на счет. При гаданиях на счет девушки высчитывали по числу мелких предметов ответ на свой вопрос. Чаще всего для этого использовались бобы: *«Гадающий загадывает желание и раскладывает бобы на 3 кучки (не считая бобы). Потом, беря по одному бобу из первой кучки, говорит: «Да, нет, да, нет, да ...». Запомнить, что выпало на последний боб (да или нет). С оставшимися двумя кучками проделать тоже самое. Потом посмотреть, что получилось, посчитать ответы (да или нет). Это и будет ответом на вопрос»* (д. Дранёвка, 1997).

6. Спиритические гадания. Современные святочные гадания включают такой вид практики, как спиритические гадания, предполагающие вызывание какого-либо «духа» (умершего или нечистой силы) [Королёва 2017: 205–206]. Многие мои собеседники отвечали, что в подростковом возрасте, а иногда и в зрелом, *вызывали чёртика*. Как правило, в настоящее время – особенно в контексте разговора о гаданиях – люди воспринимают его не как страшного представителя нечистой силы, а как помощника в ответах на вопросы: *«Вспомнила еще, брали иголку с ниткой, циферблат с буквами и вот тоже, на Святках же гадали. Вот это вот часто мы делали. Спрашивали что-нибудь, у чёртика спрашивали. Какой-нибудь вопрос задавали, например, что-то это случится? Нитку вот так вот делали, нитка крутилась, на какую букву останавливалась – читали слово. [А вы чертика рисовали?] Не, просто буквы, циферблат с буквами и всё. Говорили: “Чертик, чертик, приди, чертик, чертик, расскажи”. И всё. Типа вызвали его, духа. Говорили [потом], чтоб он уходил: “Чертик, чертик, уходи”. Все равно ж говорили, так же страшно, что останется»* (с. Карагай, 2019).

7. Розыгрыши во время гаданий. Важной частью народной гадальной традиции можно считать гадания, заканчивающиеся розыгрышем. Обычно специалисты рассматривают их просто как рассказы, построенные по принципу «антибылички» (собственно быличка – это рассказ о каком-то сбывшемся гадании или страшном происшествии с гадающими). Однако из текстов видно, что иногда речь идет не только о рассказах, а о розыгрышах как действиях, особом виде практики. К примеру, когда девушки ходили подслушивать под окнами, соседи могли увидеть это и специально меняли ход разговора. Гадальщики могли также сговориться и сообщить кому-то ложный результат ворожбы: *«А как-то мы обманули девку одну. Галья (родственница моя) замуж вот собралась. А мы без нее пошли гадать на росстань. Только ничё не услышали. И сговорились между собой. Ей потом-от сказываем: колокольца слышали, муж-то богатый будет, – жизнь вот расписываем. А она слушает и верит. А бабка там же была и сказывала нам: ой, – говорит, – врите ведь. А нам и так уже смешно, а тут вовсе смеяться стали»* (с. Нердва, 1995).

Динамика традиции. На основе собранных материалов можно проследить динамику гадальной традиции в Карагайском районе. Информанты 1910–1930-х годов рождения чаще всего использовали гадание-выслушивание на перекрестке, лишь у этой группы встречаются гадания на счет. У информантов 1930–1940-х годов впервые встретилось гадание, основанное на выборе жребия с петухом, в остальном гадания одинаковые. Постепенно проходит мода на гадания-выслушивания и вытягивание предметов, чаще всего у информантов

1950–1960-х используются гадания-высматривания (интерпретируется тень от сожженной бумаги, силуэт от расплавленного воска). У информантов 1960–1970-х годов рождения встречаются спиритические гадания. Со временем гадальная традиция становится менее популярной, и информанты 1970–1980-х годов рождения выбирают наиболее простые гадания: сожжение бумаги, плавление воска, а также гадания на картах. В приоритете у информантов 1990–2000х годов – гадания, не требующие особой подготовки, к примеру, по случайной странице и строчке в книге узнать ответ на свой вопрос или же вытянуть записку с именем имени из-под подушки.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Основные действия, совершаемые во время святочного гадального ритуала – высматривание образа или силуэта, выслушивание, вытягивание предметов или их подсчет, кидание обуви и вызывание вещей снов. Отдельными действиями можно назвать вызывание нечистой силы и разыгрывание во время обряда. Прослеживается и динамика использования гаданий в Карагайском районе. Мы видим, что со временем многие ритуалы утрачивают свою актуальность, но в активное употребление входят новые ритуалы или же трансформируются старые. Утрата традиционных гаданий может объясняться многими факторами: исчезновением некоторых предметов крестьянского быта, отсутствием в окружении человека, знающего старинные техники ворожбы, изменением «моды» на определенные виды гадальных ритуалов – в том числе под влиянием городской культуры.

Список литературы

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

Виноградова Л.Н. Гадание Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 481–486.

Королёва С.Ю. Простонародные спиритические гадания в XX в. (столоверчение и круг с буквами) // STEPS/ШАГИ. 2018. Т. 4. №2. С. 204–227.

Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004. 318 с.

Подюков И.А. Круговорот жизни. Народный календарь Прикамья. Пермь: ПРИПИТ, 2001. 99 с.

Подюков И.А., Черных А.В. Суженый-ряженный, приди ко мне снаряженный. Рецепты народных гаданий. Пермь: ПРИПИТ, 1998. 28с.

Пропи В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1995. 176 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Вып. 1: Весна, лето, осень. Пермь: Пушка, 2006. 365с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 2: Зима. Пермь: Пушка, 2008. 365с.

А. А. Pobycheva

Student of Philological Faculty
Perm State University

**CHRISTMAS DIVINATION OF KARAGAY DISTRICT
(temporal and actional codes, dynamics of tradition)**

The article considers the Christmas divination tradition of Karagay district, describes temporal and actional codes. The functional orientation of divination is analyzed, and a classification is presented depending on the main ritual actions. During the analysis, it was found that midnight is most favorable on the scale of the day for fortune telling. The dynamics of the tradition is shown on the basis of a comparison of the divination participants' age and the types of divination. It was found that the divination tradition in Karagay district is still alive, although in a reduced form.

Key words: Karagay district; divination; temporal code; actional code; functional orientation of divination; Christmas divination.

Екатерина Леонидовна Федосеева
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ekl-fedoseeva@yandex.ru

ИСТОЧНИКИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматриваются основные источники коми-пермяцкой фитонимии. Проведен анализ каждого из них, отмечены наиболее значимые аспекты исследований. Приведены примеры новых, не зафиксированных в источниках названий фитонимов. Отмечены некоторые авторы, включающие в свои художественные тексты названия растений. Чаще всего они используют как литературные, так и диалектные варианты фитонимов, описывая их внешние характеристики, лечебные свойства и места их произрастания.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; языковая картина мира; фитонимы; диалект; наречие.

Наименования объектов растительного мира (фитонимы) функционируют в лексико-семантической системе языка и выполняют не только номинативную, но и прагматическую и оценочную функции, употребляются носителями языка наряду с любыми другими словами.

Фитонимия требует пристального внимания, поскольку это та часть лексики, которая отражает материальную и духовную культуру народа. Это «одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» [Ли 2009: 41].

Коми-пермяки как народ, испокон веков проживающий в тайге и имеющий непосредственный контакт с природой, несомненно, отразили свое отношение к ней через язык. Это, в первую очередь, наблюдается в названиях растений, составе этой тематической группы, способах номинации.

Коми-пермяцкая фитонимическая лексика на сегодняшний день недостаточно изучена и не в полном объеме отражена словарями, поэтому необходима ее дальнейшая фиксация и всестороннее описание. В нашей статье даётся описание источников данной группы лексических единиц.

Наиболее авторитетным источником лексики считается «Коми-пермяцко-русский словарь», составленный Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман [КПРС]. Авторы работы ставили перед собой задачу максимально полного описания лексикона коми-пермяцкого языка, поэтому в словарь включались слова современного (на момент составления) языка, наиболее употребительные диалектизмы, фразеологизмы, пословицы и поговорки. Представленная в работе лексика растительного мира распространена на всей территории проживания этноса. В результате работы с данным источником мы обнаружили 241 фитоним.

Стоит отметить как источник и «Коми-пермяцкий орфографический словарь», авторами-составителями которого также являются Р.М. Баталова и А.С. Кривошекова-Гантман [КПОС]. В качестве приложения к словарю коми-пермяцкий писатель В.В. Климов привел список наименований флоры и фауны. Им представлено 240 фитонимов, встречающихся повсеместно на территории округа.

Богатый лексический материал зафиксирован в «Пермяцко-русском, русско-пермяцком словаре» Н. Рогова [Рогов 1869]. Этот словарь позволяет говорить о том, какие наименования фитонимов южного наречия функционировали в речи коми-пермяков в то время, но к настоящему времени из речи коми-пермяков исчезли. К примеру, Н. Рогов приводит лексему *васта* в значении «трава в реках», не зафиксированную ни в одном современном лексикографическом источнике.

Помимо словарей, источниками коми-пермяцкой фитонимии являются исследовательские работы. Их материалы дополняют имеющиеся в словарях единицы новыми, ранее не встречающимися. Так, диссертация Т.Н. Меркушевой посвящена лексике флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка [Меркушева 2003]. Автор делает попытку описания диалектной лексики животного и растительного мира южного наречия коми-пермяцкого языка в его современном состоянии. Результатом исследования стал в том числе краткий сравнительный словарь лексики флоры и фауны южного наречия. В данной работе из 607 единиц мы обнаружили 283 фитонима. Часть из них зафиксирована в словарях, часть выявлена Т.Н. Меркушевой во время полевых исследований. Например, нигде не отмеченной является лексема *выч* в значении «картофельная ботва». Только в нижеиньвенском диалекте встречается фитоним *сюричачану*, обозначающий бузину красную, кистистую или обыкновенную. Наряду с общеизвестной лексемой *матегтурун* в значении «мыльнянка лекарственная», зафиксированной в КПРС, автор работы приводит два наименования этого растения. В кудымкарско-иньвенском диалекте его назовут *парматег*, а в нижеиньвенском – *быгатурун*. Так или иначе, все приведенные наименования имеют общий мотивационный признак: в словах *матегтурун* и *парматег* общий компонент *матег* имеет значение «мыло», в названии фитонима *быгатурун* компонент *быга* употребляется в значении «пена».

Фитонимы северного наречия встречаются в хрестоматии Л.Г. Пономаревой, отражающей речь коми-пермяков северных районов Коми-Пермяцкого округа. Методом сплошной выборки нами было выявлено порядка 40 единиц. Среди них встречаются лексемы, функционирующие только в северных районах Коми-Пермяцкого округа. Большинство из них не зафиксировано в словарях. Так, растение змеевик, которое в КПРС и в орфографическом словаре определяется как *кӧчбӧж*, в северном наречии имеет варианты названия *пагыр турун* и *пагыр лис*. Компонент *пагыр* употребляется в значении «кислый». Приведенный автором фитоним *гӧнян* в значении «дикая морковь» в орфографическом словаре имеет соответствия *гонюти*, *гонюш*, *чиийыв*.

Е.Н. Федосеева в монографии «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» дает список лексем, среди которых обнаружены фитонимы как встречающиеся в КПРС, так и записанные лично автором [Федосеева 2015: 124-156]. К примеру, нигде не зафиксированным является фитоним *нюдз* «водоросль».

Он встречается в мысовском, пятигорском, пуксибском и иванчинском говорах северного наречия. Лексема *мырпон* в КПРС имеет значение «морозка», однако Е.Н. Федосеева в своей работе приводит эту лексему с другим значением: в мысовском говоре лексема *мырпон* обозначает ягоду костянику. Также уникальной (зафиксированной исследователем) является лексема *дукавудж*, в мысовско-лупьинском говоре обозначающая валерьяну. В КПРС и в орфографическом словаре данное растение имеет другое наименование – *оспожъя* или *оспожъявуж*.

Лексика, номинирующая растения, встречается и в произведениях коми-пермяцких писателей. Пейзажные зарисовки в сборнике рассказов Т.П. Фадеева «Лолалан шор» [Фадеев 1998] представляют собой описание упомянутых в них растений. Автор дает оценку внешних качеств фитонимов, лечебных свойств, отмечает места их произрастания. Приведем пример: «...*лапья кӧззэз коласын син вылӧ усис месся кынымиськӧ вылынжык гӧрдсӧтӧр куст. Шуч тыдалан да биа шомӧн ӧгралан, – не весь сӧйӧ мяннын шондӧсӧтӧрнас и шуӧны*» – «...среди еловых веток я заметил чуть выше моего роста куст красной смородины. Ягоды прозрачные, похожие на тлеющие угольки, – не зря в наших краях ее еще называют солнечной смородиной». Описывая красную смородину, автор отметил не только место произрастания кустарника, но наряду с литературным названием (*гӧрдсӧтӧр*) привел его диалектный вариант (*шондӧсӧтӧр*).

В.В. Климов в книге «Мый висьталӧны Пармаисъ ниммесъ» [Климов 2009] даёт народную интерпретацию значения компонентов в фитонимах *туримоль* «клюква» и *туригум* «дягиль». *То тай эм шӧма ягӧд – туримоль. Моль – этӧ кизь, пуговка, а туримоль – тури кизь. Разь эмӧсь туриыслӧн киззес? Вежӧртана туригумлӧн нимыс – сӧя вачкисьӧ тури гум (кок) вылӧ и кузянас, и кызанас, и нельки рӧмнас. А пондан кӧ бытшӧмика кошмисьны, то и туримольлӧн нимыс ӧддӧн точнӧй – киззес эд одзжык вӧлӧмась тшаакылӧк кодӧсь – кучишокись каттьывлӧмась, как раз туримоль ыждаӧсь. А нюрас олӧ тури, вот и – тури кизь* – «Вот есть кислая ягода – туримоль [клюква]. Моль – это пуговка, а туримоль – пуговка журавля [тури – журавль]. Разве есть у журавля пуговицы? Вполне понятно название туригум [дягиль] – он похож на ногу журавля [гумм – нога] и длиной, и толщиной, и даже цветом. А если начнёшь хорошенько копать, то и у клюквы название очень точное – пуговицы же раньше были как клубки – делали из кожи, как раз величиной с клюкву. А на болоте живёт журавль, вот и – пуговица журавля» [Климов 2009: 128.].

Несомненно, серьезным источником народной фитонимии являются современные полевые записи. Собиратели фиксируют диалектные варианты наименований и их наивную интерпретацию, на основе которой формируется языковая картина этноса. На данный момент автором работы совместно с другими (А.В. Кротовой-Гариной, Ю.А. Шкураток) в рамках исследовательского проекта «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания» (руководитель Ю.А. Шкураток) ведется активный сбор диалектного лексического материала. Стоит отметить несколько интересных примеров. Так, в пуксибском говоре северного наречия широко распространены два варианта названия хвоща полевого: *кӧктоин* и *понкӧктоин*. Первый из них

зафиксирован в КПРС, второй имеет в словаре другое название – *понпистик*. Лексемы, содержащие в составе компонент *пон* «собака», характеризуют переросший побег хвоща полевого, уже непригодный для употребления в пищу. *Понкӧктоин и просто кӧктоин вӧлли. Ми сійӧ кӧктоинсӧ ваялімӧ ведраззӧн порссезлӧ. Сія сьӧд кокыс. Сія курыт, сійӧ озӧ сейӧ* – «Понкӧктоин [несъедобный хвощ] и просто кӧктоин [съедобный хвощ] был. Мы его [несъедобный] приносили вёдрами свиньям. У него черная ножка. Он горький на вкус, его не едят» [ПМ Федосеева]. В Кочевском районе *чернику* наряду с общеизвестным *чӧд* принято называть *лӧзьягӧд* досл. «синяя ягода» [ПМ Кротова-Гарина, Шкураток].

Таким образом, обзор источников коми-пермяцкой фитонимической лексики говорит об актуальности сбора и изучения данного диалектного лексического материала. Наша дальнейшая задача – систематизация собранных данных и рассмотрение их в семантико-мотивационном и лексикографическом аспектах.

Список литературы с сокращениями

- Климов В.В.* Мый висьгасьӧны Пармаись ниммез. Кудымкар, 2009. 136 с.
КПОС – *Коми-пермяцкӧй орфографическӧй словарь*. Мӧдӧдз изданнӧ, исправитӧм да содтӧм / составитисӧ: Р.М. Баталова, А.С. Кривощекова-Гантман. Кудымкар, 1992. 279 с.
КПРС – *Коми-пермяцко-русский словарь* / Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 620 с.
Ли Л.В. Концептуальный анализ лексики в аспекте языковой картины мира // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 29-45.
ПМ – полевые материалы.
Рогов Н.А. Пермязко-русский и русско-пермязкий словарь. СПб., 1869. 415 с.
Фадеев Т.П. Лолалан шор (Дышащий ручей). Кудымкар: Коми-пермязкӧе кн. изд-во, 1998. 368 с.
Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермязкӧго языка. Сыктывкар, 2015. 196 с.

E.L. Fedoseeva

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

THE SOURCES OF THE KOMI-PERMIAN PLANT NAMES

The main sources of Komi-Permian plant names are considered in the article. The analysis of each of them is carried out, the most significant aspects of researches are marked. Examples of unique, previously never fixed names of phytonyms are given.

Key words: Komi-Perm language, language picture of the world, phytonyms, dialect.

Елизавета Сергеевна Шевченко
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Sh.liza98@gmail.com

«КАЛЁНЫЕ ЗУБЫ»: ИСТОРИЯ О ДЕВУШКЕ И МЕРТВЕЦЕ (юрлинский вариант сказки с плохим концом)

В статье рассматривается фольклорная сказка «Калёные зубы», записанная от юрлинской рассказчицы Т.П. Никитиной. Зафиксированное произведение представляет собой пример относительно редких волшебных сказок с плохим концом. Антагонистом в них обычно выступает мертвец или черт, жанровые характеристики сдвигаются от сказки к быличке. Юрлинский вариант является контаминацией нескольких сюжетных типов и содержит ряд редких мотивов, отражающих русские мифологические представления.

Ключевые слова: Юрлинский район; волшебная сказка; сказочный сюжет СУС 333 В и С; мертвец; черт.

Фольклорная сказка – сложное явление: это не один, а несколько близких жанров. Восточнославянская сказочная проза условно делится на сказки о животных, волшебные и бытовые (анекдотические, новеллистические) сказки. В некоторых из этих групп есть свои разновидности – например, кумулятивные сказки о животных. В целом каждый жанр отличается своеобразием художественного вымысла и особой повествовательной формой, он оригинален по происхождению и имеет особые, именно для него характерные типы героев и самостоятельный круг сюжетов [Зуева 1998: 133, 141; Кравцов 1983: 92, 100; Пропп 1998: 28]. Относительная обособленность различных видов сказок не исключает существования сложных сюжетных контаминаций и «промежуточных» сюжетов, располагающихся как бы на границе между разными сказочными жанрами или сдвигающихся в область несказочной прозы (прежде всего легенд и быличек).

Многие сказочные сюжеты носят международный характер. Изучение сказочного репертуара имеет давнюю традицию, а сюжетно-мотивный состав описан в различных указателях. Самые известные и используемые в отечественной фольклористике – созданный на основе указателя А. Аарне «Указатель сказочных типов» С. Томпсона (1973), посвященный восточнославянской сказке «Указатель сказочных сюжетов по системе А. Аарне» Н.П. Андреева (1929), а также «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (1979) – коллективный труд, базирующийся на указателе Аарне – Андреева [СУС 1979].

Статья посвящена юрлинским сказкам, известным по поздним записям. В фольклорных экспедициях 2015 и 2016 гг. исследователи ПГНИУ зафиксировали

несколько сказочных сюжетов от Татьяны Петровны Никитиной, 1939 г.р., жительницы д. Мухоморка Юрлинского района Пермского края (в 2015 г. запись вели С.Ю. Королёва, Е.М. Четина, М.А. Брюханова, О.А. Колегова, А.С. Беломестнова; в 2016 г. в беседе также участвовала И.И. Русинова). С этой юрлинской сказочницей исследователи народной культуры работали и раньше. В ходе фольклорно-этнолингвистических экспедиций 2000–2007 гг. под руководством И.А. Подюкова от нее была записано как минимум одно сказочное произведение – сказка на сюжет «Мальчик и ведьма», которая вошла в сборник «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» [Бахматов, Голева, Подюков, Черных 2008: 256, 257]. В экспедициях ПГНИУ 2015–2016 гг. от этой исполнительницы было зафиксировано шесть сказок, из них четыре волшебных, одна о животных и одна докучная («ложная» сказка-шутка, обманывающая ожидание слушателя).

В нашей работе мы сосредоточим свое внимание лишь на одной сказке, которую сама сказочница называет «Калёные зубы». В чистом виде этот сказочный сюжет не отражен в «Указателе сказочных сюжетов по системе А. Аарне» Н.П. Андреева, нет его и в коллективном труде «Сравнительный указатель сюжетов» (далее – СУС), составленном для восточнославянских сказок. Однако в СУС встречаются похожие сюжетные типы, хотя и с другими персонажами. Близким к юрлинской сказке является тип сюжета, который обозначен как № 333В – «Людоедка»: *«Девушка идет в гости к тетке (крестной); на пути встречается ей чело­вечья голова, глаза, руки, ноги (животные), предупреждают, что тетка – людоедка; девушка все-таки идет, и людоедка съедает её»* [СУС 1979: 124]. Схожа с нашей сказкой и другая версия сюжета – СУС № 333С «Баба-Яга – пожирательница детей»: *«Родители, уезжая, наказывают дочерям пригасить на ночевку бабушку; ею оказывается Баба-Яга; за каждое посещение она требует у их собачки по ножке, а затем и голову, одна из девушек выполняет требование старухи; старуха всех поедает»* [СУС 1979: 125]. Финальный разговор, который происходит между героями юрлинской сказки, сближает ее с сюжетом типа «Красная шапочка» (СУС 333А).

Сказка «Калёные зубы» в первый раз была записана с репликами сказочницы, однако основным рассказчиком выступил ее взрослый сын Игорь Васильевич Никитин. Затем сюжет был пересказан дважды самой Татьяной Петровной Никитиной – сразу вслед за сыном в 2015-ом и год спустя в 2016-ом г. В каждом из вариантов обязательно присутствует девушка, которая осталась на ночь одна, шесть ее подруг, старик-мертвец (его же рассказчица называет потом чертом); герой-антагонист приходит с кладбища, его постоянным атрибутом являются каленые зубы и огонь во рту.

Поскольку сказка относится к числу малоизвестных, кратко перескажем ее содержание. Отец и мать отлучаются из дома и наказывают дочери не ночевать одной. Девушка идет в деревню звать подруг и по дороге встречает незнакомого старика, который предлагает прийти к ней на ночлег. Девушка отказывается и идет за подругами, но, когда вечером у нее падает под пол веретено, там она обнаруживает незваного гостя. Старик соглашается отдать веретено только

после того, как девушка называет число пришедших к ней соседок. Ночью старик выходит из подпола, усыпляет подружек, но не может найти героиню, которая прячется в ларь из-под муки. Утром старик исчезает, девушка воскрешает подруг, и они уходят домой. Вечером она опять приглашает их в гости, но напуганные девушки отказываются прийти к ней. Вернувшись домой, героиня снова обнаруживает старика, который сначала требует еды, потом зовет девушку на полати и там съедает ее.

Сказка «Калёные зубы» относится к волшебным, к тому же перед нами пример относительно редких сказок с плохим концом (мертвец / черт губит девушку). Исследуя эту группу сюжетов, фольклорист Е.А. Костюхин показал, что они в общих чертах укладываются в пропповскую «морфологию сказки», но без последней, 31-й функции – «Герой вступает в брак, воцаряется» [Костюхин 1997: 15]. Сравнивая юрлинские записи и сюжеты из СУС, можно увидеть несколько основных различий. В версиях из указателя герой иного мира представлен в женском облике (*людоедка*, *Баба-Яга*). В сказке Т.П. Никитиной герой-антагонист предстает в разных своих ипостасях (сначала *старик*, потом *мертвец* и лишь потом тот, кто он есть на самом деле, – *черт*), но он всегда мужского пола. Финал сказок совпадает: демонический персонаж съедает главную героиню.

В художественном мире юрлинской сказки, сближающейся с быличкой, важную роль играют локусы, в которых героиня встречает старика-мертвеца. Рассмотрим их подробнее. Поскольку дом, где она живет, стоит отдельно, в соседнюю деревню девушка ходит через кладбище – «пространство мертвых»: *«ходили в чужую деревню-то через кладбище. Ну, как в Елогу через кладбище. Она там через кладбище ходила»*. В это время девушка находится еще не в потустороннем мире, но уже и не в человеческом. Кладбище в данном контексте является тем местом, где возможна встреча с существами – представителям иного мира. Там она встречает старичка: *«Потом пошла она, вышел это старичок: “Ты куда направилась, красна девица?”»* Старик является демоническим персонажем – «ходячим покойником», у него холодные руки и ноги, в конце сказки он говорит про себя: *«Три года в земле лежал»*.

Благодаря диалогам сказочницы и ее сына обнаружилось, что произведение может рассказываться по-разному, что, в частности, зависит от аудитории. Татьяна Петровна рассказывала сказку с расчетом на собирателей – взрослых людей, к тому же приезжих, чужих, не знакомых с миром деревни, где она живет. Реплики сына помогли увидеть, что сказки «для своих» повествуются совершенно иначе. Например, когда Игорь Васильевич начал рассказывать эту сказку, он добавил: *«Я сам расскажу. Они в Елогу-то пошли, а там дед такой сидит, седой-седой. Вот где кладбище есть у нас, вот в Елогу вы ходили? Вот, где вы живете, там кладбище. Там дед седой-седой»*. Между деревней Мухоморка и соседней деревней Елога приблизительно полтора километра, и дорога действительно проходит мимо кладбища. Мы видим актуализацию времени и места действия. Данный прием использовала сама Татьяна Петровна, рассказывая когда-то эту сказку своим детям.

Выяснилось, что теперь Игорь Васильевич рассказывает мамины сказки жене и двум сыновьям, используя услышанные в детстве коммуникативные приемы. Данный способ повествования по-прежнему эффективен: заставляет слушателей пережить чувство страха: *«(Собиратель: А вот страшно было про «Калёные зубы»?) Конечно! Ты чё. Под кровать, под подушку сразу запрыгиваешь. Ужас было. Вот я потом начал своим детям рассказывать: Данилу да Семену. Тоже, когда расскажу, как гавкну на них, а они испугаются. Я даже жене рассказывал, она и то падает. Я серьезно».*

Второй раз героиня встречает старика уже у себя дома, в голбце: *«А веретёшко-то упало в голбец. Он [старик] ее веретёшку-то забрал. Она стала его просить. Он не дает».* Данный тип пространства показателен, если посмотреть на пространство традиционного жилья сквозь призму семиотической модели, где выделяются центр и периферия, верх и низ. В мифологических рассказах встреча человека с существом из иного мира часто происходит в периферийном пространстве, как бы не вполне принадлежащем миру людей (крыша, чердак, подпол). Голбец находится под землей, это место может быть соотнесено с могилой, поэтому появление мертвеца там вполне объяснимо.

В третий раз, когда героиня возвращается без подруг, старик встречает ее прямо в доме и ведет себя уже как хозяин: требует еды, ложится спать на полати. В варианте, записанном от сына Т.П. Никитиной, он встречает ее сначала под елкой и лишь потом дома: *«Ну, она сходила, а тут дед опять этот бородатый-то сидит под ёлкой: “Чё, седня не пойдет к тебе никто?” Она звала, звала их, а они и не пошли».*

Отметим еще одну особенность данного героя: его образ как бы двоится – он и мертвец, и черт одновременно. В свой первый приход в дом героини он перекрестил ее подруг *ожегом* (так называется палка, которой мешают угли в печи, или обгоревшая лучина) и тем самым символически «убил» их: *«[Татьяна Петровна:] Он тихо вышел ночью-то, всех их перекрестил, и они все умерли... [Игорь Васильевич:] Ожегом. Уснули, уснули. [Татьяна Петровна:] Уснули так крепким сном. Утром надо им вставать, а они не встают».* Существует русская поговорка: «Когда черт перекрестится», – то есть никогда. Черт сам этого не сделает, но в сказке он перекрещивает других. В варианте Игоря Васильевича упоминается, что он сделал это, проведя ожегом по горлу, после чего для подружек героини наступает глубокий сон, фактически смерть. Утром героиня поняла, что необходимо перекрестить подруг этим ожегом обратно, и тогда они оживут: *«Она опеть перекрестила их, и девки проснулись».* Параллелей к этому мотиву мы пока не нашли.

О том, что герой-антагонист не просто мертвец, а черт, упоминает сам рассказчик ближе к концу сказки: *«Она чё делать, все равно надо спать. Петуха шевелить, шевелить пошла, чтоб петух вскукарекал. Раньше же такое же было: петух спел – и черти убежат. Да, его как за черта считали».* В варианте 2016 года этот мотив имеет более развернутый вид и включает еще диалог героев: *«Она петушка будила, будила, трясла, трясла, чтоб он спел. Говорят, петушок споёт и он-де уходит. Будила, будила, а петушок никак не поёт. “Чё*

долго ты, – грит, – не идёшь ко мне?” – “Да я тут кружечку мою, чашечку мою”. “Чё долго ко мне не идёшь спать?”, – а она всё отговаривается, а сама петушка будит, чтоб тот спел. Чё, так и не смогла дождаться. Петушок так и не спел. Пришлось идти». Исчезновение нечистой силы при пении петуха – распространённый мотив мифологических рассказов. Иногда герои быличек стараются сами вызвать пение петуха (например, дергают его за хвост). Интересно, что в сказке девушка тоже старается разбудить петуха, но ей это не удается сделать.

Значимый атрибут героя-антагониста – калёные зубы и огонь во рту старика. *Калёные* зубы – раскаленные от огня; возможно, железные. В славянской традиции аномальные зубы – типичный признак демонологического персонажа: в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» упоминается, что красные зубы встречаются у русалки (рус.) и ведьмы (сербск.), в сибирских мифологических рассказах железные зубы имеются у колдуна: *еретник железнозубый* – это колдун, который по ночам встает из могилы [Усачёва 1999: 362; Левкиевская 1999: 2000]. Железо как холодное, неподвижное, «мертвое» вообще часто выступает как атрибут нечистой силы. Но аналогичную семантику в славянской традиции приобретает иногда и огонь (возможно, под влиянием христианских представлений об адском пламени): он тоже выступает как атрибут и признак демонологических персонажей – в частности, у демонических существ пламя появляется изо рта или из пасти [Белова, Узенёва 2004: 513–514].

В ходе анализа текста мы попытались показать, что жанровые признаки юрлинской сказки «Калёные зубы» сдвигаются к поэтике былички. И.А. Разумова в работе «Сказка и быличка», показав переклички между этими двумя жанрами, приходит к выводу, что одни и те же персонажи обычно выполняют в них разные функции. Однако некоторые герои, характерные для быличек, хорошо «адаптировались» в сказочных сюжетах, сохранив при этом свой демонологический характер. Прежде всего это мертвецы [Разумова 1993]. Под непосредственным влиянием несказочной прозы (и, возможно, баллады, на что указывал Е.А. Костюхин [Костюхин 1997: 16]) появляются «нестандартные» сюжеты с плохим концом, которые значительно расширяют художественный диапазон волшебных сказок. Примером такой сказки и являются «Калёные зубы».

Список литературы

Белова О.В., Узенёва Е.С. Огонь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого; отв. ред. С.М. Толстая. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 513–519.

Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: ГРЦРФ, 2009. 224 с.

Костюхин Е. А. Сказки, которые плохо кончаются // Живая старина. 1997. №4 (16). С. 15–17.

Левкиевская Е.Е. Железо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого; отв. ред. С.М. Толстая. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 198–201.

Разумова И. А. Сказка и быличка. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993. 112 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 440 с.

Усачёва В.В. Зубы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общ. ред. Н.И. Толстого; отв. ред. С.М. Толстая. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 359–362.

E.S. Shevchenko

Student of Philological Faculty

Perm State University

**“HARDENED TEETH”: THE STORY OF A GIRL AND A DEAD MAN
(Yurlinsky variant of a fairytale with a bad end)**

The article considers the fairytale “Hardened teeth”, recorded in 2015 and 2016 from the Yurla storyteller T.P. Nikitina. The Yurlinsky variant is an example of relatively rare fairytales with a bad ending. In the “Comparative Index of Plots”, they are placed in the “Wonderful Opponent” section, where the antagonist is usually a dead man or a devil. The genre “moves” from a fairytale to a fairytale. The Yurlinsky variant is a contamination of several plot types and contains a number of rare motifs that reflect Russian mythological ideas.

Key words: Yurlinsky district; fairytale 333B and C; dead man; heck.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Алсу Мансуровна Касимова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kasimova.alsu0309@yandex.ru

ФОТОПОРТРЕТЫ ТЕОДОРА КУРЕНТЗИСА В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

Статья посвящена эволюции образа дирижера, художественного руководителя Пермского театра оперы и балета Теодора Курентзиса в фотопортретах 2011-2018 гг. В ходе исследования были выявлены три архетипа (К. Пирсон), которые последовательно сменяли друг друга – Бунтарь, Творец и Мудрец. Кроме того, в статье представлены результаты опроса, посвященного восприятию фотообразов Т. Курентзиса аудиторией.

Ключевые слова: Т. Курентзис; медиаобраз; медиаперсона; фотопортреты; архетип.

Теодор Курентзис – всемирно известный дирижер, художественный руководитель Пермского академического театра оперы и балета им. П.И. Чайковского, художественный руководитель Международного Дягилевского фестиваля, основатель и художественный руководитель оркестра и хора MusicAeterna, главный дирижер SWR Symphony Orchestra, кавалер Ордена Дружбы, восьмикратный обладатель Национальной театральной премии «Золотая маска». Т. Курентзис родился в Греции, в Афинах. С начала 1990-х живет и работает в России. Учился в Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова в классе легендарного дирижера, профессора Ильи Мусина. Курентзиса отличает яркая индивидуальность, которая проявляется в экспрессивном артистическом поведении, тщательно продуманном внешнем облике и концептуальном медиаобразе.

Понятие «медиаобраз» прочно вошло в контекст современных медиаисследований. Однако термин «медиаобраз» до сих пор не имеет общепринятого толкования. Как правило, в его определении выделяются несколько уровней или подходов. Так, Д.О. Смирнов отмечает: «медиаобраз – сложное полисистемное психологическое образование, представляющее собой результат взаимодействия мира автора и мира реципиента посредством медиаобъекта. С одной стороны, это результат воплощения личностных смыслов автора в индивидуальном мире реципиента посредством культурных значений, закодированных в символах медиаобъекта. С другой стороны, это результат актуализации личностных смыслов реципиента вследствие контактирования с символами медиаобъекта» [Смирнов 2010]. Другой российский ученый, Т.Н. Галинская, считает, что медиаобраз стоит рассматривать в двух значениях:

широком и узком. В узком значении «медиаобраз» – «это фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества» [Галинская 2013]. Широкое значение подразумевает рассмотрение всех текстов, функционирующих в медиапространстве, то есть созданных не только профессиональными журналистами, но и блогерами, интернет-пользователями социальных сетей и т. п. Опираясь на предложенные подходы, мы используем следующее рабочее определение понятия: медиаобраз – это сформированное представление о персоне, создаваемое путем отражения его / ее имиджа, позиционирования или отдельных черт в средствах массовой информации.

Исследование построено на характеристике медиаобраза Т. Курентзиса, который представлен в его фотопортретах, опубликованных с 2011 по 2018 гг., т.е. в период сотрудничества дирижера с Пермским театром оперы и балета. Фотоколлекцию исследования составили 176 снимков из российских и зарубежных СМИ: Lenta.ru, Англия, Vogue Russia, Noz, Интернет-журнал «Звезда», SWR, Forbes, РИА, Новая газета, Собака.ru, Business class, Desillusionist, Esquire, Naftemporiki, The Guardian, The Times, Ведомости, Музыкальная жизнь, Сноб, Комсомольская правда, ТАСС. Из них были выбраны 5 наиболее характерных для разных периодов фотографии. При отборе фотографий учитывались критерии, разработанные А.В. Литвиным:

- испытуемый должен знать, что его фотографируют и не препятствовать фотографированию;
- фотографирующийся должен быть свободен в выборе позы;
- фотография должна быть надлежащего размера и качества, чтобы можно было без труда разглядеть позу, жесты и мимику испытуемого [Литвин 2011: 58].

Выбранные фотографии были проанализированы по методике Кэрл Пирсон, представленной в работе «Пробуждение внутреннего героя» [Pearson 2012]. Автор описывает 12 архетипов, которые соответствуют определенным моделям поведения: Простодушный, Славный малый, Воин, Хранитель, Искатель, Бунтарь, Любовник, Творец, Правитель, Маг, Мудрец, Шут.

Фотографии, сделанные в период с 2011 по 2014 гг., тяготеют к архетипу Бунтаря. Цветной фотопортрет 2011 г. из журнала «Сноб» [Турова, Ревич, Карманов и др. 2011] сделан в вертикальном формате, герой расположен на уровне камеры анфас. На этой фотографии Курентзис предстает перед нами сидящим «верхом» на стуле и закуривающим сигарету. Данная поза характеризует человека с сильными лидерскими качествами и некоторой долей агрессии. Дирижер примеряет на себя достаточно эксцентричный образ: он одет в черный костюм, а в качестве головного убора служит «наполеоновская» шляпа. Этот образ становится наглядным воплощением не раз высказанного Курентзисом убеждения в том, что представление о дирижере как человеке в темном фраке и с дирижерской палочкой – всего лишь стереотип.

Еще один фотопортрет «бунтарского» периода опубликован в газете «The Guardian» [Clements 2014]. Цветная фотография сделана в горизонтальном формате, камера расположена на уровне героя, съемка анфас. Положение головы нейтральное, взгляд снизу при легком наклоне головы указывает на готовность к действию. Герой проводит рукой по лбу, как будто хочет избавиться от плохих мыслей или находится в глубоком размышлении. В фотопортрете отсутствуют жесты закрытости, создается впечатление уверенности героя. В одежде нет отвлекающих акцентов: герой одет в обычный темный пиджак и черную футболку. Несмотря на то, что данный фотопортрет обладает «бунтарским» духом, о чем свидетельствует напряженный взгляд героя, в ней начинают проявляться черты Творца: самодостаточность и задумчивость.

Далее – примерно к 2016 г. – в позиционировании Курентзиса намечается переход от архетипа Бунтаря к архетипу Творца. Творца характеризует стремление воплотить в реальную жизнь свое видение, желание создать структуры, влияющие на других. Однако в фотографиях этого периода проявляется и теневая сторона Творца – творческая одержимость и трудоголизм: в образе дирижера появляются признаки усталости и незащищенности. Эти черты мы можем наблюдать на фотопортрете 2016 г. в журнале «Сноб» [Николаевич 2016]. Черно-белый фотопортрет выполнен в вертикальном формате. Движение руки, закрывающей часть лица, говорит о желании скрыть, утаить свое состояние, задумчивости или затруднении. Расслабленный наклон головы свидетельствует об усталости, наступившей после высочайшего напряжения. Прикрытые глаза также говорят о желании покоя. Те же признаки усталости есть на фотографии журнала «Собака.ru», опубликованной в 2017 г. [Анисимова 2017]. Она выполнена в черно-белой гамме и вертикальном формате. Уклоняющийся взгляд указывает на неуверенность, возможно, уязвимость. Рука перекрывает корпус, что свидетельствует о закрытости, защите.

В актуальном медиаобразе Т. Курентзиса преобладают черты Мудреца. Мудрец всегда находится в поиске истины и просветления. Ему свойственно спокойствие. Мудрец помогает себе и другим увидеть мир и самих себя объективно, а также способен изменить жизнь. Его компетенции достигли такого уровня, что перешли в интуицию.

Наиболее четко признаки Мудреца можно увидеть на фотографии 2018 г., которая опубликована на сайте немецкого радио «SWR» [Teodor Currentzis 2018]. Формат – горизонтальный, гамма – черно-белая. Руки героя находятся в скрещенном защитном положении, но при этом поза вполне динамична: большие и указательные пальцы обеих рук соединены в жесте ОК, при этом правая рука поднесена к левому глазу – жест превращается в метафору подзорной трубы, или линзы, с помощью которой Курентзис смотрит на своего зрителя. Контрастность черно-белого исполнения усиливает энергетику вызова, брошенного героем вовне.

В целом можно сказать, что Т. Курентзис внимательно относится к тем образам, в которых он предстает на своих фотопортретах. Об этом

свидетельствуют выверенные позы, тщательно продуманные одежда и прическа, узнаваемый черно-белый стиль.

Совпадают ли выводы по психологической характеристике фотообразов Курентзиса с восприятием аудитории – этой проблеме был посвящен организованный во второй части исследования социологический опрос. Целевой аудиторией опроса стали люди в возрасте от 18 до 68 лет разного профессионального статуса. Опрос был проведен в форме онлайн анкетирования на платформе Tilda Publishing. Всего было опрошено 30 человек, из которых 18 женщин и 12 мужчин. Опрашиваемым предлагались вписать по 5-7 слов или словосочетаний, которые характеризуют героя на пяти представленных фотографиях. В результате были выявлены следующие доминирующие характеристики:

2011 – дерзкий, стильный, закрытый.

2014 – задумчивый, умный, уставший, успешный.

2016 – задумчивый, печальный, уставший.

2017 – целеустремленный, успешный, стильный.

2018 – творческий, загадочный, игривый.

Сравнивая эти результаты с названными выше архетипами, можно сделать вывод, что аудитория достаточно точно уловила изменения в образе Т. Курентзиса: от агрессивного, вызывающего образа начала 2011 г. через погружение в себя и рефлексию 2014-2018 гг. – к новой силе, которая заставляет героя вступить в открытое взаимодействие со своим зрителем.

Список источников

Анисимова Е. От Курентзиса до Захаровой: Почему нужно идти на фестиваль «Дягилев. P.S.» // Собака.ru. 03.10.2017. URL: <http://www.sobaka.ru/city/theatre/62770> (дата обращения: 01.12.2018).

Николаевич С. Надежды, страсти и мечты Теодора Курентзиса // Сноб. 15.11.2016. URL: <https://snob.ru/entry/81261> (дата обращения: 01.12.2018).

Турова В., Ревич Е., Карманов П., Суровегина Г., Семёнов А. Форс мажор // Сноб. 31.04.2011. URL: <https://snob.ru/magazine/entry/33624> (дата обращения: 01.12.2018).

Teodor Currentzis – Chefdirigent des SWR Symphonie orchestres // SWR. URL: <https://www.swr.de/swr2/musik/teodor-currentzis-swr-symphonieorchester-chefdirigent/-/id=661124/did=22226724/nid=661124/12p2tn/index.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Clements A. Mozart: Così fan Tutte review – Currentzis's take is wilful but fresh // The Guardian. 20.11.2014. URL: <https://www.theguardian.com/music/2014/nov/19/mozart-cosi-fan-tutte-review-currentzis-take-is-wilful-but-fresh> (дата обращения: 01.12.2018).

Список литературы

Литвин А.В. Метод психологического анализа фотографий: механизм работы // Психология в России и за рубежом: материалы междунар. заоч. науч. конф. (Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.) / Под общ.ред. Г.Д. Ахметовой. СПб: Реноме, 2011. С. 57-60.

Pearson C. Awakening the Heroes Within: Twelve Archetypes to Help Us Find Ourselves and Transform Our World. NY: HarperCollins, 2012. P. 354.

Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. № 11(160). С. 91-94.

Смирнов Д.О. Человек и культура: диалог в медиапространстве. Опыт практической работы лаборатории в медиапространстве // Медиапсихология в России: проблемы и перспективы: Первая Всерос. науч. интернет-конф. с междунар. участием. (Саратов, 2010 г.) URL: <http://www.mediaconf.sgu.ru> (дата обращения: 22.04.2019)

A.M. Kasimova

Student of Philological Faculty
PermStateUniversity

PHOTO PORTRAITS OF TEODOR CURRENTZIS IN RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA: THE EVOLUTION OF THE IMAGE

The article is devoted to the evolution in photographic portraits during the period 2011-2018 of the image of the conductor and artistic director of the Perm Opera and Ballet Theater Theodor Currentzis. Three archetypes (C. Pearson) replacing each other were revealed in the study: The rebel, The creator and The sage. In addition, the results of a survey on the perception of these photographic images by the audience are presented in the article.

Key words: Currentzis; media image; media person; photo portraits; archetypes.

Елизавета Сергеевна Кризская
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
krizskaya.liza@gmail.com

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННАЯ КРИТИКА В РОССИЙСКИХ СМИ

Статья вводит в научный контекст новую сферу арт-журналистики: журналистику о мультипликационных фильмах. Ранее эта тема не становилась предметом специального рассмотрения, хотя мультипликационное кино сегодня составляет около 24% от общего объема кинопроизводства. В статье представлены основные жанры российской журналистики о мультипликационном кино. Главная цель исследования – выявить основные тенденции и проблемы развития арт-журналистики в сфере мультипликации.

Ключевые слова: мультипликационная критика; мультфильм; анимация; арт-журналистика; кинокритика.

Сфера мультипликационного кино составляет 24% от всего объема мирового кинопроизводства [IMDb Statistics 2018]. В России 26% опрошенных кинозрителей регулярно смотрят сказки и мультфильмы. Среди них 40% зрителей в возрасте 25–34 лет [Результаты опроса о кинематографических предпочтениях россиян 2018]. Интерес аудитории заставляет СМИ обращаться к сфере мультипликации, однако, нужно признать, что современные российские СМИ не сформировали органичный стиль представления мультипликационных произведений. Американские киноведы Д. Бордуэлл и К. Томпсон писали, что специфика формы произведения влияет на восприятие его содержания и порождает стереотипы [Bordwell D., Thompson K. 2008]. В данном случае «несерьезный» предмет критики порождает стереотипы об отсутствии в нем смысловой нагрузки и ценности для кинематографа. Эта проблема заставляет обратиться к изучению журналистских публикаций о мультипликационных фильмах как самостоятельной сферы исследования.

Для характеристики основных тематических и жанровых особенностей арт-критики о мультипликационном кино были выбраны следующие медиа: сайт общественно-политической газеты «Известия», тематическое интернет-медиа «Мел» и два специализированных издания – журнал «Искусство кино» и сайт «Кино-театр.ру». Их выбор не случаен: они являются репрезентативными представителями разного типа изданий, в которых так или иначе освещается тема мультипликационного кино. Кроме того, эти издания входят в число наиболее популярных в своем сегменте российских медиа.

При анализе содержания публикаций использовалась методика Д. Бордуэлла, который выделил четыре основных значения фильма:

1. Сюжет.
2. Эксплицитное значение (сведение всего фильма к емкому умозаключению).

3. Имплицитное значение (выведение из фильма суждения, которое может и не быть обозначено в самой ленте).

4. Симптоматическое значение (интерпретация фильма в соответствии с происходящими в мире событиями, выведение его в область идеологии или рассмотрение в культурном контексте) [Bordwell D., Thompson K. 2008: 54–58].

Помимо этого оценивались речевые приемы и наличие киноведческой терминологии. Внимание уделялось также объему публикации, который связан с подробностью и глубиной анализа.

Поиск публикаций в названных СМИ производился по ключевым словам «мультифильм», «мультипликация» и «анимация». Просматривались публикации 2018 и 2019 гг., поскольку стояла задача обнаружить и описать текущие тенденции. Всего было выявлено около 1000 публикаций.

Исследование показало, что основными жанрами публикаций о мультифильмах во всех типах изданий являются информационная заметка, обзор, аннотация и рецензия. При этом общественно-политические и тематические издания используют в основном информационные жанры, иногда с элементами анализа. Аналитические публикации появляются в специализированных изданиях, хотя и там их не так много.

Заметки и обзоры, лидирующие среди новостных жанров мультипликационной арт-критики (около 80%), встречаются во всех СМИ, преимущественно в разделе «Новости». Но в них не всегда говорится о самом произведении. Так, например, в «Известиях» при поиске по ключевым словам можно встретить публикации, не относящиеся непосредственно к мультипликационным фильмам – как правило, это новости про известных деятелей этой сферы: режиссеров, актеров и т.д. Тем не менее, информационные материалы о мультипликационных фильмах все же встречаются. Коммуникативная цель подобных публикаций – рекомендация. Например, материал Н. Корнацкого «Одна сатана: отцы и дети, двойники и супергерои» посвящен обзору новинок, идущих в кинотеатрах. Содержание обзора составляет краткий пересказ сюжета и трейлер: нет ни эксплицитного, ни имплицитного, ни симптоматического значений. Примечательно, что при разборе мультифильма, в отличие от других произведений, затронутых в публикации, активно используется уменьшительно-ласкательная лексика, термины отсутствуют. Так автор пишет о мультифильме «Гурвинек. Волшебная игра»: «Так уж получилось, что <...> популярная в Чехии кукла-марионетка знакома нам в двухмерном формате. Всесоюзная известность к Гурвинеку пришла после <...> интернационального кроссовера с Буратино <...> и прочей ребятней» [Известия 2019]. Двигаясь к следующему пункту обзора, которым стал фильм «Ван Гоги», автор существенно меняет интонацию: «Ольбрыхский передает весь ужас медленного угасания жизни, Серебряков — бессилие невозможности повзрослеть. “Ван Гоги” стали призером кинофестивалей “Кинотавр” и “Окно в Европу”. Для Сергея Ливнева, сценариста “Ассы” и продюсера “Страны глухих”, это первый режиссерский проект за 25 лет» [Известия 2019]. Кроме того, о

мультфильме сказано в среднем на 100 знаков меньше, чем о других фильмах обзора.

Следующий по частоте вид публикаций – информационные материалы с элементами анализа (обзоры, аннотации). Чаще всего они выполнены в форме подборки, объединяющей мультфильмы на основании какого-либо признака – темы, жанра и т.д. Как правило, такие публикации встречаются в тематических изданиях. Они малого объема, анализ мультфильма в них сводится к выведению эксплицитного значения произведения. Пример такой публикации – обзор «Правила жизни Принцесс Disney в цитатах и фактах» [Мел 2019]. В подзаголовках, которые сопровождают каждую аннотацию, содержится эксплицитное значение произведения. Например, анонс «Покахонтас» озаглавлен следующим образом: «Иногда правильный путь не самый простой» [Мел 2019]. В начале каждой аннотации кратко пересказывается сюжет, в последнем абзаце иногда формулируется имплицитное значение мультфильма: «В <...> деревеньке <...> только она носит одежду голубого цвета. Таким образом аниматоры хотели подчеркнуть ее уникальность и отличие от остальных горожан» [Мел 2019]. Другие значения произведения авторами не рассматриваются, а сами мультфильмы не помещены в культурный или исторический контекст. Автор использует много восклицательных и вопросительных предложений, слова в уменьшительно-ласкательной форме: «Белль – сама мотивация. Умница, красавица, обожает читать и не боится выражать собственную точку зрения. В деревеньке, где она родилась и выросла, все считали ее немного странной, и все из-за ее страстного увлечения книгами, желая вырваться из глуши и увидеть мир во всем многообразии!» [Мел 2019]. Киноведческие термины в этом обзоре не используются. О каждом мультфильме написано немного – около 700 знаков. Преобладание информационных жанров говорит о неготовности современной арт-критики к подробному анализу мультипликационного кино, который предполагает наличие специализированных подходов и терминов.

Аналитические материалы о мультипликации составляют около 20% от общего числа публикаций. Наиболее объемный вид таких публикаций – рецензия. Правда, встречается она крайне редко. В нашей выборке представлено не более 30 публикаций в жанре рецензии (около 3%). В качестве репрезентативного примера рассмотрим рецензию «Лего фильм 2: Жирный троллинг» М. Токмашевой, опубликованную на сайте Кино-театр.ру [Токмашева 2019]. Основная часть рецензии – пересказ сюжета. Анализ фильма сводится к указанию на его эксплицитное значение: «Начинаясь как ироничная история о тотальном, поработившем мир суперпозитиве, <...> «Лего фильм 2» в итоге превращается – увы и ах – в слишком добрую сказку о мире во всем мире (точнее даже вселенной), важности всегда хоть немного оставаться ребенком, благополучной семье, у которой «все прекрасно» за исключением мелочей» [Токмашева 2019]. Ни имплицитное, ни симптоматическое значение в материале не рассматривается. Язык рецензии насыщен эпитетами и уменьшительно-ласкательной лексикой: «В город прилетают Duplo – огромные

конструкторы с большими добрыми глазами, милым детским голосом и дикой всеядностью, в том числе по отношению к дружелюбным сердечкам» [Токмашева 2019]. Основной прием оценки – ирония. Киноведческие термины при анализе не используются. Помимо этого, автор публикации не рассматривает мультфильм в рамках какого-либо контекста.

Подводя итог исследования, сформулируем основные выводы:

1. Большинство публикаций о мультфильмах представляют собой тексты объемом до 1000 знаков. Основной формат – информационный обзор мультфильмов, подобранных на основании общего признака.

2. Мультипликационные фильмы практически не анализируются, а если это и происходит, то весьма поверхностно. Авторы публикаций практически не рассматривают ни одно из значений произведения – ни имплицитное, ни эксплицитное, ни симптоматическое. Чаще всего рассказ о мультфильме сводится к изложению сюжета.

3. В публикациях отсутствует терминологический аппарат, авторы активно используют уменьшительно-ласкательную лексику и иронию, которая подменяет содержательный анализ скользящими оценками.

Таким образом, можно сказать, что мультипликационная критика в российских медиа находится в стадии становления. Интерес к сфере мультипликационного кино есть, однако, язык мультипликационной критики еще не сложился. Это во многом связано со стереотипами, которые продиктованы несерьезным отношением к мультипликационному кино как развлекательному контенту для детей.

Список литературы

Корнацкий Н. Одна сатана: отцы и дети, двойники и супергерои. // Известия. 08.03.2019. URL: <https://iz.ru/853635/nikolai-kornatckii/odna-satana-ottcy-i-deti-dvoyniki-i-supergeroi> (дата обращения: 30.03.2019)

Правила жизни Принцесс Disney в цитатах и фактах // Мел. Блоги. URL: <https://mel.fm/blog/kanal-disney/61478-pravila-zhizni-printsess-disney-v-tsitatakh-i-faktakh> (дата обращения: 30.03.2019)

Токмашева М. Лего фильм 2: Жирный троллинг // Кино-театр.ру. 05.02.2019. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/art/pr/5256/> (дата обращения: 30.03.2019)

Результаты опроса о кинематографических предпочтениях россиян [аналитический отчет]. 25.12. 2018 // ВЦИОМ [официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9498> (дата обращения: 24.03.2019)

Рейтинг самых цитируемых СМИ за 2018 год [аналитический отчет]. 25.01. 2018 // Медиалогия [официальный сайт]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/6454/> (дата обращения: 22.03.2019)

Bordwell D., Thompson K. Film Art: An Introduction. 8th edition. New-York, 2008. 506p.

IMDb Statistics // IMDb [официальный сайт]. Press room. URL: <https://is.gd/OMNLuw> (дата обращения: 20.03.2019)

E.S. Krizskaya

Student of Philological Faculty

Perm State University

CRITICISM OF CARTOONS IN THE RUSSIAN MEDIA

A new sphere of art journalism, journalism about animated film, is introduced into the scientific context in this article. Today, animated films occupy about 24% of the total film production but special research in this area has not been conducted before. The article presents the main genres of Russian art journalism about animated films. The main purpose of the study is to identify the main trends and problems of the art journalism's development.

Key words: art criticism; cartoon; animation; art journalism; film criticism.

Анастасия Сергеевна Макарова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Nastiamak31@gmail.com

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ БЛОГЕРА

В статье на основе классификации типов языковой личности представлен анализ основных признаков речевого поведения YouTube-блогера Чумы Вечеринки. Особое внимание уделяется использованию в спонтанной речи блогера прецедентных текстов. Исследование нацелено на выявление черт конкретной языковой личности, реализующей речевую деятельность в сети интернет, и представление образа фэшн-блогера на площадке YouTube.

Ключевые слова: лингвоперсонология; языковая личность; речевой портрет; прецедентный текст; блогер.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с актуализацией идеи антропоцентризма стала активно развиваться новая отрасль лингвистической науки – лингвоперсонология, предметом изучения которой является языковая личность. Лингвоперсонология занимается исследованием субъекта речи, его отношения к себе и к миру в процессе речемыслительной деятельности. Ключевое для лингвоперсонологии понятие «языковая личность» также изучается в рамках дискурсивного анализа устных и письменных форм речевой коммуникации в естественных условиях «реального мира» [Макаров 2003: 48]. Языковым материалом для дискурсивного анализа служат как письменные тексты, так и выполненные в соответствии с принятыми нормами и правилами транскрипты устных текстов, включая интервью с информантами. Одной из главных задач дискурс-анализа является исследование риторических, аргументативных структур в любых типах текста и жанрах речи – от политических дебатов до бытовых разговоров.

По Ю.Н. Караулову, *языковая личность* – это многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (говорение, аудирование, письмо и чтение), с другой – по уровням языка (фонетика, грамматика, лексика) [Караулов 2010: 51]. Структура и содержание языковой личности в таком представлении оказываются безразличными к национальным особенностям языка, которыми эта личность пользуется.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня понимания языковой личности: 1) нулевой, или семантический, отражающий степень владения человеком обыденным языком; 2) первый, или лингво-когнитивный, который предполагает отражение в описании языковой модели мира личности; 3) второй, или мотивационный уровень, включающий выявление и характеристику мотивов и

целей, движущих поведением и развитием личности, управляющих ее текстопроизводством и в конечном счете определяющих иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира человека [Караулов 2010 : 37]. В проведенном исследовании мы обращаемся к анализу мотивационного уровня языковой личности.

К.Ф. Седов предлагает для характеристики речевого поведения использовать установку НА или ОТ партнера коммуникации [Седов 2000: 6], в связи с чем можно рассматривать два полюса коммуникативной компетенции: конфликтность и кооперативность. На этом основании различаются три типа языковых личностей: конфликтный, центрированный и кооперативный.

Кооперативный тип, включающий кооперативно-конформный и кооперативно-актуализаторский подтипы, демонстрирует установку на партнера по коммуникации. В речевом взаимодействии человек *кооперативно-актуализаторского подтипа* стремится поставить себя на место собеседника и посмотреть на ситуацию его глазами. Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на собеседника, но и на себя. Точнее – стремление возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику.

При этом кооперативный актуализатор, уважая мнение коммуникативного партнера и сопереживая его проблемам, вовсе не обязан с ним соглашаться. Более того, как это ни парадоксально, в некоторых случаях поведение актуализатора может напоминать методы манипулятора и даже агрессора [Седов 2000]. Именно к кооперативно-актуализаторскому подтипу коммуникатора можно отнести фэшн-блогера Чуму Вечеринку, речь которой мы выбрали в качестве объекта исследования.

В качестве примера приведем фрагмент беседы блогера с собеседником.

Собеседник: *Ну, можно еще чекнуть вот это *достает зажигалку Supreme*.*

Чума: *Ой, слушай, ну энто ты где взял?*

С.: *Так же дроннул.*

Ч.: *Да не может быть.*

С.: *Серьезно.*

Ч.: *А зачем тебе? Ради того что красиво написано? Так они же и такие паленые продаются по 200 рублей, а кто разберет уж зажигу-то?*

С.: *Не знаю, я хотел себе именно такую.*

Ч.: *Мне нравится, что ты такой...*

С.: *Трушный.*

Ч.: *Да-а, трушный, т-ха, ты даже такой, ручками расслабился. Ну все, что, пойдём, курить не будем, обсудим, содержимое твое, ну энто, ну зачем ты это носишь с собой такое.*

Из беседы ясно, что блогер вначале не может понять, зачем собеседник купил дорогую зажигалку, ведь это простая утилитарная вещь, к тому же оригинал довольно сложно отличить от подделки. На что собеседник отвечает,

что хочет оставаться преданным бренду до мелочей, это вызывает у Чумы Вечеринки уважение. Здесь просматривается двойная перспектива в общении.

Представим другие особенности речи Чумы Вечеринки. Так, одной из ярких черт речевого поведения блогера является активное использование прецедентных текстов, приемов языковой игры и речетворчества.

В.В. Красных считает, что *«прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества. Обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т. д.»* [Красных 2003: 172].

На рекламной вставке в середине видео, которое послужило материалом для данного исследования, представлен яркий пример обращения к прецедентному тексту – фильму Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

КАДР С ЗАГОЛОВКОМ: «ЧУМА ВЕЧЕРИНКА МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ»

– *Алло, Идочка, ты щас умрешь, Якин бросил свой банк, и теперь мы, вместе с Рокетом едем в Гагры, на кешбек.*

– *А для тех, кто зарегался (зарегистрировался – прим. автора) по ссылке в описании, весь январь кешбек на Farfetch, Kixbox 5 просентов, на BrandShop 5 просентов, на ASOS 10. И печенье заморское, баклажанное.*

– *Меня терзают смутные сомнения, а есть ли еще выгода?*

– *Эврика, царские шмотки, разыгрываем 20 коробок с мерчем и Balenciaga Triple S, надевай, царем будешь.*

– *Красота-то какая, Рокетбанк!*

– *В комментах взбунтовались, говорят, Triple S настоящие.*

Как видим, блогер Чума Вечеринка использует отсылку к прецедентному тексту для того, чтобы удержать внимание адресата, продемонстрировать эрудицию, развеселить зрителя и создать оригинальный контент.

Для изучения другого аспекта словотворчества Чумы Вечеринки мы обратились к работе о языковой игре Т.А. Гридиной, по определению которой, *«языковая игра – это определенный вид речевого поведения говорящих, апеллирующий к чувству эстетического восприятия неканонического употребления языковых единиц»* [Гридина 1996: 4]. Автор подчеркивает, что языковая игра является формой лингвокреативного мышления, основными проявлениями которого являются семантическая, образная адаптивная и семантическая адаптивная гибкости, а также оригинальность.

Среди способов языковой игры, которые использует блогер, типичными являются следующие:

1) ассоциативная интеграция, т.е. объединение языковых единиц в одну на основе их равноправного участия в формировании звуковой оболочки и значения гибрида [Гридина 1996]. Например: *прикольтент* – сокращение слов *прикол* и *контент*; *пиццеразвозчик* – сложение с суффиксацией от слов *пицца* и *развозить*; *китюлька* от *китя* (котенок) с уменьшительной семантикой; *манацкать* от *манацать* (щупать);

2) имитация, которая может выступать как намеренная речевая ошибка, сигнал пародирования или окказиональная реализация языковой схемы. Примеры имитации речевой ошибки: *паджаста*, *чмичнО*, *енто / энто*, *интэресно*, *вобсче*, *конечно* через *ч*. Цель такого приема – вовлечение собеседника в стихию неформального, дружеского, раскованного общения, а также подражание национальному колориту речи: *эль Чументо*, *натюрель каракуль*.

Языковая игра у Чумы Вечеринки представлена преимущественно окказиональной редупликацией – повтором созвучных слов, построенных по одной словообразовательной модели [Саньярова 2018], например: *приветации-облигации*, *брючки-шмучки*, *ноги-курэги*, *веселушки-симпанушки*, *покитенды-дивиденды* и др. Как видим, редупликаты в составе этих повторов являются оригинальными авторскими образованиями, обладающими признаками окказионализмов – «необычных слов, существующих, как правило, лишь в определенном, породившем их контексте и не вошедших в язык» [Земская 2011: 239].

Дополнительный экспрессивный эффект речи блогера достигается за счет сочетания в одной фразе разностилевой лексики, в частности архаизмов и англицизмов. Например: *Будем выяснять, а что нынче у банкиров: все так же воротнички накрахмаленные да пиджачки выглаженные, аль не чураются стритвира?*

В целом, блогер Чума Вечеринка демонстрирует творческое отношение к языку, которое проявляется в смешении разных стилей, языковой игре, обращении к прецедентным текстам, словотворчестве. Все это работает на создание яркого и запоминающегося речевого портрета ведущего. О влиянии ее стиля речи на целевую аудиторию можно говорить исходя из множества положительных комментариев под видео на канале или в инстаграме под фото, где пользователи строят предложения так, как их строит блогер. Некоторые интернет-издания о моде, например, *theblueprint.ru*, берут у Чумы Вечеринки интервью, сохраняя оригинальность ее речи. Представляется, что изучение медийной языковой личности, в частности популярного фэшн-блогера, позволит выявить ранее не отмеченные особенности речевого поведения наших современников.

Список литературы

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1996. 225 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Ом. гос. ун-т. Омск, 1999. 284 с.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С 5–20.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Саньярова Н.С. Редупликация в системе разноуровневых средств повтора в русском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 12. URL: <http://e-kon-sept.ru/2018/185034.htm> (Дата обращения 22.09.2019).

Седов К.Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологической, аксиологической, гносеологической аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2010. Вып. 10. С183–210.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2000. С5–12.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2001. С. 16–28.

A.S. Makarova

Student of Philological Faculty

Perm State University

SPEECH PORTRAIT OF BLOGGER

This article is studying the main signs of speech behavior the YouTube blogger Chuma Vecherinka based on the classification of types of linguistic personality made by K.F. Sedov. Special attention paid to the use of precedent texts in a spontaneous speech of a blogger. The study aimed at identifying features of a specific language personality implementing speech activity on the Internet and presenting the image of a fashion blogger on the YouTube.

Key words: linguopersonology; linguistic personality; speech portrait; precedent text; blogger.

Виктория Васильевна Свистак
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
svistak.victoria@gmail.com

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ)

В статье представлен результат исследования особенностей выражения оценки в политическом медиадискурсе. Анализируются средства выражения оценочной лексики в российских телепередачах политического характера «60 минут» и «Вечер с Владимиром Соловьевым». Результатом исследования является характеристика наиболее употребляемых лексических единиц с оценочной семантикой и их значимость в публицистическом тексте.

Ключевые слова: политический медиадискурс; категория оценки; средства выражения оценки; функции оценки.

Часто в политических телепередачах обсуждают такие проблемы, которые волнуют не только участников дискуссии, но и весь мир. Очевидно, поэтому современный политический телевизионный дискурс – по мнению как лингвистов-исследователей, так и широкой телевизионной аудитории, – характеризуется повышенной эмоциональностью и даже накалом «страстей». Так как в студии обычно собираются эксперты, политические и общественные деятели с разными точками зрения, то речь участников дискуссии неизбежно становится экспрессивной, «острой», что часто реализуется в избытке оценочной лексики.

Мы попытаемся охарактеризовать оценочные единицы, их функции и средства выражения на примере двух телепередач. Одной из них является социально-политическое ток-шоу «60 минут», где «ведущие и гости программы обсуждают главную тему текущего дня» [Телеканал «Россия»]. Эта передача выходит на телеканале «Россия-1» с 2016 г., ее ведущими являются супруги Ольга Скабеева и Евгений Попов. Также мы обратимся к авторскому общественно-политическому ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», которое выходит на том же телеканале с 2012 г. По словам самого В.Р. Соловьева, здесь представляются несколько форматов: от интервью «один-на-один» до «круглого стола». Автор проекта заявляет о столкновении нескольких позиций и надеется на достаточную остроту программы [Телеканал «Россия»].

Анализ особенностей выражения оценочных смыслов в современном политическом телевизионном дискурсе требует введение понятия *категория оценки*, которое в «Стилистическом энциклопедическом словаре» определяется как «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Кожина 2011: 139].

Рассмотрим особенности выражения оценки, функционирующей в рассматриваемом материале.

1. Одним из критериев оценки, который лежит буквально на поверхности, является *аксиологическая интерпретация*. В этом случае происходит распределение оценочных смыслов по разным значениям [Вольф 2002: 19].

Оценка может делиться на *положительную* («хорошо», или «+») и *отрицательную* («плохо», или «-»). Аксиологическая модальность в целом определяет отношение субъекта оценки к объекту (лицу, поступкам или свойствам лица и т.д.). Ср.:

– Это был **порядочный человек** («+»).

– *Украинское государство сильно **деградирует**, стремительно!* («-»).

Стоит сказать, что не всегда лексическая единица выражает ту модальность, которая соответствует семантике самого слова и стереотипу. Чаще всего определить оценочную модальность можно только по целому высказыванию. Так, например, в одном из эфиров ток-шоу «60 минут» Янина Соколовская, украинский журналист и политолог, дала явно отрицательную оценку действиям Владимира Зеленского, но сделала это с помощью иронии, изменив оценочную модальность слова «неплохая». Ср.:

– **Неплохая стартовая позиция** прийти в президенты и поучить украинский язык (в смысле ‘хитрая’ стартовая позиция).

2. Также оценка бывает *рациональной* и *эмоциональной* [Кожина 2011: 140].

В первом случае оценка выражается осмысленным оценочным суждением без эмотивного компонента, т.е. «голая» оценка, без эмоций, оценка «положения дел», «факт как он есть». Ср.:

– **Кредит доверия тут очень краткосрочный.**

– *73% голосуют за неизвестного человека **от противоположного** – это только одним можно объяснить: они просто **ненавидят эту власть**.*

– *Всё равно Порошенко войдет в историю как **позитивный пример**.*

Эмоциональная же оценка характеризуется повышенной экспрессивностью, что выражается с помощью экспрессивных частиц, междометий, явно оценочных средств (слов со сниженной окраской), лексических повторов, средств речевой выразительности (гиперболы, антитезы, литоты, сравнения и др.). Ср.:

– *Ну, какой украинский язык учить, когда война идёт в стране, о чем они **вообще** говорят, о чем они **бредят**?!* (Наречие «вообще» выражает эмотивный компонент с семантикой возмущения; глагол «бредят» является словом со сниженной окраской).

– *Ваш кандидат проиграл. **С треском, с треском!*** (Лексический повтор в данном случае выражает семантику ‘злорадства’).

– *Вот эта вся **ерунда**, которая **подорожала на тысячу процентов!*** («Ерунда» – слово со сниженной окраской; «на тысячу процентов» – гипербола).

Однако встречаются высказывания, которые мы не можем однозначно характеризовать как только рациональную оценку или только как эмоциональную, поскольку в высказывании объединяются и тот и другой типы

оценки. В этих случаях такие высказывания можно назвать рационально-эмоциональным типом оценки. Ср.:

– ***И Крым они проморгали.*** (Эмотивными компонентами в данном случае выступает союз «и» в роли усилительной частицы, а также словообразовательная метафора «проморгали», то есть ‘упустили’).

– ***Ужас в том, что русофобия стала модой. Русофобия – узаконенная форма фашизма!*** (Существительное «ужас» выражает отрицательную оценку тому, о чем будет говориться далее; слово «русофобия» само по себе имеет значение ‘неприязни ко всему русскому, к России’, к тому же сравнивается с фашизмом, что говорит о том, что создавшуюся ситуацию автор высказывания воспринимает как опасность).

– ***Всё есть, и ничего не работает, всем плевать на этот огромный Талмуд!*** (В эфире, посвященном трагедии в Кемерово, идет речь о своде правил для строительных сооружений; этот документ сравнивается с «Талмудом» – сводом религиозных правил, который необходимо строго соблюдать. «Плевать» – глагол со сниженной окраской, имеющий семантику ‘возмущения’).

Рациональным компонентом в таких высказываниях является объективная констатация, оценка действительности.

3. В анализируемом нами политическом медиадискурсе были выявлены *абсолютная* и *сравнительная* оценки. Абсолютная оценка характеризует один объект или одну его сторону. Вместе с тем эта оценка как бы накладывается на те ассоциативные сравнительные смыслы, которые содержатся в сознании адресата, предполагаются им из личного знания реальной ситуации, жизненного опыта или даже на уровне подсознания [Вольф 2002: 15]. Ср.:

– ***Сложный период.***

– ***Серьезные ребята.***

– ***Чрезвычайно тяжелая экономическая ситуация в стране.***

В этих примерах суть абсолютной оценки как чего-то сложного (*сложный период*), серьезного (*серьезные ребята*), тяжелого (*тяжелая экономическая ситуация*) понимается именно так, а не иначе благодаря нашему субъективному (личному) знанию о тех же объектах, но с другой стороны. Например, понимание периода как «сложного» оказывается доступным, потому что в социуме есть общие представления о том, что существуют «простые / легкие» периоды и т.д.

В высказываниях же со сравнительной оценкой сопоставляются, как минимум, два объекта. Как мы убедимся далее, она имеет еще и более сложную синтаксическую конструкцию по сравнению с абсолютной оценкой, так как чаще всего находится в распространенном предложении или имеет две предикативные основы. Ср.:

– ***Главное на этих выборах, что выбрали не Зеленского, а прогнали Петра Алексеевича.***

– ***Стартовые позиции делегации Зеленского с наперсточником что ли можно сравнить, кручу-верчу, запутать хочу.***

– ***Сказка про то, как Акела промахнулся, и все радостно скачут, ура! Это же не Акела, это ж вообще-то украинская власть!***

– *В России у нас немножко другое состояние, мы не пассионарии, мы не можем, как в Америке, собрать коробку и из Нью-Йорка уехать в Лос-Анджелес.*

Как видно из примеров, для сравнения используются различные средства: сопоставление отрицательной частицы НЕ и противительного союза А; употребление выражения «можно сравнить»; сопоставление объектов с помощью повторов, один из которых содержит частицу НЕ, и таким образом противопоставляется одно выражение другому («это же не..., это ж...»); сравнительный оборот с союзом КАК.

4. Кроме того, Е.А. Вольф предлагает различать оценки по модальности *de dicto* и *de re* (Вольф 2002: 13). В модальности *de dicto* оценка относится к событию и ее формула выглядит так: «Хорошо / плохо, что Р». Средствами выражения оценочного модуса являются наречия, глаголы, модальные выражения. Ср.:

- *К сожалению, Володя и его команда не понимают* (о Зеленском).
- *Я, к сожалению, живу на зарплату.*
- *Ужас в том, что русофобия стала модой.*

Модальность *de re* играет определяющую роль и имеет вид: «Х-хороший». Здесь оценка, как правило, выражается прилагательными или предикативными выражениями со значением оценки. Ср.:

- *Очень тяжёлая обстановка, 64 погибших.*
- *Это жутчайшее нарушение законов.*
- *Очень большая проблема для страны, гигантский перекос в сторону Москвы.*

Также, в модальности *de re* оценка часто передается с помощью семантики самого слова или высказывания.

– *После Собчак у нас кто угодно может попытаться стать президентом* («кто угодно» то есть ‘все кому не лень’, ‘встречный-поперечный’, ‘кто попало’; в целом высказывание выражает ироническую оценку).

5. Говоря о частнооценочных значениях, мы охарактеризуем оценочную лексику с помощью классификации Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 75].

Во-первых, рассмотрим *психологическую* подгруппу сенсорных оценок. Ср.:

- *Десять тысяч! Грустные цифры* (психологически эмоциональная оценка).
- *Этот кто-то страшно веселый* (психологически эмоциональная оценка).
- *Максимально, что он может – это сделать хорошие, красивые реплики про Египет, да* (психологически интеллектуальная оценка).

Слово «красивые» по своей семантике должно относиться к группе эстетических оценок, однако значение здесь не приравнивается к словам ‘привлекательные’, ‘симпатичные’, скорее его можно заменить словом ‘качественные’.

Во-вторых, посмотрим, как выражаются абсолютные этические оценки на телевидении. Ср.:

– *Соберите всех этих чудовищных людей, которые в силу глупости, некомпетентности...* (Презрительное отношение субъекта оценки выражается эпитетом «чудовищных»).

– *Украина – не единственная страна, где старая команда ворует. Вспомните, как Обама принимал власть от Буша. Администрация Буша всё разворовала, раздербанила, компьютеры все сломала, разбила и потом ушла. Поэтому Америка, Украина – они друг за другом тянутся. Как говорится, какой хозяин, такой же и ...* (Этическая оценка дается путем сопоставления старых политических команд Украины и Америки; разговорный глагол «раздербанила» выражает пренебрежительную оценку).

В-третьих, приступим к рассмотрению *рационалистических* оценок. Они в свою очередь делятся на три группы: утилитарные, нормативные, телеологические. Ср.:

– *Пагубных либеральных реформ* (утилитарная оценка).

– *Он технический кандидат, финансируемый Коломойским* (телеологическая оценка).

– *Есть самый высокооплачиваемый ведущий Клаус Клебер, он является не просто звездой, его слово – это слово профессионала, авторитета в своём деле* (дана нормативная оценка, с помощью которой через метонимию производится характеристика Клауса Клебера).

В процессе анализа было установлено, что в политическом дискурсе, в том числе в телевизионных текстах, отрицательная оценка более частотна, в связи с чем в нашей работе этому типу оценки и оценочных средств уделено основное внимание.

Часто *отрицательная* оценка выражается с помощью иронии, языковой игры, разнообразных средств речевой выразительности. Нами были выявлены и описаны несколько видов оценки и особенности их выражения в политическом телетексте.

Эмоциональная оценка, например, выражается с помощью экспрессивных частиц, междометий, слов со сниженной окраской и средств речевой выразительности. *Сравнительная* оценка выражается такими средствами, которые на синтаксическом или семантическом уровне предполагают два (чаще противоположных) компонента. Оценка в модальности *de dicto* выражается наречиями, глаголам, модальными выражениями, а в модальности *de re* – прилагательными, предикативными выражениями со значением оценки или семантикой самого высказывания.

Изучив современные представления об оценке и классификации средств ее выражения, мы пришли к выводу, что оценочные единицы являются очень многогранными и сложными компонентами медийной речи.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт М.: Наука, 1988. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf> (дата обращения: 2.06.2019).

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 43–48. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm> (дата обращения: 11.04.2019).

Современный медиатекст : учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина // Модель телевизионной коммуникации. Специфика телевизионного общения. Стратегии и тактики телевизионной речи. Омск, 2011. 414 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. URL: <https://studfiles.net/preview/6006736/> (дата обращения: 18.04.2019).

Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания; Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

Телеканал «Россия-1». URL: <https://russia.tv/> (дата обращения: 15.05.19).

V.V. Svistak

Student of the Faculty of Philology
Perm State University

MEANS OF EXPRESSION OF ASSESSMENT IN THE MEDIA DISCOURSE (ON MATERIAL OF POLITICAL TELECASTS)

The article presents the result of the study of assessment in a political media discourse. The means of expressing evaluative vocabulary in Russian TV shows of a political nature, such as “60 minutes” and “Evening with Vladimir Solovyov” are analyzed. The result of the research is the characteristic of the most used lexical units with evaluative semantics and their significance in a publicistic text.

Key words: political media discourse; assessment category; means of expressing assessment; functions of assessment.

Анна Владимировна Торопицина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
atoropitsina@mail.com

«ЖЕНСКАЯ ТЕМА» В СОВРЕМЕННОМ ФЕМИНИСТСКОМ ЖУРНАЛЕ

Статья посвящена результатам исследования проблемно-тематических особенностей современного феминистского интернет-журнала. В исследовании представлена сравнительная характеристика глянцевого интернет-журнала и феминистского по содержанию «женской темы». Материалом исследования стали 265 публикаций в интернет-журнале «Wonderzine» и 484 публикации в интернет-журнале «Wmj.ru» за период с 1 по 28 февраля 2019 г.

Ключевые слова: «женская тема»; женский журнал; феминизм; феминистский журнал; интернет-журнал.

В профессиональной среде к женским постперестроечным журналам долгое время относились скептически, как к несерьезной журналистике. Действительно, в них писали в основном о хозяйственно-бытовых проблемах или моде, муссировали сплетни о «звездной» жизни и обходили стороной актуальные социальные проблемы гендерного характера. Например, домашнее насилие или сложности при трудоустройстве женщин (см. подробнее [Гусева 1999], [Гевиннер 2014: 4], [Коломийцева 2008: 2]). Демократизация общества, активизация гражданских инициатив по вопросам гендерного порядка привели к изменению ситуации. Эти обстоятельства повлияли на развитие процесса переориентации СМИ в отношении роли женщины в обществе. Изменение тематики женских журналов связано, в том числе, с влиянием феминизма [Воронина 1999].

Целью исследования является выявление особенностей реализации «женской темы» в современном феминистском интернет-журнале. Материалом исследования послужили 265 публикаций в интернет-журнале «Wonderzine» и 484 публикации в интернет-журнале «Wmj.ru» за период с 1 по 28 февраля 2019 г.

«Wonderzine» – пример российского интернет-издания, придерживающегося феминистской идеологии. Журнал поддерживается Российским феминистским объединением «ОНА». По мнению этой организации, журнал эффективно способствует продвижению феминизма в массы [РФО ОНА 2015]. Wmj.ru позиционирует себя как «модный глянцевый интернет-журнал для молодых девушек, которые хотят быть в тренде».

В 1999–2001 гг. О. М. Здравомыслова и Н. И. Кигай провели исследование, целью которого было проанализировать суждения журналистов о «женской теме», чтобы выявить спектр актуальных тем, связанных с социальными проблемами женщин [Здравомыслова, Кигай 2002]. Список из 23 тем, составленный О. М. Здравомысловой и Н. И. Кигай, использован в настоящем исследовании как основа проблемно-тематического анализа текстов (Семья, Мода, Культурная жизнь, Сфера

чувств, Быт, Секс, Социальные проблемы, Здоровье, Профессиональная деятельность, Творчество, Права человека, Развлечения, Общественные преобразования, Законодательство, Благотворительность, Экономика, Преступность, Предпринимательство, Религия, Военные конфликты, Наука, Политическая жизнь, Международные отношения). Материалы интернет-журналов «Wonderzine» и «Wmj.ru» за период с 1 по 28 февраля 2019 г. были распределены по вышеперечисленным тематическим блокам.

На основе проблемно-тематического анализа текстов мы выявили, что в 292 материалах в «Wmj.ru» и в четырех в «Wonderzine» обсуждаются сферы жизни известного человека, которые не относятся к его творчеству или публичной деятельности. Для обозначения таких материалов мы посчитали нужным ввести новый тематический блок «Жизнь звезд». Кроме того, пять публикаций в «Wmj.ru» и 20 в «Wonderzine» за рассматриваемый нами период посвящены процедурам, которые женщина может выполнять по желанию для улучшения своего физического или психического состояния. Так как публикации нельзя отнести к таким темам, как «Мода» (могут быть непопулярны среди массовой аудитории) и «Здоровье» (не обязательно напрямую влияют на здоровье), мы объединили их под темой «Уход за собой». Таким образом, количество «женских тем» в списке увеличилось до 25.

Из 25 тем списка в «Wmj.ru» представлено 11, из них наибольшее количество публикаций – по темам «Жизнь звезд» (292) и «Мода» (151). Темы «Мода», «Сфера чувств» и «Секс» освещаются в интернет-журнале и соответствуют представлениями журналистов о женской теме. Однако по мнению журналистов, участвовавших в исследовании О. М. Здравомысловой и Н. И. Кигаи, такие традиционно женские темы, как «Семья», «Здоровье» и «Быт» почти не освещаются в современном глянцево-интернет-журнале. Тема «Семья» в течение месяца не поднимается в принципе, а тема «Быт» находится на последнем месте в списке. Журнал стремится показать роскошную, отчасти сконструированную социальными сетями, жизнь популярных людей (отсюда большое количество фотографий из Instagram), а не показать реальную жизнь и постараться сделать ее комфортнее для женщины. Большую часть материалов занимает новая тема «Жизнь звезд», которую можно отнести к категории сплетен и которая не несёт практической ценности. Темы «Религия», «Наука», «Международные отношения» в интернет-журнале не встречаются.

В «Wonderzine» представлено 19 тем. В тройку лидирующих по количеству публикаций вошли темы: «Развлечения» (70), «Мода» (37) и «Социальные проблемы» (36). В исследовании О.М. Здравомысловой и Н.И. Кигаи в первую пятерку тем, относящихся к женским, входят: «Семья», «Сфера чувств», «Мода», «Здоровье», «Быт». В «Wonderzine» первые пять позиций в списке тем занимают: «Развлечение», «Мода», «Социальные проблемы», «Уход за собой», «Права человека», «Здоровье». В исследовании 2002 г. журналисты также отмечали, что темы «Наука», «Политическая жизнь», «Международные отношения», «Религия» к женской теме не относятся. Однако две из этих тем встречаются в «Wonderzine»: Наука (2), Политическая жизнь (2).

Кроме того, в «Wonderzine» есть 9 тем, не встречающихся в глянцево-интернет-журнале «Wmj.ru»: «Права человека» (14), «Культурная жизнь» (13), «Экология» (9), «Общественные преобразования» (8), «Преступность» (7), «Благотворительность» (5), «Предпринимательство» (4), «Законодательство» (4), «Наука» (2). Вместе с тем, за февраль мы не обнаружили в журнале «Wonderzine» публикаций на темы «Семья» и «Сфера чувств».

В «Wonderzine» также больше, чем в «Wmj.ru», материалов посвящено таким темам, как «Развлечения» (9 – 70), «Здоровье» (6 – 15), «Уход за собой» (5 – 20), «Профессиональная деятельность» (2 – 7).

Публикаций за февраль в «Wonderzine» на 219 меньше, чем в глянцево-интернет-журнале «Wmj.ru». Но тематического разнообразия в нем больше. Материалы в «Wonderzine» количественно распределены между темами более равномерно, нежели в «Wmj.ru», где одной только теме «Жизнь звезд» посвящено более половины всех публикаций.

В глянцево-модном интернет-журнале «Wmj.ru» и феминистском интернет-журнале «Wonderzine» представлено 10 одинаковых тем, но их количественное соотношение разное.

Таблица 1

Сравнение количества публикаций по одинаковым темам в «Wonderzine» и «Wmj.ru»

Тема	Количество публикаций в Wmj.ru	Количество публикаций в Wonderzine
Жизнь звезд	292	4
Мода	151	37
Развлечения	9	70
Секс	8	6
Здоровье	6	15
Уход за собой	5	20
Профессиональная деятельность	2	7
Быт	1	2
Социальные проблемы	1	36
Политическая жизнь	1	2

Как видно, наиболее типичные для традиционного женского журнала темы «Жизнь звезд», «Мода» в «Wonderzine» встречаются значительно реже, чем в «Wmj.ru» (4 – 292; 37 – 151). Практически отсутствующие в журнале «Wmj.ru» социальные темы встречаются в «Wonderzine» во много раз чаще (1 – 36).

Таким образом, в ходе нашего исследования, было установлено:

1. Характерный для СМИ 1990-х гг. рейтинг «женских тем», когда исследователи говорили о недостаточности работы медиа с социальными проблемами гендерного характера, с незначительными изменениями представлен в традиционных глянцево-женских журналах настоящего времени. В нашем исследовании пример такого журнала – «Wmj.ru».

2. В журнале «Wonderzine» порядок тем в рейтинге О. М. Здравомысловой и Н. И. Кигай меняется: на верхние позиции или на несколько пунктов выше поднимаются темы, связанные с серьезными социальными проблемами: насилие над детьми и женщинами, расизм, права женщин, проявление сексизма в различных

общественных институтах, права и положение представителей ЛГБТ и другие. Актуализация этих тем в журнале обнаруживает феминистский подход. Вместе с тем в журнале «Wonderzine» сохраняется внимание к традиционным для женского журнала темам: «Мода», «Развлечения», «Жизнь звезд», «Уход за собой». Однако в этих темах «Wonderzine» ориентируется на потребности и интересы рядовой читательницы, что делает его тексты более свободными от гендерных стереотипов.

Таким образом, в концепции журнала «Wonderzine» соединены два подхода к реализации информационно-коммуникативной политики: традиционный и феминистский.

Список литературы

Воронина О.А. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=706> (дата обращения: 08.02.2019).

Гевиннер И. Гендерные стереотипы: о чем свидетельствуют имиджи женщин в популярных женских журналах СССР и ГДР? // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №6. С. 25-34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-steriotipy-o-chem-svidetelstvuyutimidzhi-zhenschin-v-populyarnyh-zhenskih-zhurnalah-sssr-i-gdr> (дата обращения: 19.04.2019).

Гусева Ю. Е. Женщина на страницах женских изданий (Обзор журнальной прессы) // Женщина на страницах женских изданий. 1999. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/guseva.htm> (дата обращения: 19.04.2019).

Интернет-журнал РФО ОНА. 2015. URL: <https://ona.org.ru/post/112537034948/интернет-журнал-wonderzine> (дата обращения: 02.01.2019).

Здравомыслова О., Кугай Н. Женская тема в средствах массовой информации. М.: Ассоциация журналисток, 2002. 53 с. URL: http://www.gorby.ru/userfiles/file/zhenskaya_tema_v_smi.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

Коломийцева Е. Ю. Женские журналы в сети интернет / Культурная жизнь Юга России. 2008. №2. С. 1-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-zhurnaly-v-seti-internet> (дата обращения: 08.02.2019).

A.V.Toropitsina

Student of Philological Faculty

Perm State University

“WOMEN'S TOPIC” IN MODERN FEMINIST JOURNAL

The article is devoted to the study's results of the problem-thematic features of a modern feminist online journal. The analysis is based on the comparative characteristics of glossy and feminist online magazines. The results of the problem-thematic analysis of 265 publications in the Internet magazine “Wonderzine” and 484 publications in the Internet magazine “WMJ.ru” for the period from February 1 to February 28, 2019 are presented.

Key words: “women's theme”; women's magazine; feminism; feminist magazine; Internet magazine.

Мария Петровна Шипулина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shipulina_jour-15@mail.ru

МОЛОДОЙ ЖУРНАЛИСТ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

В статье представлены результаты исследования, предпринятого с целью решения локальной проблемы социального ориентирования как профессиональной составляющей студентов направления «Журналистика». Материалом исследования послужили интервью с журналистами-практиками, окончившими ПГНИУ по направлению «Журналистика», и результаты опроса студентов-журналистов второго и четвертого курсов ПГНИУ. Итоги исследования легли в основу разработки справочно-поискового электронного ресурса – регионального «Социального навигатора» для молодого журналиста.

Ключевые слова: журналист; студент; опрос; интервью; профессиональные проблемы; социальное ориентирование; социальный навигатор.

Целью исследования является решение локальной проблемы социального ориентирования студентов направления «Журналистика» и создание для этого электронного «Социального навигатора» для молодого журналиста. Материалом исследования послужили Федеральные государственные образовательные стандарты по направлению обучения «Журналистика», мнения ученых и практиков о качестве профессиональной подготовки журналистов, результаты анкетирования 39 студентов-журналистов ПГНИУ, 21 интервью с журналистами-практиками, выпускниками ПГНИУ разных лет (далее – эксперты).

Результат овладения профессией молодыми журналистами определяется не только качеством современного высшего образования, но, как указывают специалисты, зависит от целого ряда проблем субъективного и объективного характера [Чернова 2013], [Круглый стол «Компетенции научного журналиста» 2015], [Гринько 2015].

Профессиональные компетенции, указанные во ФГОСах, охватывают значительное количество необходимых знаний, умений, навыков, получаемых студентами в университете и востребованных в журналистской практике [ФГОС ВО 2009], [ФГОС ВО 2014], [ФГОС ВО 2017]. Но, по мнению ученых и практиков, у молодого журналиста не хватает умения реализовать эти компетенции в работе [Чернова 2013]. Среди часто встречающихся недостатков молодых журналистов специалисты указывают на недостаточный уровень владения публицистическим стилем и низкий уровень грамотности; недостаточность коммуникативных навыков, в связи с чем отсутствует склонность к работе с реальными героями, выраженное предпочтение взаимодействовать с организациями; слабое представление об этических нормах журналистской работы и значении ценностей

и правил отдельной редакции; неспособность анализировать и подвергать критическому осмыслению полученную информацию. Все специалисты отмечают у студентов размытые представления о системе государственных органов, отраслевых структурах, об устройстве общества в целом, что влияет на эффективность поиска источников информации и журналистской работы. Таким образом, повышение уровня социального ориентирования как обязательной профессиональной составляющей молодого журналиста – это актуальная образовательная задача.

Недостатки в профессиональной подготовке молодых журналистов, названные специалистами, указывают на наличие образовательных проблем. Для выявления возможных последствий этих проблем было проведено анкетирование студентов второго и четвертого курсов направления «Журналистика». Цель анкетирования – выявление трудностей, которые испытывают студенты во время практики.

Анкеты из девяти вопросов для студентов-журналистов второго курса и из 14 вопросов для студентов-журналистов четвертого курса были размещены в онлайн-сервисе Google Forms. Ответы получены от 39 студентов. Студенты, в том числе работающие в СМИ, отметили следующие проблемы: опасения, что им будет трудно устроиться на работу по специальности после окончания университета; трудности в поиске источников информации в официальных, в том числе властных, структурах; неуверенность в общении с людьми и в написании текстов.

Для уточнения полученных результатов мы обратились к выпускникам прошлых лет – журналистам-практикам, работающим (работавшим) в СМИ Перми и Санкт-Петербурга. Интервьюирование проведено путем рассылки вопросов экспертам или путем личного интервью с ними. Ответы получены от 21 интервьюируемого. Круг проблем, названных выпускниками кафедры журналистики ПГНИУ в значительной степени совпадает с проблемами, выявленными в результате анкетирования студентов-журналистов второго и четвертого курсов.

Сравнив полученные результаты, мы обнаружили, что в качестве важнейшей проблемы студенты и выпускники (эксперты) отмечают сложность поиска источников информации в официальных, особенно властных, структурах. Больше всего ответов указывает на трудности в работе молодых журналистов на этапе поиска актуальной информации, ее сбора и обработки, в частности: поиска нужного источника информации, освоения сферы официальных источников информации. Участники анкетирования и интервьюирования также указали на трудности при глубоком погружении в тему; написании текста в публицистическом стиле и его редактировании; взаимодействии с интервьюируемым; ведении работы в социальных сетях и др.

Отсутствие уверенности в своих профессиональных компетенциях сохраняется у студентов до окончания университета, неуверенность, в свою очередь, препятствует проявлению этих компетенций. Это объясняется недостаточностью практического опыта во время обучения в университете.

Участникам анкетирования и интервьюирования было предложено оценить идею создания «Социального навигатора для молодого журналиста», которая получила поддержку большинства. Участники интервьюирования (эксперты) отметили, что использование социального навигатора позволит молодым журналистам сократить время на поиск нужного официального источника информации, поможет повысить уровень знаний о полномочиях, функциях и сферах деятельности официальных органов.

На основе идеи был разработан проект создания информационного ресурса «Социальный навигатор» для молодого журналиста. Проект направлен на решение следующих проблем: оперативное социальное ориентирование молодых журналистов и студентов-практикантов; поиск источников информации в официальных структурах молодыми журналистами и студентами-практикантами; создание оригинальных текстов.

В базу «Социального навигатора» заносятся следующие источники официальной информации Пермского края: пресс-служба губернатора Пермского края, аппарат Правительства Пермского края и различные министерства, агентства, инспекции, комитеты, а также департаменты, управления и комитеты администрации города Перми, экстренные службы, обслуживающие организации Пермского края и открытые базы данных Перми и Пермского края. Таким образом, в базе преобладают организации управленческого уровня.

В «Социальном навигаторе» представлен список базовых источников информации (61 организация). Технические возможности сайта позволяют пополнение базы.

Поисковая система сайта ориентирована на результативность поиска и особенности работы журналиста. Предполагается три варианта поиска нужного источника:

1. Выбор нужного ведомства (организации) из списка предложенных с опорой на развернутую информацию о сфере его работы, полномочиях и круге вопросов. Каждый пункт списка разворачивается по схеме: *название организации – описание – функции и полномочия – ссылка на страницу с контактной информацией на официальном сайте.*

2. Выбор сферы, с которой связан интересующий журналиста вопрос. В этом случае появляется список организаций, компетентных в решении вопросов из данной сферы (далее – как в п.1): *определение нужной сферы поиска – выбор нужного ведомства из предложенных.* В социальном навигаторе представлены такие сферы: ЖКХ, Население, Культура, Образование, Спорт, Здоровье; Внутренняя экономика, финансы; Внешняя экономика, Инфраструктура, Градостроительство, Транспорт; Окружающая среда, экология; Сельское хозяйство, Криминал, Безопасность.

3. Поиск по ключевому слову. В результате появится список организаций, в названии или описании которых есть это слово (далее – как в п.1).

Рассмотрим *первый вариант* поиска нужного источника информации. Пример пункта из списка:

«Министерство образования и науки Пермского края» (активная ссылка с переходом на официальный сайт Министерства (<http://minobr.permkrai.ru/press/chzv/>)).

Описание: *Осуществляет государственный контроль (надзор) в сфере образования за деятельностью организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории субъекта РФ, лицензирует образовательную деятельность организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории субъекта РФ, подтверждает документы об образовании и (или) о квалификации, об ученых степенях и ученых званиях.*

Переход по ссылке на сайт министерства.

Второй вариант. Выбираем сферу «Здоровье». Сфера включает ведомства, которые компетентны в данной области:

- 1) *Министерство здравоохранения Пермского края.*
- 2) *Министерство физической культуры и спорта Пермского края.*
- 3) *Агентство по туризму и молодёжной политике Пермского края.*
- 4) *Государственная ветеринарная инспекция Пермского края.*
- 5) *Департамент общественной безопасности.*
- 6) *Департамент социальной политики.*
- 7) *Пермская станция скорой медицинской помощи.*
- 8) *Федеральная служба государственной статистики.*

Региональные разделы:

- *Региональная статистика*
- *Муниципальная статистика*

9) *Портал открытых данных Пермского Края.*

Разделы:

- *Здравоохранение*
- *Социальное развитие*

10) *Пермьстат.*

Разделы:

- *Социальная сфера*
- *Окружающая среда*

Выбираем «Министерство здравоохранения Пермского края» (активная ссылка с переходом на официальный сайт Министерства (<http://minzdrav.permkrai.ru/requests/obrashcheniya-grazhdan/>)).

Пункт раскладывается на описание:

«Обеспечивает проведение единой государственной политики в сфере охраны здоровья граждан на территории Пермского края и осуществляет функции по нормативно-правовому регулированию в сфере охраны здоровья граждан Пермского края.

Целью деятельности Министерства является реализация мероприятий, направленных на защиту прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья на территории Пермского края, а также на повышение доступности и качества медицинской и лекарственной помощи для населения на основе единого использования всех источников финансирования».

Ведомство может входить в списки по нескольким сферам.

Третий вариант. При введении слова, например, «водоснабжение» появляется список организаций, связанных с заданной темой:

1. *Департамент жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ)* (активная ссылка с переходом на официальный сайт департамента (http://www.gorodperm.ru/actions/jkh/departament_jkh_Perm/)) – организует эксплуатацию и развитие электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в границах города Перми, организует мероприятия в области энергосбережения и повышения энергоэффективности, организует содержание муниципального жилищного фонда и создает условия для управления многоквартирными домами, обеспечивает проведение капитального ремонта общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, организует строительство, ремонт, реконструкции объектов капитального строительства, организует сбор, вывоз, утилизацию и переработку бытовых и промышленных отходов.

2. *ООО «НОВОГОР-Прикамье»* (активная ссылка с переходом на официальный сайт организации (<https://novogor.perm.ru/press>)) – обеспечивает потребителей (жителей Пермского края) ресурсами и услугами – водой, канализацией. В структуру бизнеса входят водоподготовка, водоснабжение и водоотведение.

Проект «Социальный навигатор» для молодого журналиста реализован на облачной платформе Heroku (<https://social-navigator.herokuapp.com>). Ссылки опубликованы на доступных для студентов и журналистов ресурсах, в том числе на сайте ПГНИУ, на странице кафедры журналистики и массовых коммуникаций, в разделе «Творческие проекты кафедры»: на сайте «На все 100», в группе «ВКонтакте» «Пермский государственный университет» и др.

Навигатор может быть использован в учебных целях, на производственной практике студентов и в работе в СМИ.

Список литературы

Гринько В. Волин: Проблема молодых журналистов – в завышенных ожиданиях // Линиздат.ру. 2015. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1130910/> (дата обращения: 24.12.2018).

Гуманитарные науки // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. 2009. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/3/20111115115353.pdf (дата обращения: 04.06.2019).

Круглый стол «Компетенции научного журналиста» // МГУ им М. В. Ломоносова. 2015. URL: http://www.journ.msu.ru/about/news/14862/ (дата обращения: 24.12.2018).

Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. 2014. URL: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/92 (дата обращения: 08.05.2019).

Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. 2017. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16/92> (дата обращения: 08.05.2019).

Чернова Н. 8 грехов молодых журналистов // Журналистика и медиарынок. № 01. 2013. URL: http://www.jourmedia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=315:8-&catid=103:2013-01-28-11-08-08&Itemid=34 (дата обращения: 25.12.2018).

M. P. Shipulina

Student of Philological Faculty
Perm State University

A YOUNG JOURNALIST IN THE SOCIAL SPACE: THE PROBLEM OF PROFESSIONAL ORIENTATION

The article presents the results of a study undertaken to solve the local problem of social orientation as a professional component of the students of the “Journalism” direction. The material of the research was interviews with practicing journalists who graduated from Perm State University (in the field of “Journalism”) and with students and journalists of second and fourth years. The results of the study formed the basis for the development of a reference and search electronic resource – a regional “Social Navigator” for a young journalist.

Key words: journalist; student; survey; interview; professional problems; social orientation; Social Navigator.

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

УДК 81-132

Дмитрий Владимирович Безгодов
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
bezgodov38@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ДИЗАЙНА (НА ПРИМЕРЕ САЙТА «ПОЧЕМУЧКА»)

В статье рассматриваются содержательные, структурные и визуальные особенности современных информационных сайтов и порталов для детей. В работе анализируются такие составляющие интернет-ресурса, как специфика интерфейса, жанровое разнообразие текстов, способы визуального представления информации, особенности графики. Статья содержит вывод о том, что от визуальных особенностей и характера контента сайта / портала зависит его популярность и востребованность у представителей целевой аудитории.

Ключевые слова: сайт; текст; интерфейс; анализ; содержание.

Сегодня каждое СМИ имеет свою целевую аудиторию, которая дифференцируется по множеству признаков и особенностей, таких как возраст, гендерный параметр, принадлежность к определенному сообществу, род занятий и т.д. Очень важно, что информация из СМИ, получаемая подрастающим поколением, может определенным образом влиять на его дальнейшее поведение в обществе, формировать его ценностное мировоззрение, что в последующем отразится на развитии всего государства в целом.

Наличие единого информационного ресурса для детей, который бы соответствовал всем необходимым требованиям и содержал все важные тематические разделы, посвященные детскому развитию и становлению личности, а также демонстрировал грамотный интерфейс (в том числе и визуальное оформление), является одной из первостепенных потребностей для полноценного развития ребенка в современном обществе [Тарханова 2017: 169]. Этот вопрос в настоящее время актуален, многие современные исследователи посвящали свои работы проблеме содержания и дизайна сайтов для детей [Овчинникова 2010; Ефимова 2016; Береснева 2016].

Данное исследование посвящено характеристике информационно-развлекательного портала (специфике дизайна, контента и языкового оформления сайта), целевой аудиторией которого являются дети.

Материалом исследования послужили интернет тексты, размещенные на одном из самых популярных информационно-развлекательных порталов для

детей и их родителей, созданном на основе одноименного печатного журнала «Почемучка». Цель нашего исследования заключается в том, чтобы на основе анализа основных проблем и особенностей контента данного популярного интернет-ресурса дать необходимые рекомендации по улучшению работы портала.

На сегодняшний день сайт «Почемучка» занимает лидирующую позицию в перечне информационно-развлекательных порталов для детей по запросу поисковой системы «Яндекс». Сайт привлекает внимание своим визуальным оформлением, выполненным в насыщенных цветах – фиолетовом, оранжевом, желтом, голубом и зеленом. Однако следует отметить, что сочетание таких цветов не создает эффекта пестроты. На главной странице сайта находятся основные рубрики, его пользователям предлагается регистрация на сайте. Основные функции, которые позволяет реализовать сайт, – это коммуникативная, эмоциональная, развлекательно-рекреативная, воспитательная, обучающая и функция социализации.

Несмотря на то, что контент сайта содержит значительный объем информации, на наш взгляд, визуальное оформление сайта не способствует тому, чтобы пользователю было интересно находиться на этом интернет-ресурсе продолжительное время, так как сайт создан в 2008 г. и его дизайн в настоящее время в значительной степени устарел. В то же время дизайн сайта включает в себя наличие минималистичных визуальных зарисовок, напоминающих в целом простую инфографику.² Основной проблемой сайта, на наш взгляд, является отсутствие грамотной адаптации разработанного сайта в интернет-пространстве (оптимизация сайта). Это проявляется в долгой загрузке сайта при переходе на внутренние страницы, существовании ошибок при отображении изображений. Дополнительной проблемой можно считать дизайн сайта, который не изменялся с 2008 года. Тогда все сайты имели примитивную разметку и не обладали современными интерактивными возможностями и яркими деталями.

Анализ языковых особенностей контента проводился на материале 90 интернет-текстов, размещенных на указанном сайте с 2010 года по настоящее время. Все тексты созданы с учетом возрастных особенностей, уровня знаний, увлечений, возможностей и объема жизненного опыта юных интернет-пользователей. Учет возрастных особенностей посетителей сайта влияет в первую очередь на композицию размещенных на нем интернет-текстов. Каждый текст представляет собой цельный, связный и заверченный материал, содержащий логические переходы. Основной формой таких текстов является вопросно-ответная. Анализируемые интернет-тексты представляют собой содержательное единство популярных вопросов читателей (детей) и ответа на них журналиста или определенного лица из числа создателей сайта. В качестве иллюстрации приведем несколько вариантов заголовков таких текстов: «Почему врачи носят белые халаты?» (08.02.2019); «Почему животные линяют?» (21.01.2019); «Почему люди разные?» (03.2019) и т.д. Основной особенностью

---

² С признаками устаревания веб-ресурса можно ознакомиться на сайте spyserp.com

текстов являются их небольшой объем и наличие иллюстрации в начале, что во многом характерно для мультимедийной платформы.

На наш взгляд, анализируемые интернет-тексты могут быть отнесены к публицистическому стилю современного русского литературного языка. Характерными особенностями этих текстов являются логичность, образность, оценочность, эмоциональность, призыв к действию, доступность.

Результаты изучения текстов с сайта «Почемучка» свидетельствуют о том, что для привлечения внимания интернет-пользователя (ребенка), а также «удержания» его на веб-ресурсе авторы текстов сайта «Почемучка» используют различные приемы аттракции, которые проявляются в использовании определенных морфологических, лексических и синтаксических языковых средств.

Так, например, авторы текстов часто используют глаголы в форме повелительного наклонения. Для того чтобы привлечь внимание ребенка, авторы используют следующие императивные конструкции: *не бойся быть собой, не отказывайся, не пытайся справиться сам, не спеши расстраиваться, попробуй догнать, попробуй не бояться, постарайся чаще замечать хорошее; присмотришься к тому, что тебе дарят* и др. При использовании императивных конструкций создается имитация живого диалога автора текста с его читателем, возникает ощущение непосредственного обращения к ребенку. Для выражения эмоций, просьб, советов и предложений в текстах используются глаголы в форме повелительного наклонения, например: *выбирай, доверяй, научись, не бойся, не отказывайся, поверь, пойми, попробуй, старайся, твори* и т.д. Использование глаголов повелительного наклонения позволяет авторам текстов вызвать у интернет-пользователя положительные эмоции, выразить в мягкой форме просьбу к нему или дать совет юному читателю. Для того чтобы выразить различные оттенки чувств и показать свое отношение к обсуждаемому в тексте предмету, авторы используют такие уменьшительно-ласкательные суффиксы, как: *-ушк, -юшк, -к, -ечк, -ок, -ышк (бутылочки, веточки, зернышки, зверьки, ключики, конфетки, кусочек, машинки, пятнышко, рыбка, червячок, шкурка, язычки* и др.). Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах позволяет обозначить особое, трепетное отношение к обсуждаемой теме и максимально приблизить речевое оформление интернет-текстов к особенностям ласковой речи мам юных посетителей.

Анализ особенностей лексики интернет-текстов сайта «Почемучка» показывает, что авторы применяют эмоционально-окрашенные слова, разговорно-бытовую лексику, заимствованные слова и фразеологизмы. Так, для выражения отношения к обсуждаемым предметам авторы используют следующие эмоционально-окрашенные слова: *благородный, отличный, плохой, прекрасный, прелестный, чудный* и т.д. Употребление эмоционально-окрашенной лексики в текстах позволяет передать конкретные чувства читателю. Применение разговорно-бытовой лексики (*жадничать, чашка, подружка, книжка, охота* (в значении желания), *по сердцу* (нравиться)), заимствованных слов (*имидж, мармелад, желе, дуэт, эмоции, диета,*

Интернет) и фразеологизмов (*дрожит, как осиновый лист; душа в душу; как две капли воды; мурашки бегают; обратиться с духом; убиваться над дыркой от бублика* и др.) также позволяет авторам передать чувства, эмоции, переживания, дать образную и выразительную оценку тем явлениям и предметам, о которых они рассказывают, так как это необходимо для удержания внимания юного читателя.

В процессе изучения синтаксических особенностей интернет-текстов было выявлено частотное использование рядов однородных членов, обращений, вводных слов и конструкций, причастных и деепричастных оборотов. Так, для детальной характеристики какого-либо предмета, явления или действия авторы применяют в текстах ряды однородных членов, например: *хочется сменить тему и забыть о необходимости регулярно посещать стоматолога, делать плановые прививки и сдавать необходимые анализы; китайцы ценят панду за высокий интеллект, добродушие и игривость; она позволяет человеку снять усталость, получить заряд бодрости и хорошего настроения*. Употребление в текстах рядов однородных членов помогает более точно сформулировать мысль, которую авторы хотят донести до ребенка.

С целью привлечения внимания ребенка и более эффективного восприятия текстов часто используются обращения: *друг мой, дорогой мой, ты, читатель*, которые выражают отношение авторов к юным пользователям. В тексте встречается большое количество вводных слов и словосочетаний: *возможно, во-первых, во-вторых, действительно, и правда, конечно, к сожалению, наверное, одним словом* и т.д. Для того чтобы сделать высказывание ярким и динамичным, придать описываемому предмету особые признаки с целью воздействовать на чувства читателя, авторы употребляют в текстах причастные и деепричастные обороты: *делая этот мир чуточку уютнее, пытаясь создать яркую и насыщенную картину, подарив жизнь новому дереву, помогающие жить по собственному сценарию, проложенных человеком* и т.д. Употребление причастных и деепричастных оборотов позволяет создать целостную картину описываемого предмета в представлении ребенка.

Таким образом, проведенный нами предварительный анализ интернет-текстов детского портала позволил выявить характерные для него особенности на всех уровнях языковой системы: морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Подводя итоги, еще раз отметим, что современные интернет-тексты детского веб-ресурса «Почемучка» характеризуются определенными функционально-стилистическими особенностями, позволяющими создавать уникальный контент, который привлекает целевую аудиторию (детей). Для усиления эмоционального эффекта от восприятия детьми текстов авторы публикаций используют определенные морфологические, лексические и синтаксические средства языка. Благодаря этому основной контент сайта становится уникальным и востребованным среди представителей целевой аудитории.

Что же касается дизайна, то как было сказано выше, визуальное оформление сайта не способствует тому, чтобы пользователю было интересно находиться на этом интернет-ресурсе продолжительное время, так как сайт создан в 2008 г. и его дизайн в настоящее время в значительной степени устарел. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо провести такие мероприятия, как «разработка визуальной концепции сайта», что позволит улучшить сочетаемость цветов друг с другом и выразительность текста, и «проработка эргономичности сайта», то есть удобство его использования, что позволит легко ориентироваться в основных разделах сайта и понимать основное назначение каждого элемента.

Список литературы

Ефимова, Т.В., Береснева, А.Г. Интернет и подростковая агрессивность: грани и проблемы // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 8. С. 108-116.

Сорокоумова, Е.А., Молостова, Н.Ю., Арютина, Д.Н. Социализация подростка в процессе интернет-общения// Педагогика и психология образования. 2018 № 2. С. 138-143.

Тарханова, И.Ю. Социализация молодежи средствами интернет коммуникаций // Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 169-171.

Овчинникова И.Г. Определение базовых понятий: внутренний лексикон, идиолект, картина мира // Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 312 с

Pochemu4ka.ru. URL: <http://pochemu4ka.ru/> (Дата обращения: 01.04.19).

Пять признаков того, что ваш сайт безнадежно устарел. URL: <https://spyserp.com/ru/blog/outdated-website-5-signs/> (Дата обращения: 01.04.19).

D.V. Bezgodov

Student of Philological Faculty
Perm State University

MODERN RUSSIAN INTERNET-RESOURCES FOR CHILDREN: ISSUES OF CONTENT AND DESIGN (ON THE EXAMPLE OF THE WEBSITE "POCHEMUCHKA")

The article deals with the content, structural and visual features of modern information sites and portals for children. The paper analyzes such components of the Internet resource as specificity of the interface, genre variety of texts, methods of visual presentation of information and features of graphics. It is concluded that the visual features and nature of the content of the site or portal depends on its popularity and demand among the target audience.

Key words: website; text; interface; analysis; content.

Анна Михайловна Исакова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
anna.isakova.1998@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НЕФОРМАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрено функционирование языковой игры в интернет-коммуникации. Лингвистические механизмы выявляются на разных уровнях системы русского языка. Устанавливается, что языковая личность не только вступает в коммуникацию, но и пытается продемонстрировать свое речетворчество, реализуя ассоциативный потенциал слова. Материалом для изучения послужили сообщения и комментарии из группы студенческого научного общества филологического факультета социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: языковая игра; лингвистический механизм; интернет-коммуникация; речетворчество.

Языковая игра (далее ЯИ) наиболее интересна в практическом аспекте, при этом большое внимание уделяется раскрытию творческих возможностей индивида в использовании языковых средств. Под ЯИ понимается намеренное нарушение языкового стереотипа (стандарта), обусловленное прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих. ЯИ в обыденной речи «представляет собой манипуляцию языковыми знаками, которая вносит в речь элемент неожиданности, нестандартности» [Ерофеева 2016: 60]. Используя данный лингвистический прием, адресат добивается «максимальной компрессии смысла», за короткий контакт дает наибольшее количество информации [Михайлюкова 2017: 232].

На сегодняшний день одним из самых распространенных видов обыденного общения является интернет-коммуникация. Интернет по средствам технологий позволяет взаимодействовать огромному количеству людей. Виртуальное пространство конструирует особую социальную реальность, где каждый получает возможность проявить себя. Отметим, что «тексты обыденной интернет-коммуникации изобилуют нестандартными формами выражения, которые нарушают нормы литературного русского языка, но не противоречат или даже соответствуют складывающимся тенденциям к формированию этических и речевых норм коммуникативного киберпространства или отдельных его сегментов» [Каллистратидис 2013: 7].

Одной из функций ЯИ в неформальном общении является стремление развлечь себя и собеседника, так ЯИ служит не для передачи основной информации, а для оживления и выразительности коммуникации. ЯИ несет и функцию самоутверждения, отражения в речи индивидуальных особенностей коммуниканта для яркости высказывания. Т.А. Гридина подчеркивает эстетико-

прагматическую функцию ЯИ, поскольку «в основе ЯИ лежит стремление достичь определенного эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого (нестандартного) использования языковых средств» [Гридина 1996: 4].

Попытаемся описать наиболее частотные механизмы ЯИ, используемые студентами филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. Материалом послужили сообщения и комментарии из группы студенческого научного общества филологического факультета социальной сети «ВКонтакте».

Механизмы ЯИ прослеживаются на разных уровнях системы русского языка и рассматриваются на основе семантики слов, их звукового облика и субъективной характеристики, данной слову конкретной личностью.

В речи студентов-филологов регулярно встречается механизм преобразования фонетической оболочки слова путем замены звуков на созвучные им. В результате происходит сближение с детской речью. Как правило, подобные реплики принадлежат определенным людям и являются частью их самосознания и мироощущения, отражающимися и в речевой деятельности. Наиболее часто встречались следующие слова и выражения: *Драстите; Высли?; Ды; Шпасибо; Псибо; Вот суезна; Защищаюцааа; Сейчас буит шутка; Сердешки; Пудемтеее; На какую пудем? На ту, которая с едой или ту что с денежкой; Товарищи подпещички.*

В рамках механизма преобразования фонетической оболочки слова осуществляется и такая замена звуков, которая приводит к полному изменению семантики слова. При этом исходное и новое слово остаются созвучными.

Лиля. Лилик. Лилечка. Лилечек. Люля-кебаб – автор образовал ряд словоформ со схожим звуковым обликом от имени *Лиля*, при этом последнее слово ряда *Люля-кебаб* не соотносится с предыдущими по смыслу. Целью игры с фонетической оболочкой слова стало создание комического эффекта путем подбора неожиданной аналогии на перечисляемые варианты имени.

Выделим механизмы ЯИ, связанные с различными деформациями на морфологическом уровне. В коммуникации используется механизм видоизменения словоформы: различные сокращения основы, добавление суффиксов и приставок, в результате чего высказывание приобретает дополнительную коннотацию.

В качестве примера можно привести следующее сообщение: *В унике кайф. На улице дышать нечем* – основа слова *университет* сокращается и с помощью суффикса -к- приобретает уменьшительно-ласкательную окраску.

Рассмотрим еще один пример использования механизма видоизменения словоформы. *Нужно больше беседок и собраний* – от слова *беседа* с помощью суффикса -к- образуется новое слово, обладающее дополнительной семантикой. Происходит соединение двух значений: *беседка* как ‘крытая легкая постройка в саду для отдыха’ [Ожегов 1984: 40], и *беседа* как ‘разговор, обмен мнениями’ [Ожегов 1984: 40].

Привлекает внимание следующий комментарий студента-филолога: *В черном-черном городе был черный-черный дом. Или о чем там еще эти хоррор-кормицики читают...* – от слова *хорроркор* в значении ‘поджанр хип-хоп музыки,

лирическое содержание которого основывается на образах фильмов ужасов' при помощи суффикса -щик образуется слово *хоррор-кормщик* в значении 'исполнитель песен в музыкальном жанре хорроркор'. Таким образом, слово приобретает субъектную отнесенность.

Интересную ЯИ создает словообразовательный механизм конструирования слов по продуктивным моделям русского языка. *Дошутитесь, не удивлюсь, если скоро и до этого дойдет. Или введут что-то типа слов «кофиня/кофесса»* – от словоформы *кофе* порождаются новые однокоренные слова по модели существительных женского рода, единственного числа. Но если слова с подобными суффиксами обычно образуются от существительного мужского рода определенного вида деятельности или сословия (например, граф-графиня, стюард-стюардесса), то в данном случае производящим является неодушевленное существительное мужского рода. Таким образом, у производящего слова остается неизменной категория рода, но изменяется категория одушевленность/неодушевленность.

Рассмотрим механизм слияния двух слов с последующим расширением семантики. *Тожже мне, филолухи!* – соединяются слова *филологи* и *олухи*, что дает слову дополнительную контекстуальную характеристику. Филологам приписывается признак глупости и безответственности.

Интересны следующие сообщения: *У нас гоголефанов много; Гоголеман; По статистике, каждый четвертый ребенок – Гоголист.* Новые слова образуются путем сложения производящих основ: Гоголь и -фан/-ман. Слово *гоголист*, согласно семантике суффикса -ист 'название лиц по роду занятий, профессии', обозначает лицо, профессионально занимающееся изучением творчества Гоголя.

Рассмотрим еще несколько проявлений механизма слияния двух слов. *Честно-правда* – к наречию *честно* добавляется существительное *правда* в значении наречия, что приводит к усилению семантики 'без обмана', 'справедливо'.

Металапокалипсис – новое слово образуется путем слияния слов *метал* (имеется в виду музыкальный жанр, разновидность рок-музыки) и *апокалипсис*. Целью данного соединения слов является желание коммуниканта отразить свое эмоциональное состояние от прослушивания музыки.

Выделим механизм образования глаголов от имен собственных. *Я, конечно, люблю иногда погоголить. Но не постоянно же; На меня не смотри, я не гоголю.* От фамилии Гоголь образуется глагол *погоголить* с помощью приставки по-. Отметим, что этот глагол изменяется согласно нормам русского языка.

Неожиданный пример ЯИ демонстрирует слово *отресковливать*: от словоформы существительного женского рода *треска* образуется новый глагол при помощи приставки о- и суффиксов -ов и -ива. Значение этого образованного глагола, 'обогащать что-либо треской'.

На словообразовательном уровне выделяется также механизм шутивного переосмысления аббревиатур.

– СНО просто работает снова

- СНОва
- СНОФФа

Аббревиатура СНО (студенческое научное общество) становится частью слова *снова*, затем происходит расширение аббревиатуры (студенческое научное общество филологического факультета). Исходное слово и новое имеют сходный звуковой облик, при этом игра происходит и в области графического написания слова.

В сообщениях студентов-филологов одним из самых распространенных оказался механизм включения иноязычных слов (контекстов). Появление в обыденной речи огромного количества иноязычных слов связано с распространением влияния иностранных языков, преимущественно английского. Английские слова передаются с помощью транскрибирования. Чаще всего транскрипции иностранных слов встречаются именно в обыденной интернет-коммуникации, так как позволяют использовать вместо русских слов английские, более краткие в написании. Сочетания иностранных слов и русских создают при этом интересные варианты ЯИ. Рассмотрим некоторые примеры.

- *Кетч зем олл ахах.*
- *Хееелл, ребятки.*
- *Сириосли?*
- *По-моему, найс.*
- *А тут чуз ер файтер.*
- *Пришел в сно – познал бытие (тру стори ребят).*
- *– Кто пойдет на защиты в этот четверг? – Ай вонт.*
- *Лайк за самоиронию. Рил жиза...*

Таких примеров в интернет-коммуникации большое количество.

В ходе исследования на лексическом уровне был найден механизм смыслового варьирования. *Ох! Жизнь проходит мимо, молча уводя с собой все прекрасное...* – происходит варьирование смысла слова *жизнь* и имени *Жизель* (героиня одноименного балета Адольфа Адана). Слово *жизнь* из общеизвестной фразы *жизнь проходит мимо* заменяется именем собственным, появляется возможность двойной трактовки всей фразы. В данном случае можно говорить об эстетической функции ЯИ.

Как видим, механизмы ЯИ в обыденной интернет-коммуникации охватывают фонетический, морфологический, словообразовательный и лексический уровни русского языка.

Мы выделили следующие механизмы ЯИ:

1. Фонетический уровень:
  - механизм преобразования фонетической оболочки слова.
2. Морфологический уровень:
  - механизм видоизменения словоформы.
3. Словообразовательный уровень:
  - механизм конструирования слов,
  - механизм слияния двух слов,
  - механизм образования глаголов от имен собственных,

- механизм шутливого переосмысления аббревиатур.

4. Лексический уровень:

- механизм включения иноязычных слов (контекстов),
- механизм смыслового варьирования.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что языковая игра активно используется в интернет-коммуникации. Языковая личность пытается не просто вступить в коммуникацию, но и продемонстрировать свое речетворчество, реализуя ассоциативный потенциал слова.

Использование ЯИ в интернет-коммуникации осуществляет и эстетико-прагматическую функцию, т. к. за нарушением нормы, как правило, лежит стремление достичь определенного воздействия (комического эффекта).

Список литературы

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Ерофеева Т.И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2016. 196 с.

Каллистратидис Е.В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: автореф. дис. канд. филол. наук. Р. н/Д: Южн. федер. ун-т, 2013. 23 с.

Михайлюкова Н.В. Языковой облик современного города: учебное пособие. Владивосток: Дальневосточный федер. ун-т, 2017. 360 с.

Ни дня без строчки – СНО филологов ПГНИУ: [Электронный ресурс]. Пермь, 2012–2019. URL: https://vk.com/phil_sno. (Дата обращения: 7.07.2019).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1984. 797 с.

A.M. Isakova

Student of Philological Faculty
Perm State University

LANGUAGE GAME MECHANISMS IN INFORMAL INTERNET COMMUNICATION

The article analyzes the functioning of the language game in internet communication. Linguistic mechanisms were identified at different levels of the Russian language system. It was found that the linguistic personality does not just enter into communication, but tries to demonstrate speech creativity, realizing the associative potential of the word. Messages and comments from the student scientific society of philological faculty group of social network “Vkontakte” are the material for this study.

Key words: language game; linguistic mechanism; Internet communication; speech creativity.

Никита Андреевич Маткин
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mrbigant343@gmail.com
Научный руководитель:

СОЗДАНИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО СРЕДСТВА ДЛЯ АНАЛИЗА ИСЧЕЗАЮЩЕГО КОНТЕНТА (НА ПРИМЕРЕ STORIES В INSTAGRAM)

Статья посвящена исследованию stories в социальной сети Instagram. Stories — новый формат исчезающего контента в социальных сетях. Авторы статьи анализируют предыдущие исследования формата и разрабатывают методику по анализу stories. Результаты работы стали основой для создания инструментального средства для аналитики социальной сети. Проведено пилотное исследование. В работе описаны принципы использования приложения, его функциональное и научное значение, приведены первые результаты по работе с приложением по анализу stories.

Ключевые слова: социальная сеть; исчезающий контент; Instagram; stories; аккаунт; веб-приложение.

Большая часть современной массовой коммуникации происходит в социальных сетях. По оценкам немецкого портала Statista на 2018 год в России 73,1 миллиона людей используют социальные сети. Более 37 миллионов из них зарегистрированы в Instagram [Statista 2019]. Развитие социальной сети привлекает бизнес в Instagram. Представители бизнеса или маркетологи создают сообщества по интересам вокруг своего продукта. Социальная сеть Instagram стала удобной для маркетинга и рекламных интеграций.

В разных социальных сетях, к примеру, vk.com, Snapchat, Instagram, появляется возможность публикации коротких форматов. Исследователи социальной сети называют короткие форматы исчезающим контентом. Пользователи выкладывают такие публикации на 24 часа. За это время другие пользователи могут просматривать их, отвечать и комментировать исчезающий контент. По истечению времени исчезающий контент пропадает из социальной сети.

Исследования Stories необходимы для выявления эффективности формата. Аналитики из Delmondo пришли к выводам, что охват stories гораздо меньше, чем у публикаций [Яндекс.Дзен 2019]. Однако они не рассматривали влияние stories на эффективность Social Media Marketing. Исследования эффективности историй и влияние формата на охват ранее не проводились. Изучение формата поможет бизнес-аккаунтам повысить эффективность коммуникации и расширить охват аудитории. Для изучения влияния stories на охват аудитории мы считаем необходимым создание инструментального средства, которое будет анализировать аккаунты и выводить статистику по ним. Анализ аккаунтов по

всему миру осуществляют на коммерческой основе сервисы аналитики, такие как popsters, livedune, picalytics. При работе они подключаются к Instagram API и берут данные там.

В 2018 г. из-за скандала с Cambridge Analytica Facebook ограничил доступ к Instagram API. После принятия ограничений пропала возможность собирать скрытые статистические данные с личных аккаунтов. Сервисы аналитики после обновления начали работать исключительно с бизнес-аккаунтами, то есть аккаунтами, подключенными к статистике Instagram. Трудность анализа личных аккаунтов уменьшает количество исследований Instagram из-за отсутствия подходящего инструментария. В данной работе мы описываем создание инструмента для аналитики всех аккаунтов социальной сети легальным способом.

Целью нашей работы является создание приложения для аналитики аккаунтов для дальнейшего изучения влияния исчезающего контента на эффективность маркетинговой коммуникации в Instagram. В ходе исследования мы опирались на следующую гипотезу: stories влияют на уровень вовлеченности аудитории или Engagement Rate (далее ER).

Для подтверждения гипотезы мы нашли 10 аккаунтов интернет-магазинов одежды. Пять аккаунтов из выборки выкладывали stories не реже, чем два раза в неделю, остальные не использовали этот формат. Мы разработали таблицу анализа аккаунтов и два раза в неделю вписывали данные в электронный бланк. Анализ проводился по следующим критериям: наличие stories, дата публикации последнего поста, количество «лайков» под последним постом, количество комментариев под последним постом, сумма «лайков» последних девяти публикаций, сумма комментариев последних девяти публикаций, медиана «лайков» последних девяти публикации, медиана комментариев последних девяти публикации (мы взяли девяти публикаций, потому они отображаются на главной странице профиля).

После двух месяцев анализа мы получили первые результаты. Медианы лайков в аккаунтах со Stories в четырех из пяти случаев оказались выше, чем в аккаунтах без Stories с аналогичным количеством подписчиков. У каждого элемента выборки мы вычислили уровень вовлеченности по девяти публикациям в каждый момент проверки. Мы сложили сумму «лайков» с суммой комментариев и разделили на количество подписчиков. Таким образом, мы получили engagement rate – уровень вовлеченности подписчиков в деятельность аккаунта. После этого мы вывели медиану вовлеченности из таблицы с stories и из таблицы без stories. Все медианы за 12 проверок мы вынесли на линейный график. По нему видно, что линия тренда на аккаунтах со stories идет вверх (рис.1), тогда как линия тренда на аккаунтах без stories падает вниз (рис 2.). Отметим, что как только количество подписчиков на двух аккаунтах без stories начало стремительно падать, магазины начали активно применять этот формат.

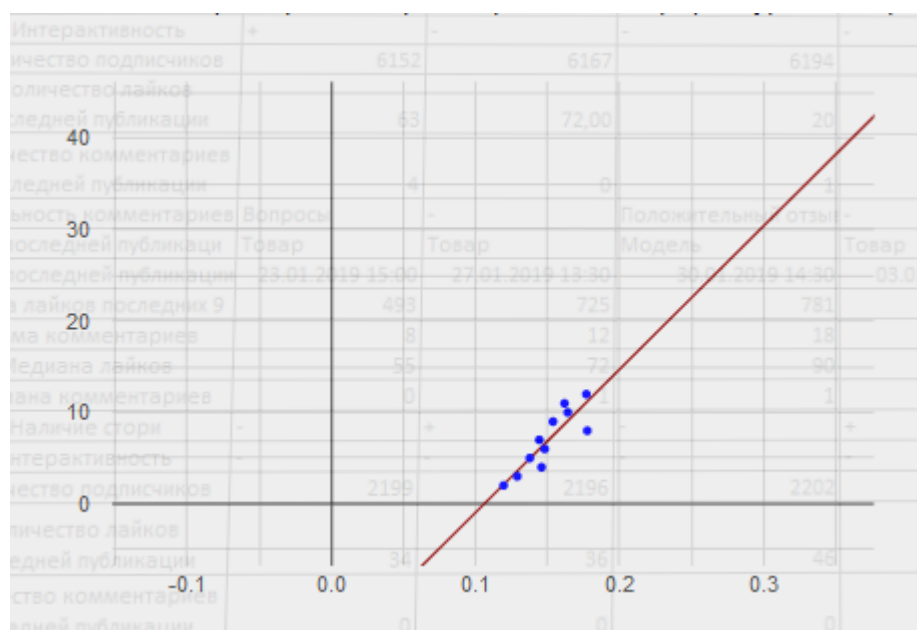

Рис. 1

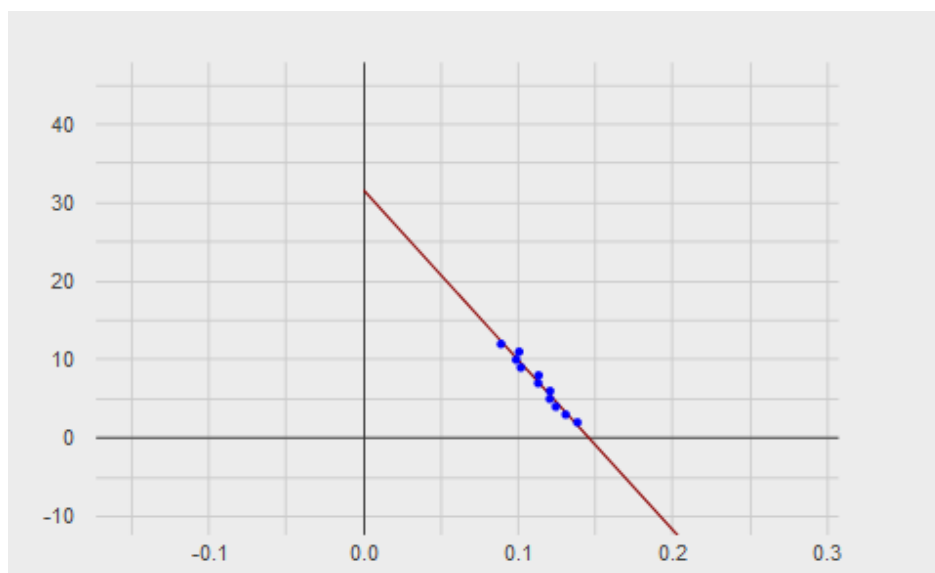

Рис. 2

Подтвердив нашу гипотезу на малой выборке, мы составили выборку из 60 аккаунтов в трех категориях: магазины одежды (бизнес), животные (развлечения) и путешествия (блог). Аккаунты в каждой группе входили в один из трех кластеров: до 5 тыс. подписчиков, от 5 до 10 тыс. подписчиков, от 10 тыс. подписчиков. Деление аккаунтов по кластерам было необходимо, так как ER у пользователей с меньшим числом подписчиков был выше, чем ER у пользователей с большим числом подписчиков. Мы отказались от деления на группы с форматом stories и без, потому что в Instagram становится все меньше аккаунтов, не использующих этот формат. Было необходимо сравнить уровень вовлеченности в день, когда аккаунт выложил stories, с днем, когда формат не использовался. Для этого мы вычисляли ER каждый день и находили разницу между ER в день, когда не было формата.

Анализ 60-ти аккаунтов ежедневно вручную требовал больших усилий. Для упрощения работы мы разработали приложение, которое автоматизировало анализ. Приложение анализирует введенный вами аккаунт и предоставляет следующие результаты: наличие stories, дата публикации последнего поста, количество «лайков» под последним постом, количество комментариев под последним постом, сумма «лайков» последних девяти публикации, сумма комментариев последних девяти публикаций, медиана «лайков» последних девяти публикации, медиана комментариев последних 9 публикации и ERday.

Отличие приложения от остальных сервисов аналитики Instagram состоит в том, что оно работает без использования Instagram API. Приложение работает с помощью JSON и считывает информацию с веб-разметки. Следовательно, в приложении есть возможность анализировать все открытые аккаунты, а не только бизнес-аккаунты (как это делают сервисы аналитики). Приложение может считывать и выгружать открытую информацию с нескольких аккаунтов одним щелчком.

За все время исследования приложение сделало 1128 измерений. По полученным результатам известно, что в аккаунтах, количество подписчиков в которых меньше 5000, stories повышает ER пользователей за последние девять постов. В остальных кластерах удовлетворяющих результатов не удалось получить, так как аккаунты используют формат stories намного чаще, чем в первой группе.

Мы создали интерфейс приложения с использованием технологий html, css и javascript, а также составили инструкцию по его использованию. В приложении будет присутствовать возможность посмотреть статистику одного или нескольких аккаунтов онлайн, а также выгрузить статистику на жесткий диск. Основные цвета, использованные в интерфейсе, – это фиолетовый и желтый, два основных цвета Instagram. (Рис. 3)

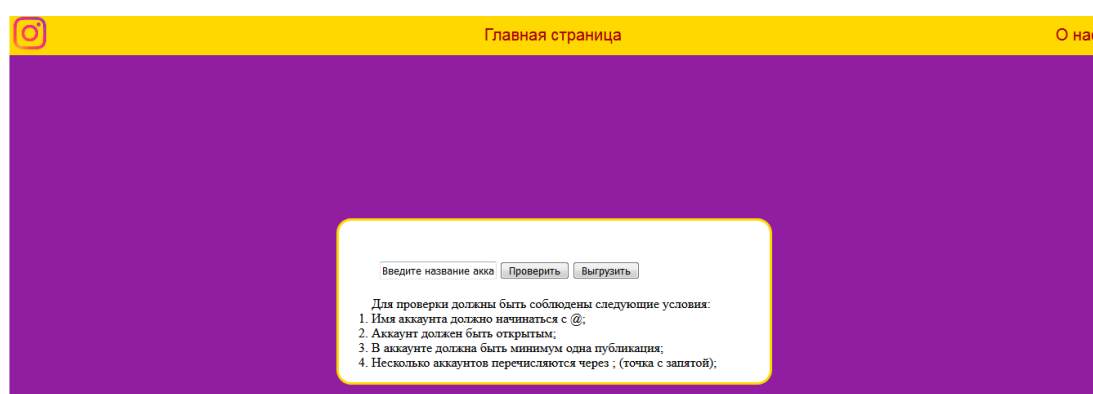

Рис. 3

Приложение ежедневно собирало данные и визуализировало их в два вида диаграмм. Первый вид диаграмм демонстрирует распределение медианной величины ER в зависимости от кластера. Для визуализации использования формата stories мы обозначали точки оранжевым цветом, а точки с отсутствием формата – синим. Приложение автоматически определяет наличие stories и

присваивает цвет точке. В зависимости от медианы ER приложение тоже автоматически располагает точки на ординате.

Вторая диаграмма демонстрирует изменение медианной величины ER в зависимости от времени измерения. Каждый аккаунт закодирован своим цветом, что позволяет проанализировать динамику изменения медианы ER для каждого аккаунта в отдельности.

Приложение создано с учетом всех правил использования социальной сети и не нарушает политику Instagram. Данные, которые собирает приложение, являются открытыми для всех пользователей. Приложение не может анализировать закрытые профили, так как это противоречит политике Instagram.

Приложение работало в тестовом режиме на протяжении месяца. За этот период ошибок в работе с приложением не обнаружено. Это позволяет нам внедрять новые функции в приложение.

Разрабатывая приложение дальше, мы будем развивать его в сторону повышения эффективности формата stories. В планах дать инструменту возможность самостоятельно анализировать аккаунты и на основе полученной статистики предоставлять пользователям готовые ответы. Например, возможность узнать, в какой день недели эффективнее размещать историю аккаунту с 4000 подписчиков в тематике «Спорт».

В дальнейшем мы планируем продолжать изучение Instagram с помощью нашего приложения. Следующим шагом в разработке приложения является внедрение функций, необходимых для полного анализа формата stories. Мы планируем коммерциализацию разработанного нами инструментального средства с бесплатным доступом к приложению для исследователей социальной сети.

Список литературы

Гераськина М.В. Instagram как перспективный инструмент для рекламной кампании в интернете // Вестник науки и образования. 2018. Вып. 12. С. 83-87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instagram-kak-perspektivnyy-instrument-dlya-reklamnoy-kampanii-v-internete/> (дата обращения: 13.04.2019).

Ермолова Н. Продвижение бизнеса в социальных сетях Facebook, Twitter, Google+. М.: Альпина Паблишер, 2016. 401с.

Кмитдинов Н. «Лайк, шэр, рост (бизнеса): эксклюзивное интервью руководителя Facebook в Центральной и Восточной Европе Inc.» / беседовал Р. Бернардски // Inc. 21.01.2019. URL: <https://incrussia.ru/understand/lajk-sher-rost-biznesa-eksklyuzivnoe-intervyu-rukovoditelya-facebook-v-tsentralnoj-i-vostochnoj-evrope-inc/> (Дата обращения: 22.01.2019).

Лямин А.В. Использование социальных сетей в образовании. СПб.: Университет ИТМО, 2015. 67 с.

Leading countries based on a number of Instagram users // Statista. 01.2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/578364/countries-with-most-instagram-users/> (дата обращения: 20.04.2019).

Number of social network users in selected countries in 2018 and 2023 (in millions) // Statista. 02.2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/278341/>

number-of-social-network-users-in-selected-countries/ (дата обращения: 20.04.2019).

Olprime. Исследование: как продвигаться в Instagram Stories в 2019 году // Яндекс.Дзен. 10 декабря 2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/592dd73bd7d0a6f53d9a2902/issledovanie-kak-prodvigatsia-v-instagram-stories-v-2019-godu-5c0e18f0080a3b00aa421c3f> (дата обращения: 21.04.2019).

N. A. Matkin

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE CREATION OF A TOOL FOR THE ANALYSIS OF THE DISAPPEARING CONTENT (ON THE EXAMPLE OF STORIES IN INSTAGRAM)

Stories from the social network Instagram are research in the article. Stories are a new format of disappearing content in social networks. We analyze previous studies of this format and develop a methodology for the analysis of stories. The results of the work became the basis for the creation of a tool for the research of the social network. A pilot study was conducted. The article describes the principles of working with the application, its functional and scientific value. The first results of work with the stories analysis application are presented.

Keywords: Social Network; disappearing content; Instagram; stories; account; web application.

Диана Владимировна Морякова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
diana.moryakova.98@mail.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-РЕПОРТАЖЕ

Статья посвящена характеристике технологических и функциональных особенностей мультимедийных элементов в репортажах, представленных в российских интернет-СМИ. Рассматриваются мультимедийные репортажи, опубликованные на сайтах следующих медиа: RT, Euronews, Медуза, РИА Новости, Медиазона. Методологическим ориентиром исследования является концепция мультимодального текста.

Ключевые слова: репортаж; мультимедийность; интернет-СМИ; медиатехнологии; медиаформаты.

По мнению медиаэксперта А.Г. Качкаевой, «современная аудитория стремительно переходит к изобразительному мышлению и визуальным видам потребления» [Качкаева 2010: 37]. В связи с этим важным свойством журналистских публикаций в интернете выступает их мультимедийность, т.е. сочетание в одной публикации разных медиаформатов: вербальный текст, фото, видео, аудио, инфографика, анимация и т.д. Под мультимедийной публикацией М.М. Лукина предлагает понимать «историю, рассказанную с помощью нескольких мультимедийных средств и собранная таким образом, чтобы каждая мультимедийная грань дополняла и развивала общий рассказ, а недоступность или невозможность воспроизведения одного из элементов не искажала общий смысл сюжета» [Лукина 2010: 7].

Одно из актуальных направлений в изучении мультимедийного текста связано с концепцией мультимодальности. По мнению А. Кибрика, термин «мультимодальный» основан на понимании модальности, принятом в психологии, нейрофизиологии и информатике: «модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик 2010: 135]. Под мультимодальным текстом принято понимать текст, в котором «коммуникативная ситуация представлена с использованием нескольких модальностей восприятия, конкретно зрения и слуха» [Сидорова 2013: 145]. Основная задача мультимодального текста состоит в реконструкции реального или вымышленного физического пространства вокруг читателя [Захарова 2015: 122]. Преимущество такого рода публикаций заключается в том, что они воздействуют на органы чувств, тогда как слово запускает механизмы декодирования. В связи с этим исследователи полагают, что «системы, позволяющие пользователям распределять контент между разными модальностями, будут более удобными для пользователей, более адаптивными и в конечном счете более надежными» [Кибрик 2010: 146].

В соответствии с представленным подходом рассмотрим коммуникативные функции каждого мультимедийного элемента в составе репортажа, который продолжает оставаться одним из основных жанров современной журналистики.

Репортаж – это рассказ очевидца, переносящий читателя в самый центр описываемых событий [Колесниченко 2008: 5]. Главной особенностью репортажа является создание эффекта присутствия. В традиционном репортаже основными средствами репортажного описания являются повествование от первого лица, детализация, реплики героев события, фотографии, описание эмоциональных реакций автора репортажа. Новые технологии (GoPro и 360-камеры, программы для создания инфографики, подкастов и анимации т.д.) дают новые возможности для реализации коммуникативных задач репортажа, позволяя сделать рассказ о событии более наглядным и многомерным.

В современных российских СМИ мультимедийный репортаж встречается не так часто, как в западных, однако, отдельные издания проводят достаточно успешные эксперименты с новыми форматами. Анализ мультимедийных репортажей отечественных СМИ позволил выделить основные мультимедийные элементы, характерные для современного этапа развития данного жанра. В таблице приведены значения, полученные путем статистического анализа публикаций 2018 – 2019 гг. Всего было проанализировано 25 мультимедийных репортажей из Медиазоны, РИА Новости, Euronews, Коммерсанта и Медузы.

Таблица 1

Мультимедийные элементы с российском интернет-репортаже

Публикация/ Элемент	Фото	Фото-галерея	Видео	Гиперссылки	Анимация	Скриншоты с видеовставками	Инфографика	Видео в формате виртуальной реальности
Коммерсант: «Бесконечное чувство войны»	+	-	-	+	+	-	-	-
Коммерсант: «Раба нет, царя нет, меня ты не убедил»	+	-	-	-	+	-	+	-
Коммерсант: «Доказательство от пожарного»	+	-	-	+	-	+	+	-
Коммерсант: «Мы вас ждем!»	+	-	-	+	-	+	-	-
Коммерсант: «Свет спасения»	+	-	+	+	-	-	-	-
Коммерсант: «Квартира времени»	+	+	-	+	-	-	-	-
Медиазона: «Опасные гастроли ICЗРЕАК»	+	+	+	-	-	-	-	-
Медиазона: «Дело Рыбки и Лесли. Арест»	+	+	+	+	-	-	-	-
Медиазона «Второй арест Навального»	+	+	+	-	-	-	-	-

Медиазона: «Дело футболистов Кокорина и Мамаева»	+	+	+	+	-	-	-	-
Медиазона: «Дело краснодарского адвоката Беньяша»	+	+	+	+	-	+	-	-
Медиазона: «Дело Седьмой студии»	+	-	+	+	-	-	-	-
Медиазона: «Контртеррористи ческая операция в Тюмени»	+	-	+	+	-	+	-	-
Медиазона: «Пензенское дело»	+	-	-	+	-	+	-	-
Медиазона: «Суд над Оюбом Титиевым»	+	-	-	+	-	+	-	-
Медиазона: «Задержания на акциях за свободный интернет»	+	+	-	+	-	-	-	-
Медиазона: «Дело основателя инвестиционной компании BaringVostok»	+	-	+	-	-	+	-	-
Медиазона: «Обыск у псковской журналистки»	+	-	+	+	-	-	-	-
Медиазона: «Второе дело АзатаМифтахова»	+	-	+	-	-	+	-	-
Медиазона: «Задержание сенатора от Карачаево- Черкесии»	+	+	+	+	-	-	+	+
Медуза: «Ты их травил? Вот и я не травила»	+	+	-	+	-	-	-	-
РИА Новости: «Нападение на керченский колледж»	+	+	+	+	-	+	-	-
Euronews: «Репортаж с Востока Украины»	-	-	-	-	-	-	-	+

Самыми распространенными мультимедийными элементами репортажа являются фото- и видеоиллюстрации. Например, в репортаже «Бесконечное чувство войны» представлен ряд фотографий в виде слайд-шоу [Соловьев 2018]. Набирают популярность скриншоты с видеовставками. Так, в репортаже «На меня смотрит вся Россия. Опасные гастроли IC3PEAK» используются скриншоты из социальных сетей с видеовставками [Соловьев 2018]. Одним из самых популярных

форматов становится потоковое видео, которое позволяет адресату увидеть происходящее собственными глазами. В качестве примера приведем репортаж «Раба нет, царя нет, меня ты не убедил» [Васильева 2018], где помимо основного вербального текста использовано потоковое видео, запечатлевшее самые яркие моменты события.

Формат гиперссылки, которым располагает журналист только в сетевом варианте репортажа, позволяет выстраивать связь между материалами на одну и ту же тему, опубликованными в разное время на одной веб-странице, а также – на сторонних ресурсах. Например, в репортаже «Бесконечное чувство войны» помимо основного текста представлены гиперссылки «Хроника пятидневной войны», «Пятидневная война в цифрах», в которых указана дополнительная информация, опубликованная в разное время на сайте издания [Соловьев 2018].

Как показано в таблице, анимация в репортажах используется довольно редко. Репортажная анимация позволяет СМИ проиллюстрировать текст в тех случаях, когда корреспонденты не смогли снять событие на видео, либо были не допущены непосредственно на место происшествия. Также мультипликационный контент позволяет условно изобразить события, реалистичное воспроизведение которых может ранить чувства аудитории. Так, в репортаже «Доказательство от пожарного» представлена анимация, иллюстрирующая трагические последствия пожара [Соловьев 2018].

Еще одним мультимедийным элементом современного репортажа является инфографика. Во всех случаях ее использования представлен статичный вариант формата. Газета «Коммерсант» в репортаже о пожаре в Кемерово использовала сразу несколько форматов статичной инфографики: схема, диаграмма и карта [Соловьев 2018]. Очевидно, подготовка динамичной инфографики требует больших временных и финансовых затрат, нежели статичный вариант.

Представляется перспективным использование в репортаже технологий виртуальной реальности, которые начинают применяться в СМИ. Например, Euronews подготовили репортаж с востока Украины в новом формате виртуальной реальности с использованием камеры 360 градусов [Любченкова 2019]. Повороты камеры и ее движение направляются самим зрителем, что усиливает эффект присутствия. Зритель становится не просто потребителем информации, а полноценным субъектом коммуникации. Он ощущает себя действующим лицом, способным повлиять на ход событий. В данном случае можно говорить не столько об эффекте присутствия, сколько об эффекте погружения в реальность.

Анализ мультимедийных репортажей показывает, что вербальный текст продолжает доминировать и выполнять основные информативные и оценивающие функции. Фотоиллюстрации остаются основными элементами визуализации. Аудиокомпоненты в рассмотренных публикациях не представлены, мало используются возможности инфографики. Тем не менее, интерес редакций к современным видеоматрицам (потоковое видео, технологии виртуальной реальности) говорит о том, что поиск новых способов воздействия на аудиторию продолжается, а потенциал репортажного жанра далеко не исчерпан.

Список литературы

Васильева А. Раба нет, царя нет, меня ты не убедил // Интернет-газета «Коммерсант». 05.05.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3622340> (дата обращения: 25.08.2019).

Захарова М. Мультиmodalный текст и его возможности // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Том 2. Казань: Изд-во Казанского фед. ун-та, 2015. С. 122–124.

Интернет-СМИ: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лукиной. М., 2010. 348 с.

Качкаева А.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010. 200 с.

Колесниченко А.В. Практическая журналистика. Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 192 с.

Кибрик А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования – IV. М.: ИП РАН, 2010. С. 134–152.

Любченкова Н. Жить рядом с минным полем: репортаж с востока Украины. // Телеканал «EuroNews». 31.01.2019. URL: <https://ru.euronews.com/2019/01/28/ukraine-mines> (дата обращения: 25.08.2019).

Мирошниченко А.А., Качкаева А.Г. Мультимедийная журналистика. Учебное пособие. М.: Изд-во ВШЭ, 2017. 570 с.

Соловьев В. Бесконечное чувство войны // Интернет-газета «Коммерсант». 08.08.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3706103> (дата обращения: 25.08.2019).

Соловьев В. Доказательство от пожарного // Интернет-газета «Коммерсант». 25.01.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3613490> (дата обращения: 25.08.2019).

Соловьев В. На меня смотрит вся Россия. Опасные гастроли IC3PEAK // Интернет-газета «Коммерсант». 04.12.2018. URL: <https://zona.media/online/2018/12/04/ic3pek-tour> (дата обращения: 25.08.2019).

Сидорова Е. Использование мультиmodalного текста при изучении эмоциональной речи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 145–149.

D.V. Moryakova

Student of Philological Faculty
Perm State University

MULTIMEDIA ELEMENTS IN RUSSIAN INTERNET REPORT

The article is devoted to the characteristics of technological and functional features of multimedia elements in the Russian's Internet media reports. We consider reports from RT, Euronews, Medusa, RIA Novosti and Mediazona. The concept of multimodal text is the methodological reference point of the study.

Keywords: report; multimedia; Internet media; media technologies; media formats.

Евгения Денисовна Нечаева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
evg.nechaeva98@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

В статье представлены результаты исследования текстов экстремистской направленности в социальной сети «ВКонтакте». В работе выделяются особенности экстремистских проявлений и формы их выражения, содержатся предположения о возможном негативном влиянии данного контента на интернет-пользователя.

Ключевые слова: социальная сеть; экстремизм; экстремистский контент; языковые и содержательные особенности экстремистского контента.

Известно, что возможности интернет-ресурсов растут с такой скоростью, что системы контроля просто не успевают приспособиться к ним. По мнению директора ФСБ А.В. Бортникова, именно через социальные сети ведется идеологически направленная вербовка пользователей, через них установлена работа по привлечению новых сторонников экстремистских идей [А.В. Бортников, 2019]. В результате молниеносного развития информационно-коммуникационных технологий препятствовать экстремизму в социальных сетях становится все сложнее. Правоохранительные органы используют активные профилактические методы для предупреждения экстремизма в Интернете, но, к сожалению, проблема распространения экстремизма до сих пор актуальна. Как отмечает В. Гладышев, важнейшей чертой социальных сетей является высокий уровень интерактивности, при котором скорость обмена контентом и скорость общения зачастую не уступают общению вне сети [В. Гладышев, 2013], из чего можно сделать вывод о сложности своевременного обнаружения недопустимого контента.

Самым распространенным и популярным интернет-ресурсом в России является социальная сеть «ВКонтакте», по статистическим данным, в среднем эту площадку посещает до 70 млн. человек в сутки, именно поэтому ее контент требует особого внимания и изучения. Цель нашего исследования заключается в выявлении содержательных и языковых особенностей потенциально экстремистских материалов.

Для выявления особенностей экстремистского контента во ВКонтакте были отобраны материалы двух потенциально опасных сообществ. Аудитория анализируемых сообществ превышает 1,5 тысячи человек, из которых 80% участников составляют мужчины в возрасте младше 25 лет. В период наблюдения за группами прирост участников составлял 1-2 человека в сутки.

Охват просмотров каждой записи в сообществе варьируется в пределах тысячи. Следовательно, анализируемые интернет-сообщества пользуются популярностью среди молодежи.

Исследуемые группы на март 2019 г. в целом имели 565 записей, для качественного анализа было выбрано 93 текста, содержащих потенциально экстремистские материалы. Основной темой исследуемых сообществ является национализм: анализ контента показал, что преобладающее большинство записей касалось вопросов превосходства одной нации над другой, вопросов чистоты крови и рода. Отобранные материалы были условно разделены на три тематические группы: 1) Чистота и превосходство крови, народа; 2) Негативное отношение к структурам власти, политической системе; 3) Пропаганда и оправдание экстремизма, терроризма, насилия, агрессии.

Иллюстрациями поведенческих установок, которые пропагандируются в текстах первой группы, могут служить следующие высказывания: *«Белые люди лучшие небелых в умственной и физической форме»*; *«Метисация тяжчайшее преступление, не заводи детей с людьми не твоей расы»*. *«Небелые и низкая рождаемость угрожают белым»*; *«Происхождение обязывает»*; *«Человечество обязано всем, что имеет нордической расе»*.

Примерами пропагандируемых установок текстов второй группы стали следующие высказывания: *«В России наступает настоящий ад»*; *«Ваша жизнь ничего не стоит для государства и действующей власти»*; *«Государство использует Патриотизм в своих корыстных целях, чтобы манипулировать нацией»*; *«Они на нас плевали, псы системы защищают только интересы власти. Прав человека в России нет! Закона нет! НИ@УЯ НЕТ»*.

В ходе исследования особое внимание было уделено третьей группе материалов, так как в них была выявлена информация, содержащая призывы к насилию, агрессии, а также пропагандирующая экстремизм, что оказывает наиболее сильное воздействие на молодого интернет-пользователя. Приведенные ниже высказывания служат доказательством пропаганды установок текстов третьей группы: *«23 апреля родился величайший террорист одиночка»*; *«Единственный выход, как уже выше упоминалось – бунт»*; *«Не бойтесь быть агрессивными»*; *«Не бойтесь убить! Никогда нельзя думать о том, что грозит за убийство»*; *«Ненависть к нелюдям естественна и оправдана»*.

Содержательные особенности исследуемых материалов находят выражение в использовании определенных языковых средств: глаголов в императивной форме, местоимения «мы», эмоционально-оценочных слов, сравнительных оборотов и развернутой метафоры.

К морфологическим языковым средствам исследуемых текстов можно отнести высокую частотность использования глаголов в императивной форме, например: *«Будь свободным»*; *«Не склоняйся»*; *«Не сдавайся»*; *«Действуй»*; *«Протестуй, сражайся»*; *«Сойди в могилу гордым»*; *«Будь готов умереть»*; *«Не мирись с участью раба»*; *«Посвяти жизнь расе»*; *«Пойди и купи оружие»*; *«Поднимайте народ»*; *«Присоединяйся к нам»*; *«Стань берсерком»*; *«Дорожи*

расовым обликом, **не заводи** детей с людьми не твоей рас»; «**Не позволяй** чужакам»; «**Призирай** любые законы»; «**Не бойтесь** убить». Представленные примеры свидетельствуют об отражении в них радикальных взглядах в исследуемом материале. Глаголы в императивной форме несут особую опасность, поскольку указывают адресату как поступать в той или иной ситуации.

Нередко авторы интернет-текстов обращаются к аудитории посредством использования местоимения «**мы**», например: «**Вместе мы** изменим Россию»; «**Вместо поддержки Мы** получаем только гнобление»; «Если **мы** не выйдем на улицы – это будет конец нашему народу»; «**Мы** должны сохранить существование нашего народа»; «**Мы** должны стать новым поколением»; «**Мы** истинно знаем что национализм, это спасение для белых»; «**Мы** считаем, что белые люди должны сохранять своё большинство». По мнению И.Ю. Граневой использование местоимения «**мы**» насильственно включает адресата в круг людей, разделяющих некое мнение, которое сам адресат, может быть, и не разделяет [И.Ю. Гранева, 2010].

К лексическим языковым средствам анализируемых текстов относятся **эмоционально-оценочные слова**, например: «**Белые люди лучше** небелых в умственной и физической деятельности»; «**В наше время красота и честь** давно сгнили, а **молодых героев** закрывают в застенки на долгие и пожизненные сроки»; «**В России картина тоже безрадостна**»; «**Из оставшихся белых, половина – алкоголики, наркоманы, расовые предатели**»; «**Расы не равны**»; «**Что мы видим сегодня – это позор**». Эмоционально-оценочные слова в экстремистском тексте – это действенный способ манипуляции. При этом адресат не будет осознавать того, что он является объектом речевого манипулирования.

К синтаксическим особенностям исследуемых текстовых материалов относится использование выразительных средств языка, например **сравнительного оборота**: «**Расисты любят свою расу, как** какой-нибудь патриот своё государство»; «**Если вы будете стоять на месте, вас зарежут как барана**».

Одним из выразительных текстовых приемов анализируемых материалов выступает использование в тексте **развернутой метафоры**, например: «**В оружии** твоя жизнь»; «**Вы находитесь на территории войны, где линия фронта, это кольцо вокруг вас и с каждым днем оно сужается все больше и больше**»; «**Только из анархии и революции может восстать новая Белая Раса**»; «**Тьма над нашим Отечеством сгущается**». Использование подобных метафор создает атмосферу напряженности, тревожности, активизирует адресата, побуждает его к борьбе.

Исходя из вышесказанного, отметим, что экстремистские материалы подразумевают призывы к убийству, избиению, а также выселению представителей определенной национальности, вероисповедания и социальной группы. Информационный экстремизм представляет реальную угрозу информационной безопасности и стабильному существованию общества в

коммуникационной системе. Анализируемый контент можно считать экстремистским, поскольку материалы содержат пропаганду и публичное оправдание экстремизма, призывы к насилию, возбуждающие социальную и национальную рознь. Выделенные языковые особенности способны оказывать влияние на своего адресата, сформировать определенное внутреннее убеждение или же посредством хорошо спланированной манипуляции принудить адресата выполнить определенные действия.

Список литературы

ФСБ считает социальные сети рассадником экстремизма URL: <https://russian.rt.com/inotv/2013-06-11/FSB-schitaet-socialnie-seti-rassadnikom> (дата обращения: 26.03.2019).

Гладышев В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-instrument-dlya-propagandy-ekstremizma> (дата обращения: 25.03.2019)

Гранева И.Ю. Местоимения «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира. Нижний Новгород, 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mestoimение-my-kak-sredstvo-ideologicheskikh-manipulyatsiy-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 27.03.2019).

N.E Denisovna

Student of Philological Faculty

Perm State University

FEATURES OF EXTREMIST CONTENT (BASED ON THE ANALYSIS OF TEXTS FROM VKONTAKTE SOCIAL NETWORK)

The article presents an empirical study of extremist manifestations in the social network VKontakte. The analysis is based on the selection of publications in VKontakte groups containing potentially extremist content. The work highlights the features of extremist manifestations and the forms of its expression. Assumptions about the possible negative impact of this content on the reader are expressed in the article.

Keywords: social network; extremism; extremist content; features of extremist content.

Дарья Сергеевна Шорина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shds_98@mail.ru

ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье представлены результаты анализа интернет-текстов, в которых освещается актуальное событие общественно-политической жизни современной России – пенсионная реформа 2018 года. В докладе рассматриваются содержательные и композиционные особенности анализируемых текстов, приемы и языковые средства психологического воздействия на интернет-пользователей. В работе приводится характеристика факторов, которые способствуют оказанию на интернет-пользователей программируемого психологического воздействия.

Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация; психологическое воздействие; коммуникативные стратегии; речевые тактики.

В современном мире активно развиваются информационные технологии, которые создают новые возможности для обмена информацией и доведения ее до широких масс. Исследователи все чаще обращаются к анализу политической коммуникации посредством Интернета [Белкин 1999: 195-201; Войнов 2007], так как существует множество политических информационных ресурсов (сайты представителей власти и ее органов, персональные блоги государственных и политических деятелей, новостные сайты и СМИ и т.д.), на которых размещается различного рода контент. Несмотря на это, особенности психологического воздействия на интернет-пользователей в политической коммуникации до сих пор остаются наименее исследованной областью с лингвистической точки зрения.

Цель данной работы заключается в выявлении приемов и языковых средств психологического воздействия на интернет-пользователей в политической-коммуникации. Материалом для исследования послужили 85 текстов государственных и политических деятелей, посвященных актуальной политической ситуации, размещенных на сайтах социальных сетей и новостных ресурсов («ВКонтакте» **vk.com**, «Twitter» **twitter.com**, «Instagram» **instagram.com**, «ТАСС» **tass.ru**, «Интерфакс» **interfax.ru**). Психологическое воздействие направлено, по-видимому, на трудоспособное население и пенсионеров РФ.

В анализируемых интернет-текстах рассматривается актуальное событие общественно-политической жизни современной России – пенсионная реформа 2018 года. Приведем краткое описание этой политической ситуации. 3 октября 2018 года Президент РФ подписал документ о постепенном повышении пенсионного возраста. Законопроект вызвал колоссальный резонанс в обществе. На фоне обсуждений в городах России проходили массовые уличные протесты против

реформы, предпринимались попытки организовать референдум, звучали требования ликвидации Пенсионного фонда РФ и т.д. Кроме того, в социальных сетях создавались видеоролики, инфографики, опросы, в которых люди выступали против пенсионной реформы. Так, например, хештег «#противпенсионнойреформы» набрал в то время небывалую популярность в социальных сетях. По данным опроса, проведенного исследовательским холдингом «Ромир», 90% российских граждан выступают против данного законопроекта.

В работе были изучены приемы и средства психологического воздействия, применяемые в интернет-текстах. Для их систематизации была использована концепция коммуникативных стратегий и тактик О.Н. Паршиной [Паршина 2005]. На наш взгляд, данная классификация, разработанная применительно к анализу современного российского политического дискурса, может способствовать изучению типов стратегий и тактик, реализованных в исследуемых нами интернет-текстах. В политическом дискурсе под стратегией понимается «мотивированная последовательность приемов с целью эффективного воздействия на сознание людей в качестве инструментов борьбы за власть» [Прокопенко 2016]. Вслед за О.Н. Паршиной под коммуникативной тактикой мы будем понимать «выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии» [Паршина 2005: 22].

В результате анализа интернет-текстов были выявлены следующие наиболее частотные коммуникативные стратегии и тактики: информационно-интерпретационная стратегия, реализующаяся в тактиках признания существования проблемы, тактике акцентирования положительной информации и тактике указания на путь решения проблемы, аргументативная стратегия, проявляющаяся в тактике указания на перспективу и тактике иллюстрирования. Дадим краткую характеристику названных речевых стратегий и тактик.

Информационно-интерпретационная стратегия реализуется через тактику признания существования проблемы. Для того чтобы обосновать необходимость повышения пенсионного возраста в стране, общественно-политические деятели обозначают проблемы, которые можно решить с помощью пенсионной реформы. В качестве примеров приведем следующие фрагменты из интернет-текстов (здесь и далее правописание источника сохранено):

а) «Из-за демографической ямы на рынке труда появились первые признаки дефицита кадров, численность рабочей силы в России сокращается, значит, и плательщиков в пенсионные фонды становится меньше (ТАСС 2018); б) <...> возникающую из-за неблагоприятных демографических тенденций проблему дефицита кадров<...> (ТАСС 2018); в) <...> сейчас 35 млн пенсионеров, по старости в 2040-е при неизменности возраста будет 55 млн. Число работающих при этом несколько сократится» (Собчак 2018).

Представленные выше тексты показывают, что государственные и политические деятели не боятся прямо обозначать проблемы, существующие в стране, для того чтобы осведомить о существующем положении в этой сфере граждан РФ.

Однако обозначить проблему не всегда бывает достаточно, требуется предложить решение. В рамках тактики указания пути решения проблемы партийные лидеры намечают изменения, которых ждет народ, например:

а) «Меры по здравоохранению, которые мы будем принимать, меры в области образования, повышения квалификации, новые профессии, совершенно новое качество труда дают возможность иметь большую продолжительность жизни (ТАСС 2018); б) Одновременно с пенсионной реформой будет проводиться реформа социальной системы, направленная на повышение качества жизни населения (ТАСС 2018); в) Роструду, например, будет поручено устранять все проявления ограничений при приеме на работу возрастных сотрудников. Доход от работы всегда выше пенсии. Люди хотят работать после 60 лет, наша задача – обеспечить им достойные условия для жизни» (Единая Россия 2018).

Приведенные текстовые фрагменты свидетельствуют, на наш взгляд, о следующем: политики пытаются нейтрализовать негативное отношение населения к пенсионной реформе, сформировать чувство доверия к себе и дать надежду на лучшее будущее.

Для того чтобы показать преимущества данного законопроекта, общественно-политические деятели используют тактику акцентирования положительной информации. Проиллюстрируем данное утверждение следующими текстовыми фрагментами:

а) «Для тех, кто будет выходить в переходном периоде, у них тоже пенсия будет расти такими же темпами, как заложено сейчас для пенсионеров (ТАСС 2018); б) Самое главное, что нужно знать о предлагаемых сегодня изменениях: они не затронут нынешних пенсионеров, а благодаря программе увеличения трудоспособного возраста их пенсии будут расти ориентировочно на 1000 рублей в год (Медведев 2018); в) Увеличение пенсионного возраста позволит увеличивать размер пенсий неработающим пенсионерам на 1000 рублей в год» (Единая Россия 2018).

Приведенные выше фрагменты текстов, на наш взгляд, ориентированы на психологическое воздействие на интернет-пользователей. Партийные лидеры, учитывая настроение в обществе, уровень финансового обеспечения пенсионеров, пытаются уменьшить эмоциональное напряжение в стране.

Помимо представленной выше информационно-интерпретационной стратегии, общественно-политические деятели часто прибегают к использованию в интернет-текстах аргументативной стратегии. О.Н. Паршина определяет аргументацию как «средство убеждения, имеющее речевую форму выражения и апеллирующее к мыслительным способностям адресата и его личностным ценностям» [Паршина 2005]. Данная стратегия реализована тактиками указания на перспективу и иллюстрирования.

Тактика указания на перспективу используется при попытке политического деятеля предложить решение или спрогнозировать результат развития реформы, предсказать, как будут развиваться события в будущем. В качестве иллюстрации приведем следующие фрагменты из интернет-текстов:

а) «Мы либо сейчас постепенно повышаем возраст либо через 5-10 лет сразу обвалью (Собчак 2018); б) Откладывать эту реформу тоже нельзя, потому что чем дальше мы откладываем, тем больше трудностей будет возникать у нашего государства и общества (ТАСС 2018); в) И, если не предпринимать никаких мер, не получится сохранить доходы сегодняшних и будущих пенсионеров» (ТАСС 2018).

Представленные выше тексты показывают, что политические деятели, информируя граждан РФ о негативной перспективе развития событий, вероятно, хотят усилить убеждающее воздействие, для того чтобы интернет-пользователи поняли, что без принятия данной реформы экономическая ситуация в стране ухудшится.

Кроме того, в анализируемых текстах используется тактика иллюстрирования, для того чтобы убедить интернет-пользователей в том, что существуют и положительные стороны принятия законопроекта, например:

а) «<...> пополнение бюджета в результате пенсионной реформы будет постепенным – в первые годы эффект может превысить 100 млрд рублей (ТАСС 2018); б) Я немножко поработаю и тоже стану пенсионером. Женщины в 55 лет рожают детей. Это норма. (ТАСС 2018); в) На программу переобучения в 2018-2024 годы планируется потратить 31,6 миллиарда рублей, в том числе 30 миллиардов рублей из федерального бюджета» (МЕДУЗА 2018).

В приведенных выше фрагментах интернет-текстов используются примеры, статистические данные, которые, на наш взгляд, являются наиболее убедительными средствами воздействия, так как интернет-пользователь не может проверить достоверность данной информации, но его привлекают «огромные» цифры или удивительные факты.

В заключение отметим, что все выявленные в процессе анализа стратегии и тактики были нацелены на изменение в положительную сторону отношения интернет-пользователя к пенсионной реформе 2018 года. Результаты нашего исследования интернет-текстов свидетельствуют о том, что, используя в отношении интернет-пользователей самый широкий спектр разнообразных приемов и языковых средств психологического воздействия наряду с разъяснениями ситуации, выступлением Президента РФ и т.д., общественно-политические деятели сумели добиться существенного снижения напряжения, вызванного повышением пенсионного возраста и частичного принятия данного законопроекта в обществе. Кроме того, можно предположить, что учет авторами анализируемых интернет-текстов таких экстралингвистических факторов, как характер актуальной политической ситуации, уровень осведомленности интернет-пользователей в вопросах современной политики, их установки и ценности и т.д., способствует оказанию на целевую аудиторию программируемого психологического воздействия.

Список литературы:

Белкин. С. Интернет и власть/С. Белкин, В. Воронин, С. Устименко// Власть. 1999. №9. С.195–201.

Войнов Д.А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической жизни России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.

Дмитрий Медведев [персональная страница] URL: <https://clck.ru/GL2WP> (дата обращения: 10.03.2019).

Единая Россия [официальная страница]. URL: <https://clck.ru/GL2Tq> (дата обращения: 10.03.2019).

Ксения Собчак [персональная страница] URL: <https://clck.ru/GL2RA> (дата обращения: 10.03.2019).

МЕДУЗА [официальный сайт]. URL: <https://clck.ru/GL2b7> (дата обращения: 10.03.2019).

Паришина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

Прокопенко Е.С. Тактики как способ вербализации коммуникативных стратегий в американском политическом дискурсе // Огарёв-Online. – 2016, №6 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-kak-sposob-verbalizatsii-kommunikativnyh-strategiy-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 21.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5299366> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5276687> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5292889> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5348554> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5377090> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5381584> (дата обращения: 10.03.2019).

TACC. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5568128> (дата обращения: 10.03.2019).

D.S. Shorina

Student of Philological Faculty

Perm State University

**RECEPTIONS AND MEANS OF PSYCHOLOGICAL IMPACT ON THE INTERNET
USERS IN POLITICAL COMMUNICATION**

The article presents the results of the analysis of Internet texts, which highlight the current event of the social and political life of modern Russia – the pension reform 2018. The content and compositional features of the analyzed texts, the techniques and language means of psychological impact on Internet users are discussed in the article. The paper describes the factors that contribute to the provision of programmable psychological effects on Internet users.

Key words: political discourse; Internet communication; psychological impact; communication strategies; speech tactics.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 070.19+374

Жанна Олеговна Канкасова
бакалавр филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
zhanna.kankasova@mail.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ ПЕРМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ ПУТЕЙ

В работе представлены результаты исследования, в котором изучен опыт работы медиаобразовательных проектов г. Перми на примере творческого объединения «Арт-журналистика» и школьной газеты «Перемена-Пермь». Обобщение опыта медиаобразовательной работы в сфере дополнительного образования и оценки ее эффективности проводится на материале интервью с руководителями медиаобъединений, опроса участников и их творческих работ. Для решения некоторых проблем, выявленных в результате проведенного анализа, разработана авторская программа мастер-класса для школьников «Как создать сильный текст?».

Ключевые слова: медиаобразование школьников; эффективность; медиаобразовательный проект; ювентильное СМИ; качество текста; литературное редактирование.

Медиаобразование призвано обеспечить надежную коммуникацию школьников с информационным миром, включающим в себя определённые медиатехнологии и медиарынок. По мнению московских авторов Т.И. Фроловой и А.Ю. Образцовой, *«школьники указывают, что на собственное медиапотребление не остается времени; часто они ощущают недостаток знаний в области медиа, хотя нередко пользуются Интернетом и традиционными СМИ при подготовке к урокам, хотели бы иметь больше знаний в этой области»* [Фролова, Образцова 2017: 67]. Задачи медиаобразования заключаются как в подготовке учащихся к восприятию информации и её обработке, так и в использовании полученных профессиональных навыков для взаимодействия с коммуникативной средой.

Главным способом построения аудио-, теле- и визуальной коммуникации у современных школьников является участие в создании медиапродукта (газеты, радиовыпусков и т.д.), то есть реализация проектной деятельности. Проектная деятельность школьников выступает важным средством их самовыражения, формирования как личности, развития познавательной активности. В медиаобразовательных проектах реализуется исследовательская деятельность учащихся, направленная на получение и освоение знаний о медиакультуре

[Фатеева 2007, Чельшева 2016]. При реализации медиаобразовательного проекта каждый учащийся должен определить свою роль. Он может стать редактором, корреспондентом, дизайнером и т.д. Привлечение всех участников к творческому процессу является подготовкой к командной работе, а также способствует развитию их профессиональных навыков.

В г. Перми создание и реализация медиаобразовательных проектов для школьников – распространенная форма дополнительного образования [Косолапова 2014]. Среди наиболее известных медиаплощадок можно назвать автономную некоммерческую организацию «Юнпресс-Пермь»; образовательную программу музея современного искусства «PERMM» «ЗАПАРТой: пермские школьники о современном искусстве»; образовательную программу «Молодежная школа журналистики» Регионального института непрерывного образования ПГНИУ; форум детских и молодёжных СМИ «Точка отрыва»; фестиваль школьной и электронной прессы «Золотое перо» и др. Этот опыт заслуживает внимания и требует изучения. Наиболее подробно остановимся на образовательных программах творческого объединения «Арт-журналистика» и проектах школьной газеты «Перемена-Пермь», которые обладают современным практическим подходом к изучению медийного пространства города.

Материалами исследования стали следующие источники:

- ответные листы анкеты в количестве 65 штук;
- интервью с руководителями медиаобразовательных проектов Маргаритой Горбуновой и Натальей Хановой;
- выпуски газеты «Перемена-Пермь» за 2014 и 2018 гг.;
- публикации учащихся «Творческого объединения «Арт-журналистика»;
- арт-проекты «Радужная зебра» и «Войны не будет, когда все скажут «Нет», выполненные участниками объединения в рамках образовательной программы «ЗАПАРТой» при сотрудничестве с Музеем современного искусства «PERMM»;
- лонгриды участников проекта «Символ эпохи»: «Эпоха 1950-х» (гимназия № 31), «Эпоха 1960-х» (гимназия № 5), «Эпоха 1980-х» (школа № 37), «Эпоха 1980-х (лицей № 2), «Эпоха 1990-х (лицей № 4);
- наградные документы, полученные участниками на краевом фестивале школьной, электронной и печатной прессы «Золотое перо» (24 дипломов учащихся «Творческого объединения»).

Цель проведенного исследования направлена на обобщение опыта и оценку эффективности медиаобразовательной работы в сфере дополнительного образования, разработку и реализацию собственного медиаобразовательного проекта.

В результате анализа материалов исследования выявлены положительные результаты медиаобразовательной работы творческого объединения «Арт-журналистика» и газеты «Перемена-Пермь», на основании которых сформирован перечень параметров эффективности:

1. *Приобретение и совершенствование профессиональных навыков журналиста*: почти все участники опроса (92 %) отметили эффективность работы медиаобразовательных проектов. Остальные 8 % затруднились ответить, указывая, что газета и объединение пользуются популярностью только в узком кругу.

2. Значительное количество участников проектов (более половины) получают или *хотят получить гуманитарное образование*.

3. Каждый участник медиаобразовательного проекта имеет *три и более публикаций в своём портфолио*.

Вместе с тем по результатам анкетирования школьников были выявлены недостатки в работе творческого объединения «Арт-журналистика» и газеты «Перемена-Пермь»:

1. Учащиеся при написании своей работы используют *интернет как основной источник информации* (60 %); лишь 22 % получают информацию от самих очевидцев, 10 % – из книг, 2 % – из СМИ, 2 % – используют мнения экспертов, 4 % – затруднились ответить.

2. Свои основные проблемы участники медиаобразовательных проектов видят в связи с *написанием медиатекста*, отмечая наличие *избыточной информации* (45 %), *нарушение логики* (20 %) и *речевые, орфографические ошибки* (35 %).

Выявленные недостатки стали основным объектом внимания при разработке программы мастер-класса для школьников «Как создать сильный текст?». Целью этого медиаобразовательного проекта является обучение школьников созданию качественного медиатекста для реализации коллективного проекта «Символ эпохи». Методологическую основу мастер-класса составили статья Н.М. Дагаевой [Дагаева 2014: 61-63] и пособие для начинающих журналистов М. Ильяхова и Л. Сарычевой «Пиши, сокращай» [Ильяхов, Сарычева 2017].

Совершенствование навыков создания медиатекста проводилось по следующим разделам: вводные конструкции, стоп-слова, оценки, усилители оценки, паразиты времени, штампы, канцеляризм, формализм, заумное.

Мастер-класс «Как создать сильный текст?» был проведён 24.04.2019 года в Доме учителя (г. Пермь, ул. Сибирская, 12) в рамках коллективного проекта «Символ эпохи», его участниками стали 15 учащихся средних общеобразовательных учреждений (школы № 37, гимназий № 5 и № 31, лицеев № 2 и № 4 г. Перми). Результатом работы школьников в проекте «Символ эпохи» стало создание лонгридов. Медиатексты к лонгридам школьники написали во время мастер-класса.

Для оценки эффективности проведённого мастер-класса был проведён опрос участников. Положительные оценки формализовались по следующим параметрам:

1. Все участники опроса отметили, что в результате проведения мастер-класса они приобрели *начальные навыки создания и редактирования медиатекстов*. В ответах на вопрос анкеты участники мастер-класса писали:

«Это намного облегчило мою работу, сделало её грамотнее».

2. 90 процентов учащихся стали увереннее писать журналистские тексты.

3. Большинство участников опроса (87 %) отмечают, что знания, полученные во время мастер-класса, будут полезны в работе, и желают продолжить дальнейшее обучение в таком формате.

Из ответов участников выделены перспективные темы, приемы и форматы для проведения мастер-классов. С учетом пожеланий, которые юные журналисты сформулировали в ответах на вопросы анкеты, и выявленных трудностей, сопровождающих школьников в журналистской практике, составлен список актуальных медиаобразовательных задач:

1. Обучить юных журналистов основным приемам редактирования интервью (пожелание высказали 80 % опрошенных).

2. Уделить больше учебных часов изучению приемов литературного редактирования медиатекстов.

3. Для наиболее эффективного результата обучения использовать приемы интерактивности в работе с учащимися.

Для решения перечисленных задач необходимо уточнить и расширить программы мастер-классов. Изучение во время мастер-классов востребованных школьниками тем актуализирует проблему качества журналистской работы и усиливает мотивацию юных журналистов к овладению журналистскими навыками и повышению собственной грамотности. Полагаем, что результаты анализа работы творческого объединения «Арт-журналистика» и школьной газеты «Перемена-Пермь» могут быть использованы для повышения эффективности программ по медиаобразованию школьников.

Список литературы

Дагаева Н.М. Повышение языковых компетенций школьников в системе занятий кружка «Мастерская журналиста» // Эксперимент и инновации в школе. 2014. Вып. 4. С. 61-63.

Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши, сокращай. М.: Альпина Паблишер, 2017. 440 с.

Косолапова Д.И. Дети и подростки как сотрудники редакций ювенильных СМИ // Медиаальманах. 2014. № 5 (64). С. 46-52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22543139>. (дата обращения: 15.03.19).

Фатеева И.А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации: монография. Челябинск, 2007. С. 270.

Фролова Т.И., Образцова А.Ю. Медиаграмотность школьников в оценке учителей и родителей: результаты исследования // Вестник Московского университета. 2017. Вып. 4. С. 58-77.

Чельшьева И.В. Современные стратегии развития отечественной медиапрактики: создание проектов на материале медиакультуры // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. Вып. 2. С. 5-7.

Z.O. Kankasova

Bachelor Student of Philological Faculty

Perm State University

**MEDIA EDUCATION OF PUPILS IN PERM:
TO SEARCH FOR EFFECTIVE WAYS**

Annotation: the paper presents the results of studying the experience of media educational projects in Perm on the example of the creative Association "Art journalism" and the school newspaper "Peremena-Perm". Summarizing the experience of media educational work in the field of additional education and assessing its effectiveness is carried out on the materials of interviews with the heads of media associations, a survey of participants and their creative works. To solve the problems identified as a result of the analysis, the author developed a master class program for students «How to create an impressive text? ».

Key words: media education of pupils; efficiency; media educational project; juvenile media; text quality; literary editing.

Яна Александровна Охонина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
yanaa9696@gmail.com

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена актуальной для профессионального педагогического общения проблеме речевого воздействия на обучаемых. Раскрывается сущность реализуемых в ходе педагогического общения распространенных стратегий воздействия. В статье предпринимается попытка проанализировать речевые приемы, с помощью которых учитель осуществляет педагогическое воздействие на обучаемых. Материалом анализа послужила видеозапись открытого урока русского языка, размещенная на видеохостинговом сайте YouTube.

Ключевые слова: педагогическое воздействие; речевое воздействие; педагогическое общение; стратегии педагогического воздействия, речевые приемы.

Согласно ФГОС ВО, одним из основных требований к студенту, будущему педагогу, является сформированность его коммуникативной компетентности, от которой зависит эффективность не только педагогического общения, но и всего образовательного процесса. Речь учителя можно рассматривать как средство разрешения многих профессиональных задач. Воздействуя на учащихся, педагог вооружает их новыми знаниями, помогает сформировать необходимые умения и навыки, а также способствует всестороннему развитию школьника. Все знания и умения передаются от учителя к учащемуся в живом и непосредственном общении, поэтому важным для педагогов и методистов является изучение специфики педагогического общения, воздействия и взаимодействия. Этим обусловлена актуальность выбранной темы.

Объектом рассмотрения в рамках данной статьи послужил процесс педагогического общения на уроке русского языка в средней школе, предметом – применяемые учителем приемы речевого воздействия. Нашей задачей явилось описание приемов речевого воздействия, используемых учителем на уроке русского языка в современной школе, а также определение их роли в организации процесса усвоения нового материала на уроке. В ходе подготовки статьи мы использовали методы анализа литературы по теме исследования, а также анализ речевого материала (видеозаписи открытого урока русского языка в 6 классе на тему «Разряды прилагательных по значению»), размещенного на видеохостинговом сайте YouTube [Конкурс: открытый урок русского языка в 6 классе].

И.А. Стернин, ученый, обосновавший концепцию речевого воздействия как новой современной науки об эффективном общении, считает, что речевое воздействие – это «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин 2013: 45]. Ученый говорит о двух

аспектах речевого воздействия: *вербальном* и *невербальном*. При вербальном речевом воздействии имеет значение речевая форма выражения мысли, а также ее громкость, интонация, а также *что, когда и кому* мы говорим. Невербальное воздействие организуется при помощи несловесных средств, сопровождающих речь (жестов, мимики, дистанции до собеседника и т.д.). Правильно построенное вербальное и невербальное воздействие обеспечивает эффективность общения.

Г.А. Ковалев выделяет три стратегии психологического воздействия, которые имеют широкое распространение в общественной, в том числе педагогической практике. *Стратегия императивного воздействия* (основными ее функциями являются «функции контроля поведения и установок человека, их подкрепления и направления в нужное русло, а также функция принуждения по отношению к объекту воздействий» [Ковалев 1987: 42]). Эта стратегия менее всего пригодна для педагогической практики, так как воздействие, осуществляемое без учета состояния, а также условий коммуникации, может привести к обратным и даже отрицательным последствиям.

Вторая стратегия – *манипулятивная* – основывается на проникновении в механизмы психики человека и использовании знаний в целях воздействия. Эту стратегию применяют для формирования общественного мнения, например, в сфере рекламы, а иногда и в педагогической практике.

Третья стратегия – *развивающая*, основанная на субъект-субъектном подходе. Психологическим условием реализации такой стратегии Г.А. Ковалев считает диалог, а также «эмоциональную и личностную открытость партнеров по общению, психологический настрой на актуальные состояния друг друга, доверительность и искренность выражения чувств и состояний» [Ковалев 1987: 46]. Именно такой стратегии должно быть отдано предпочтение в педагогической практике, поскольку она способствует развитию субъектности ребенка, которая, в свою очередь, является важным условием становления личности.

Б.С. Волков выделяет следующие виды педагогического воздействия: *просьба, объяснение, команда, приказ, объяснение, внушение* [Волков 2015]. Некоторые ученые занимаются исследованием педагогического воздействия в русле генристики. Так, Е.Н. Суханкина изучала *требования и замечания* как речевые жанры педагогического взаимодействия-воздействия, в результате чего разработала экспериментально проверенную методику обучения студентов умению использовать эти жанры в педагогической деятельности [Суханкина 2007].

Каждый из видов педагогического воздействия реализуется с помощью тех или иных речевых способов и приемов. Выбор подходящего способа зависит от целей и задач, которые ставит перед собой учитель. Особенностью анализируемого урока стало преобладание в речи учителя средств положительного речевого воздействия на учащихся, главным из которых является использование высказываний, принадлежащих к оценочным речевым жанрам в форме *похвалы, ободрения и одобрения*. Они служат для стимулирования учебно-познавательной деятельности школьников, формирования положительной мотивации, управления этой деятельностью. Для положительной характеристики учащихся учитель очень часто использует оценочные имена существительные,

такие как «солнышко», «молодец», «умница», «чудо» и т.д. Приведем некоторые примеры: «*Можете мне сказать, что такое прилагательное? Соня. (Отвечает). Маш, продолжай. (Отвечает). Замечательно. Так, еще... Лера. (Отвечает). Умница, в предложении является определением*»; «*Родион, солнце, справился? Молодец*»; «*Поднимите руку, кто еще будет работать над морфологическим разбором? Умницы. Все справились*»; «*А если окончание убрать, есть еще какие-то варианты? Любаш? (Ответ) Да ты моя умница!*».

В материалах урока встретились также оценочные высказывания с использованием измененных фразеологических конструкций: «*Какой у вас мудрый женский коллектив, сколько Софий! (улыбается)*»; «*Вот, смотрите, это уже речь не мальчика, а мужа. Смотрите, как четко и уверенно*».

Часто учитель использует уменьшительно-ласкательную форму имени либо ласковое обращение в целом: «*Катюша, у тебя какое было прилагательное?*»; «*Чей это вопрос «как»? Мы разве можем такой вопрос задать? Это вообще вопрос наречия, Соня говорит. Поэтому какой вопрос будет? Любаш? Ну, какой вопрос, Настенька?*»; «*Тема, отдавай тетраточку*»; «*Деточки мои, у кого 5ки, ручки поднимите*».

Уменьшительно-ласкательная форма употребляется не только в обращении к отдельным учащимся по имени, но и пронизывает всю речь учителя (при объяснении материала, актуализации знаний, подведении итогов и т.д.): «*Давайте откроем тетраточки и запишем сегодняшнее число*»; «*Тогда давайте, чтобы видно было, что вы сейчас проверяете – карандашики в руки возьмите*»; «*Еще одна подсказочка, детишки, именно эти прилагательные могут употребляться со словом «очень». Давайте его запишем под циферкой 3. Ну-ка, попробуем...*»

На наш взгляд, результатом применения названных приемов является следующее: ученик старается быть таким, каким его видит учитель, т.е. хочет оправдать надежды педагога, что благоприятно сказывается на учебной деятельности в целом. Кроме этого, создается эффект доверительного общения учителя с классом, дети перестают испытывать страх при ответе.

Часто в своей речи учитель использует высказывания, включающие глагол в форме изъявительного наклонения настоящего или будущего времени 1л. мн.ч., чтобы снять побудительный характер высказывания и подчеркнуть совместность действий учителя и класса: «*Откроем тетраточки и запишем сегодняшнее число*»; «*Пока пишем тему, давайте сразу думать, что знаем, а что нам совершенно неизвестно*».

Так как важной задачей учителя является побуждение ученика к выполнению определенного задания, то он часто использует прием создания положительной мотивации. Например: «*У нас сегодня с вами немного необычный урок, и я надеюсь, что мы с вами очень хорошо поработаем, чтобы показать, в какой мы школе учимся и какие мы молодцы*» или «*Я предлагаю вам поработать сегодня так, чтобы у вас за морфологический разбор точно были пятерки!*». Благодаря этому приему побуждение к деятельности становится более разнообразным, и у учащихся появляется дополнительный стимул выполнить учебную задачу.

Еще одним приемом, который использует учитель для побуждения учащихся к выполнению какого-либо действия или задания, является повтор, который сопровождается усилением интонации: *«Давайте откроем тетрадки и запишем сегодняшнее число. Восемнадцатое сегодня января, и тема сегодняшнего урока «Разряды прилагательных по значению. Восемнадцатое января, и тема урока «Разряды прилагательных по значению»; «А можете мне сказать, что такое прилагательное? Что такое прилагательное?»; «Тетрадочками поменялись. Тетрадочками поменялись. Итак, тетрадочками поменялись».*

В процессе учебной деятельности учащиеся могут допускать ошибки, и задачей учителя является не прямое исправление этой ошибки, а такое косвенное указание на нее, в результате которого ученик сам сможет осознать ошибку и исправить ее самостоятельно. Такой способ исправления является наиболее эффективным. При анализе материала мы встретились со следующим примером реализации этого приема: проходя между рядами и обнаружив ошибку у одного из учеников, учитель возвращается к доске, указывает на тему урока и обращается к ученику со словами: *«Солнце, сможешь объяснить мне, почему в слове прилагательное корень лаг? (Ответ). Та-ак, а почему я тебя спросила? (Ученик понимает, что допущена ошибка). Увидел?».*

Таким образом, важным для учителя профессиональным умением является умение выбирать и применять необходимые приемы педагогического воздействия, которые будут уместны в той или иной учебно-речевой ситуации, в отношении детей той или иной возрастной группы. В ходе рассмотрения материала были выделены такие речевые приемы воздействия, как *использование положительных оценочных высказываний, уменьшительно-ласкательных форм слов, смягчение императивности высказывания, повторы.* Учитель использует также выражения, передающие *положительную мотивацию* для побуждения ученика к выполнению учебного действия и др. На наш взгляд, учитель сознательно выбирает развивающую стратегию воздействия, которая основана на эмоциональной и личностной открытости, а также доверительности и искренности в выражении чувств и состояний.

Материал, представленный в статье, позволяет описать лишь часть палитры речевых средств и приемов педагогического воздействия. Тем не менее, он показывает перспективы изучения данного вопроса. Продолжение работы мы видим в сборе и последующем анализе аутентичного речевого материала на различных видах уроков русского языка. Мы уверены, что изучение и описание приемов речевого воздействия в педагогическом общении имеет большое практическое значение: оно позволяет совершенствовать общение учителя и ученика и тем самым благоприятно влиять на педагогический процесс в целом. Конечной целью наших наблюдений является составление методических рекомендаций, которые могут быть использованы в подготовке будущих учителей-словесников.

Список литературы

Волков Б.С. Психология педагогического общения: учебник для бакалавров // Б.С. Волков, Н.В. Волкова, Е.А. Орлова; под общ. ред. Б.С. Волкова. М.: Издательство Юрайт, 2015. 333 с.

Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. / Вопросы психологии. 1987, №3. С.41-49.

Конкурс: открытый урок русского языка в 6 классе. 2016. [видеозапись] // YouTube. (2016, январь 19) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=01PJ054QQQE> (дата обращения: 11.03.2019).

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.

Суханкина Е.Н. Требование и замечание как речевые жанры педагогического взаимодействия-воздействия : автореф. дисс. ... канд. педагог. наук : 13.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007. 24 с.

Yana A. Okhonina

Master student of the Faculty of Philology
Perm State National Research University

SPEECH TECHNIQUES OF PEDAGOGICAL INFLUENCE

The article is devoted to the issue of speech influence on students, which is relevant for professional pedagogical communication. The widespread influence strategies essence realizing in the course of pedagogical communication is revealed. The article attempts to analyze the specific speech techniques by which the teacher builds pedagogical impact on students. The material of the analysis was a video of an open lesson of the Russian language, posted on the YouTube video hosting site.

Key words: pedagogical influence; speech influence; pedagogical communication; strategies of pedagogical influence, speech techniques.

Елена Николаевна Ужегова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
uen-110@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-Х КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена проблемам преподавания функциональной стилистики в школе. По мнению автора, уровень стилистических знаний учеников влияет на формирование коммуникативной компетентности школьников. Обосновывается необходимость создания пособий нового поколения, качественного изменения основ преподавания стилистики, введения современных методик обучения. Приведены примеры применения современных методик обучения стилистике в 5 классах МАОУ «Лицей №10» г. Перми.

Ключевые слова: коммуникация, стилистика, компетентностный и системно-деятельностный подходы, коммуникативная компетентность.

Действующий Федеральный государственный образовательный стандарт особое место отводит формированию коммуникативной компетенции учащихся основной школы.

Следовательно, важнейшей методической целью при изучении русского языка и литературы в основной школе является формирование у обучающихся навыка связной речи на заданную тему, умения свободно и точно излагать свои мысли. Задача учителя – развить у обучаемых способности использовать весь спектр допустимых в конкретной ситуации языковых средств. Стремлением оценить уровень овладения именно этими компетенциями обусловлено введение в итоговую аттестацию школьников по русскому языку устной части экзамена.

Важно отметить, что учитель-словесник, помимо необходимости исполнять регламентирующие положения руководящих документов, обязан ответить на существующий в обществе объективный запрос на развитие у ребенка умения полноценно и эффективно взаимодействовать с другими членами общества. Еще А.А. Леонтьев, занимавшийся изучением теории общения, полагал, что для полноценного речевого общения необходимо уметь произвольно и осознанно варьировать выбор и сочетание речевых операций (навыков) в зависимости от того, с какой целью, в какой ситуации, с каким собеседником происходит это общение. Когда человек на это способен, он обладает сформированным коммуникативно-речевым умением. Это означает сформированность умения выбрать стиль речи исходя из коммуникативной задачи, подчинить форму речевого высказывания цели общения, использовать самые эффективные для данной речевой ситуации средства языка. Кроме того, А.А. Леонтьев отмечал, что речевые навыки по своей природе механичны.

Коммуникативно-речевые умения, в отличие от них, носят творческий характер, т.к. условия общения никогда не повторяются полностью и каждый раз человек вынужден подбирать нужные языковые средства. Следовательно, и приемы обучения коммуникативно-речевым навыкам должны отличаться от приемов обучения речевым навыкам [Леонтьев 2003: 116].

Общеизвестно, что основным научным направлением, изучающим возможности использования языковых ресурсов русского языка для решения задач наиболее эффективного достижения целей общения, является функциональная стилистика. Стилль должен быть таким, чтобы использованные в нем средства и их организация давали необходимый эффект, то есть наилучшим образом обслуживали соответствующие им сферы человеческой деятельности [Кожина 1977: 87]. По мнению Е.А. Столяровой, стилистика – наука о высоком уровне речевой культуры [Столярова 2004: 6].

Итак, школьникам необходимо освоить основы стилистики русского языка. Действующие учебно-методические комплексы (УМК) включают темы, посвященные этому разделу языкознания. Так, в УМК Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др. (традиционная система обучения русскому языку в 5-6 классах) стилистический материал включен в разделы, связанные с культурой речи [Ладыженская 2012: 149–168]; УМК по русскому языку под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта, для которого характерно углубленное изучение тем, связанных с развитием речи, в 5 классе включает раздел «Развитие речи» [Разумовская 2015: 18–22, 58–55, 129–137, 195–207, 237–246, 268–280]; в 6 классе содержит раздел «Стили речи» [Разумовская 2016: 68–80]. По УМК Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, Л.Ю. Комиссаровой, И.В. Текучёвой, Н.А. Исаевой, являющемуся частью развивающей образовательной системы «Школа 2100», в 5 классе школьники изучают нейтральные и стилистически окрашенные слова, разговорный, художественный и научный стиль [Бунеев 2016: 204–224], в 6 классе знакомятся с книжной лексикой и официально-деловым стилем [Бунеев 2012: 71–78].

Казалось бы, необходимые условия формирования коммуникативной компетенции соблюдены, соответствующий материал для изучения в школьном курсе предусмотрен. Однако практика показывает, что старшие школьники, пройдя курс обучения в основной школе, зачастую оказываются неспособными даже на самом элементарном уровне выразить свои мысли, продуктивно и качественно выстроить общение, не говоря уже об использовании богатейшего потенциала разнообразных средств русского языка, использовании приемов художественной выразительности, создании ярких и информативно насыщенных высказываний.

Для выяснения причин этого явления необходимо более детально изучить содержание систематического курса и подходы к его преподаванию в основной общей школе. Анализируя содержание теоретических материалов и практических упражнений, предлагаемых учащимся в период школьного обучения, мы видим, что преподавание русского языка ведется с позиций структурного подхода. Школьники постепенно осваивают различные уровни языковой системы (фонетический,

орфоэпический графический, морфемный, орфографический, морфологический, синтаксический). При этом отсутствует функциональный подход к изучению языковых единиц, который отражал бы роль, функцию тех или иных речевых средств, используемых в различных ситуациях человеческого общения. В результате же реализации только структурного, системного подхода к изучению русского языка дети, в лучшем случае, усваивают эту систему (синтагматические и парадигматические отношения между языковыми единицами). Иногда даже этого не происходит – запоминаются лишь отдельные ее компоненты. В результате подростки знают язык (именно как систему), но не умеют эффективно применять его в условиях конкретной речевой ситуации для достижения актуальной в данный момент цели. Более того, они не осознают широчайшие возможности языка для построения эффективного общения, которые имеются в рамках языковой системы; не дифференцируют лингвистические инструменты в зависимости от особенностей речевой ситуации.

Данное наблюдение подтверждается внимательным изучением действующих в настоящее время школьных программ и УМК. Так, в УМК Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др. сведения о стилистике по сути «растворены» в материале, касающемся культуры речи [Ладыженская 2012: 149–168].

УМК по русскому языку под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта для 5 класса содержит в себе три параграфа (из ста девяти!) и три часа в течение учебного года (при общем количестве отведенных на изучение русского языка 170/204 часов!) на изучение стилистических вопросов [Разумовская 2015: 219–137].

В УМК Р.Н. Бунеева, Е.В. Бунеевой, Л.Ю. Комиссаровой, И.В. Текучёвой, Н.А. Исаевой для 5 класса стилистическим темам посвящено шесть учебных часов [Бунеев 2016: 204–224].

При таком объеме учебного времени изучение основ стилистики осуществляется не систематически (в течение учебного года изучаются особенности одного – двух стилей), крайне эпизодически выполняются практические задания. Как следствие – коммуникативная некомпетентность целого поколения.

На наш взгляд, вышеперечисленные трудности могут быть преодолены при условии изменения ракурса языкового обучения: необходимо обеспечить изучение русского языка с акцентом на его стилистические возможности, а главное, на его практическое использование. Систему подачи теоретического материала предлагается осуществлять на основе системно-деятельностного подхода, при котором материал не транслируется учителем, а «добывается» учениками в ходе их познавательной деятельности, особым образом организованной учителем.

В частности, для развития ассоциативного, образного мышления после изучения уровней языка учащимся предлагается изобразить языковую систему в виде этажей, расположенных друг над другом. Когда образ языковой системы будет представлен учениками, предлагаем поразмышлять над тем, какое место в получившемся здании займет стилистика. В ходе рассуждения школьники самостоятельно приходят к выводу, сделанному в прошлом столетии

выдающимся лингвистом Г.О. Винокуром относительно объекта стилистики: «Объект стилистики – единицы языковой системы всех уровней (звука, слова, их формы, словосочетания, предложения), то есть язык изучается по всему разрезу его структуры сразу» [Винокур 1959: 183].

Общепринятый подход к изучению функциональных стилей предполагает постепенное изучение каждого из стилей на протяжении трёх учебных лет. Так, в учебнике под ред. М.М. Разумовской для пятого класса только обозначается понятие речевой ситуации, а также предлагается разграничение речи на разговорную и книжную, последняя разделяется на художественную и научно-деловую. Понятие «стили» упоминается только однажды [Разумовская 2016: 129–135]. Такой подход не способствует формированию у обучающегося целостного представления о системе функциональных стилей. На наш взгляд, целесообразно сообщать слушателям (разумеется, с учетом их возрастных характеристик, на максимально доступном для их понимания уровне) обзорную, но полную информацию о целостной системе функциональных стилей.

Практика показывает, что названия пяти функциональных стилей, а также их основные особенности даже учениками пятых классов усваиваются и на теоретическом, и на практическом уровне достаточно успешно.

Результативность усвоения учебного материала существенно возрастает при условии использования интерактивных (например, микрогрупповых) форм работы. Для изучения системы функциональных стилей в пятом классе нами успешно используется методика «мозаичного класса». Согласно этой методике, ученики являются членами постоянной рабочей группы, каждый получает свое уникальное задание: изучить теоретический материал об одном определенном стиле речи. На подготовительном этапе работы каждый становится экспертом по своему вопросу. Например, первый ученик готовит сообщение для своей постоянной группы по теме «Особенности официально-делового стиля», второй готовится охарактеризовать научный стиль и т.д. Особенность технологии в том, что на этом этапе подготовки эксперты объединяются в экспертные временные группы. В рамках этих групп происходит обсуждение только одного общего для всех экспертов временной группы вопроса, выполнения общих упражнений. В условиях так необходимой детям устной речевой деятельности и обмена информацией (взаимообучения) осуществляется активный поиск решения. Важным моментом в работе является возвращение экспертов в свои постоянные группы и представление остальным участникам детально изученного экспертной группой вопроса, проведение микротренинга, дача пояснений по непонятным аспектам темы. Таким образом, буквально каждый ученик получает возможность максимально эффективного практического коммуникативного тренинга, построенного на глубоком изучении теоретического лингвистического материала. Вся же группа совместно усваивает объемный, но посильный учебный материал.

Дальнейшая работа по формированию стилистической грамотности школьников становится эффективнее в результате применения кейс-технологии. Это современная образовательная технология, в основе которой лежит анализ

определённой проблемной ситуации. Кейс-технология объединяет в себе одновременно и ролевые игры, и метод проектов, и ситуативный анализ. Результативность ее объясняется тем, что учитель в условиях кейс-обучения уже не «носитель объективного знания», а консультант, эксперт, организатор самостоятельной деятельности учеников по активному поиску нового. Фактически учитель создает условия, развивающую среду, в которой становится возможным работа каждого учащегося с учетом уровня развития его интеллектуальных и прочих способностей по формированию определенных компетенций, в процессе реализации им своих интересов и желаний, приложенных усилий, принятия на себя ответственности и осуществления действий в направлении поставленных целей.

Приведем в качестве примера фрагмент урока, на котором ученики 5 класса МАОУ «Лицея № 10» г. Перми изучали особенности официально-делового стиля:

1 этап. Выявление вопроса, решение которого значимо для учеников в реальной жизни

Учитель:

– Ребята, вы прочитали книгу А. Жвалевского, Е. Пастернак «Я хочу в школу». Её герои, желая преобразовать свою школу и превратить её в самую лучшую школу, заняли активную позицию. Я предлагаю и вам последовать их примеру. Обсудите в группах, какие изменения надо внедрить в жизнь, чтобы наш лицей стал самой лучшей школой для каждого ученика.

Ученики работают в группах, обсуждают предложения и составляют их перечень.

– Я вижу, что вы отлично поработали. Представьте, пожалуйста, свои предложения одноклассникам.

Представление предложений группами.

2 этап. Формулирование проблемы

– Вы предложили отличные варианты, выберите, пожалуйста, самое интересное для всех предложение.

Ученики:

– Нам хотелось бы провести развлекательное мероприятие для всех классов параллели, например, самостоятельно организовать дискотеку.

Учитель:

– Замечательная идея! Принимаем её в работу. Что нужно сделать, чтобы мероприятие состоялось?

Ученики:

– Надо получить разрешение на проведение дискотеки у директора школы.

Учитель:

– Каким образом можно его получить, если администрация лицея располагается в другом корпусе?

Ученики:

– Мы можем написать письмо директору и изложить нашу просьбу.

Учитель:

– Какой стиль нужно будет использовать при написании этого письма?

Ученики:

– Этот вопрос относится к сфере деловых отношений, значит, нужно использовать официально-деловой стиль.

Учитель:

– Но вы не знаете, как оформить это обращение? Как же быть?

Ученики:

– Мы можем найти разные деловые бумаги и проанализировать их, а затем составить свое письмо.

3 этап. Практическая работа в группах по исследованию и анализу речевых особенностей различных деловых документов (используются примеры различных документов, подготовленные учителем: заявление, докладная, служебная записка, план мероприятия, объяснительная).

1 группа получает задание проанализировать и выявить лексические особенности документов.

2 группа должна проанализировать и выявить морфологические особенности представленных образцов.

3 группа анализирует синтаксические особенности документов.

4 группа анализирует особенности оформления разных видов бумаг.

5 группа делает выводы о возможности использования этикетных оборотов речи.

4 этап. Обобщение результатов исследований. Оформление продукта деятельности.

Представление ученическими группами результатов работы

Учитель:

– Ребята, вы провели совместную работу по разностороннему изучению деловых бумаг. Вы готовы грамотно составить своё обращение?

Ученики:

– Выслушав друг друга, мы получили всю необходимую информацию и теперь готовы оформить свое предложение о проведении дискотеки заявлением директору лицея.

Учитель:

– Очень хорошо, тогда дома каждый из вас составит свой вариант заявления, а на следующем уроке вы совместно выберете лучший, и именно его мы направим руководству школы. Уверена, что ваше обращение администрация поддержит, и мероприятие состоится. Буду рада и сама принять в нём участие.

Представленный вариант работы по изучению характеристик официально-делового стиля учитывает возрастные особенности обучающихся: их потребность в самопознании, самооценке, самоопределении, самовоспитании, в психологической и эмоциональной независимости, достижении определенного социального статуса, стремление к самостоятельности, к выстраиванию взаимоотношений с противоположным полом. Наиболее эффективным способом учебной деятельности становится такое взаимодействие с подростками, которое учитывает желание успеха и основано на уважении их чувства взрослости и

самостоятельности, чувства справедливости, их потребности во внимании, признании и уважении личности.

Мы понимаем, что для изменения общего подхода к преподаванию русского языка в школе, активизации внимания к стилистическим его аспектам необходимы значительные усилия всего лингвистического сообщества. Однако мы убеждены, что только переход к интерактивным формам работы, наполнение системы упражнений материалом, отражающим реальные ситуации речевого общения, смогут обеспечить максимальную эффективность педагогической деятельности, а каждый учитель будет вооружен методическим инструментарием и окажется в силах помочь ребенку развить себя как творческую, культурную личность.

Список литературы

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 207–226.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: уч. пособ. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.

Русский язык. 5 класс: учебник. Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцовой и др.; под науч. ред. Н.М. Шанского. М.: Просвещение, 2012. 192 с.

Русский язык. 5 класс: учебник. Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Комиссарова Л.Ю., Текучёва И.В., Исаева Н.А.; под науч. ред. акад. РАО Леонтьева А.А. М.: БАЛАСС, 2016. 256 с.

Русский язык. 5 класс: учебник. М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2015. 317 с.

Русский язык. 6 класс: учебник. М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2016. 335 с.

Столярова Е.Н. Современный русский язык и культура речи: конспект лекций. М.: Приор-издат, 2004. 128 с.

E.N. Uzhegova

Master student of the Faculty of Philology

Perm State National Research University

STUDY OF OFFICIAL-BUSINESS STYLE DURING THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AT 5-TH CLASSES OF SECONDARY SCHOOL

The article is devoted to the problems of teaching functional style in school. In authors opinion the level of students stylistic knowledge affects the formation of communicative competence of students. It is impossible to solve this problem without the creation of a new generation of manuals, qualitative changes in the basics of teaching, implementation of modern teaching methods. Examples of application of modern methods of teaching at 5-th classes of Perm Lyceum №10 are given in the article.

Key words: communication, stylistics, competence and system-activity approaches, communicative competence.

Мария Александровна Чупина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
chupina_maria@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования интерактивных технологий обучения русскому языку и литературе в современном мультикультурном пространстве школы. Проблема обучения школьников в условиях развивающейся мультикультурности находится сегодня в центре внимания исследователей. Вызовы современного общества приводят к формированию мультикультурного образовательного пространства в современной школе. Особую роль в обучении русскому языку и литературе и одновременном преодолении межкультурного разобщения играют интерактивные образовательные технологии, которые позволяют учителю сделать акцент на понимании и взаимопонимании в процессе обучения.

Ключевые слова: интерактивные технологии; литература; мультикультурное пространство; обучение; русский язык; школа.

Актуальность исследования особенностей мультикультурного пространства образовательного учреждения определяется реалиями социально-педагогической ситуации, характеризующейся социальной, межнациональной отчужденностью и маргинализацией детей. Одновременно возникают проблемы адаптации подрастающего поколения к новым социокультурным ценностям. В этих условиях усиливается значимость культурологической составляющей гуманистического личностно ориентированного образования по разработке содержательных основ мультикультурного пространства современной школы как среды педагогической поддержки личности учащегося.

Русский язык и русскую речь, вслед за Г.М. Первой, М.В. Масловой и И.А. Павлиновой, мы будем рассматривать как систему «духовно-нравственного уклада родного этноса», как социокультурную «ценность народной жизни» [Первова 2017: 11].

Федеральные государственные образовательные стандарты ориентируют нас, в том числе на выделяемые Т.В. Наумовой, Е.В. Губанихиной и О.А. Зиновенко:

– «необходимость сбережения и формирования культурного многообразия, языкового достояния многонационального этноса Российской Федерации;

– возможность каждого гражданина страны изучать родной язык и получить начальное общее образование;

– овладение культурой и духовными ценностями многонационального народа России» [Наумова 2015].

Согласно тем же Федеральным государственным образовательным стандартам, как подчеркивают З.П. Ларских, И.Г. Алмазова, С.Н. Числова и О.С. Швекова, использование инновационных интерактивных технологий «ведет к формированию учебных умений и универсальных учебных действий учащихся самостоятельно добывать новые знания, работать с информацией, делать выводы и умозаключения, сотрудничать, устанавливать коммуникации» [Ларских 2017: 126]. Последнее особенно важно в мультикультурной среде.

В основе интерактивных технологий обучения лежат концепции диалога культур Бахтина-Библера, в них обосновывается идея всеобщности диалога – основы человеческого сознания. С.Л. Новолодская поясняет, что если «в традиционной дидактике основой любой технологии обучения считается объяснение», то «в интерактивном обучении упор сделан на понимании и взаимопонимании» [Новолодская 2015: 69], что также приобретает особое значение в мультикультурном пространстве.

Как отмечают Г. Ражабалиева и Г.А. Ашурбаева, интерактивные технологии «развивают, совершенствуют познавательные, умственные и творческие способности детей» [Ражабалиева 2014: 159]. А по мнению И.А. Кулиш, интерактивные технологии могут применяться также «для повышения речевой культуры учащихся» [Кулиш 2013: 115].

То есть в процессе изучения предметов «Русский язык» и «Литература» в современной мультикультурной среде можно не менее эффективно, чем в монокультурной среде, использовать интерактивные технологии, которые включают в себя **интерактивные упражнения и задания**. Приведем примеры некоторых из них.

1. Выполнение творческих заданий. При реализации данной формы работы ученик сам находит ответ на вопрос или решение ситуационной проблемы – это способствует произвольному запоминанию. Например, *учебная цель*: нахождение и понимание фразеологизмов. *Задание*: написать сказку с использованием заданного количества (или определенного перечня) фразеологизмов.

2. Работа в малых группах. Использование этой формы работы на уроках дает возможность включить в деятельность всех учащихся. Стеснительным детям микрогрупповая работа помогает адаптироваться. Например, *учебная цель*: отработка орфограммы «Буквы *e* и *и* в приставках *не-* и *ни-* в отрицательных наречиях». *Задание*: группы поочередно отвечают на вопросы по данной теме.

3. Дискуссия. Как интерактивная форма работы дискуссия может представать на уроке в виде эвристической беседы. При реализации этой формы работы учащиеся обмениваются своими вариантами решения определенной проблемы. Допустим, *учебная цель*: написать эссе по приведенному литературному или публицистическому отрывку. Дискуссия может быть посвящена разбору содержания отрывков и определению возможных вариантов эссе.

4. Обучающие игры. Игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением [Окунева 2015: 31]. В обучающие игры входят ролевые и деловые игры. Ролевая игра – игра с заранее распределенными ролями с целью овладения поведенческой стороной жизненной ситуации. Деловая игра – игра, которая стимулирует активность учащегося (например, мозговой штурм) и моделирует возможные ситуации, связанные с выполнением каких-либо профессиональных действий. Например, необходимо выполнить *задания*: объяснить пропущенные орфограммы, изученные в 5 классе; угадать слова по их лексическому толкованию; объяснить значения слов в паронимических парах. В ходе выполнения заданий ученики не только повторяют учебный материал, но и активизируют мыслительную деятельность, расширяют свой кругозор. Поэтому форма организации работы может быть игровой: лингвистический КВН (класс делится на команды, каждая группа получает карточки с заданиями).

5. Социальные проекты и другие внеучебные формы работы. К ним относятся создание фильмов, участие в социальных проектах, организация выставок. Использование этих форм работы также способствует расширению кругозора учащегося. Например, учителем определена *учебная цель*: создать виртуальный музей лингвистических словарей. Работа проводится поэтапно: сначала осуществляется сбор материала, затем производится перенос его на электронный носитель и, наконец, происходит размещение в музейном пространстве.

6. Обсуждение сложных и дискуссионных вопросов и проблем. В качестве основы для организации учебной работы в этой форме может быть использована ПОПС-формула – это российский вариант технологии, разработанной профессором права Д. Маккойдом-Мэйсоном из ЮАР. Рассуждение ученика строится по следующей схеме: П – позиция, О – обоснование, П – пример, С – следствие. К примеру, *учебная цель*: проанализировать понятие «культура речи». *Задание*: ответить на вопрос «Почему нужно учиться говорить правильно?» Ученики выстраивают свое выступление, так или иначе касаясь содержания понятия «культура речи».

7. Лекция-беседа. Лекция-беседа оценивается методистами как одна из простых форм вовлечения учащихся в работу. До начала лекции учитель может поставить перед учениками специальные вопросы, ответы на которые предполагается дать в процессе лекции. Иногда лекция открывается небольшим видеофильмом или роликом, отражающим какую-либо ситуацию, которой посвящена лекция. Например, *учебная цель*: знакомство учащихся с публицистическим функциональным стилем. Учитель может предложить следующие *задания*: 1. Прочитайте тексты разной стилевой принадлежности. 2. Определите особенности их композиции. 3. Опишите языковые особенности. Затем учитель предлагает ученикам ответить на *вопросы*: 1. Какие функциональные стили вы знаете? 2. Что такое публицистика? 3. Какие, по вашему мнению, бывают жанры публицистики? 4. Какие различия вы нашли в

построении текстов? 5. Как проявились языковые особенности проанализированных вами текстов?

8. Кейс-метод. Использование кейс-технологии предполагает анализ ситуации, поэтапную разработку решения проблемы. Кейсы базируются либо на реальном фактическом материале, либо на материале, приближенном к нему. Например, *учебная цель*: проработать материал по теме «Орфоэпия» и составить итоговый кейс с заданиями для учеников параллельного класса. Ученики должны обсудить задание, решить предложенные учителем ситуации и включить в содержание кейса диалоги с ошибками в произношении.

Из рассмотренных интерактивных технологий была выбрана игровая технология, с использованием которой был разработан и проведен квест по модели игры «Дозор» для учащихся 5а класса МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №1» г. Перми по предмету «Литература» на тему «Сказки А.С. Пушкина». Количество учащихся – 30 человек, представляющие три национальности. Класс был разделен на пять команд по шесть человек в каждой.

Игра «Дозор» – это командная приключенческая игра, представляющая собой квест (англ. quest – «поиски»). В ходе игры необходимо выполнять разнообразные задания и находить написанные на различных поверхностях (или узнавать у агентов) коды, состоящие из букв и цифр. Задание нужно выполнять последовательно, то есть, пока не разгадана первая часть задания, переходить к следующей бессмысленно. После текста задания в скобках обычно приводится так называемый код высоты: 0 – код нужно искать на уровне пола или высоту, на которой расположен код, невозможно определить (например, если код нужно узнать у агента), 1 – код расположен примерно на высоте 1 м от пола и т. д. Код высоты также может означать этаж образовательного учреждения, на котором нужно искать код: 1 – первый, 2 – второй и т. д. Коды обычно написаны черным перманентным маркером на бумажном скотче. После того, как код найден, команда получает следующее задание. Побеждает команда, которая первая выполнила все задания.

Приведем примеры заданий.

1. В одной из сказок А.С. Пушкина этот предмет был в приданом (2).

Ответ: Зеркало. Код расположен на зеркале, находящемся на втором этаже школы.

2. Полное имя героини сказки «Жених» + имя Пушкина. «Книга» + «хранилище» (греч.) (0).

Ответ: Библиотекарь Наталья Александровна – агент, который знает код.

3. Вид пшеницы, которой поп кормил Балду. Это пароль. «Записная книжка» (англ.) (0).

Ответ: Полба. Код записан в заархивированном файле Word, архив защищен паролем и находится в ноутбуке учителя, пароль – «полба».

4. Сколько богатырей было в «Сказке о царе Салтане»? Коровина (1).

Ответ: 33. Код написан на странице 33 учебника литературы (автор – В.Я. Коровина и др.), находящегося на столе учителя (на высоте около 1 м).

5. Сват приехал, царь дал слово,

А приданое готово...

* торговых городов

Да ? теремов.

* + ? = #. 8 9 1 2 8 8 # 2 5 (0).

Ответ: $7 + 140 = 147$. 89128814725 (телефон заместителя директора Ольги Викторовны) – агент, который знает код.

По итогам проведения занятия можно сделать вывод о том, что в применении интерактивных технологий на уроках русского языка и литературы в ситуации мультикультурного образования существуют определенные проблемы.

Первая – вовлечение учащихся в работу. В учебную деятельность должны быть вовлечены в той или иной мере все участники (ученики), независимо от принадлежности к той или иной культуре. Для этого сама технология должна предполагать наличие заданий или ролей для всех участников работы.

Вторая – психологическая готовность учеников к интерактивной работе. Учителю необходимо позаботиться о психологической подготовке всех участников. Речь идет о том, что не все пришедшие на урок психологически готовы к непосредственному включению в те или иные формы работы. Сказывается закрепощенность, скованность поведения, различие культур. В этой связи полезны разминки, постоянное поощрение учеников за активное участие в работе, предоставление возможности для самореализации ученика.

Третья проблема – количество учащихся. Обучающихся не должно быть много (не более 30 человек). Только при этом условии возможна продуктивная работа в малых группах в мультикультурной среде. Важно, чтобы каждый был услышан, чтобы у каждого в группе была возможность высказать мнение по обсуждаемому вопросу. Вопросы процедуры и регламента нужно обсуждать в самом начале занятия и постараться не нарушать их. Например, важно договориться о том, что все участники будут терпимы к любой высказываемой точке зрения, будут уважать право каждого на свободу слова. Деление участников на группы лучше построить на основе добровольности. Можно воспользоваться принципом случайного выбора.

Одним из главных условий достижения успеха в интеракции, особенно в мультикультурной среде, является выбор соответствующего стиля общения учителя с учениками. Он меняет функцию информатора, контролера на функцию консультанта, модератора дискуссии, направляет, поддерживает учащихся, помогает им достичь успеха.

Таким образом, применение интерактивных технологий в мультикультурном пространстве современной школы не только возможно, но и крайне желательно. Главной целью применения интерактивных форм работы на уроках русского языка и литературы является развитие инициативности обучаемых в учебном процессе. Основной новацией для педагога в данном случае является освоение им позиции партнера-помощника, консультанта, арбитра в споре. Ход и результат обучения приобретает личную значимость для всех участников процесса и позволяет развить у обучаемых способность самостоятельного решения учебных и личностных проблем.

Список литературы

Кулиш И. А. Использование интерактивных технологий на уроках русского языка в начальной школе как средство формирования познавательного интереса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. №10. С. 111–118.

Ларских З. П., Алмазова И. Г., Числова С. Н., Швекова О. С. Проблемы реализации инновационных интерактивных технологий в начальном образовании // Казанский педагогический журнал. 2017. №1. С. 123–128.

Наумова Т. В., Губанихина Е. В., Зиновенко О. А. Информационно-коммуникационные технологии в мультикультурном образовании младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2 (часть 2) URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22114> (дата обращения: 05.07.2019).

Новолодская С. Л. Интерактивные технологии в поликультурном образовании // Alma mater. 2015. №7. С. 69–73.

Окунева Н. Ф. Использование ИКТ на уроках русского языка и литературы // Школьная педагогика. 2015. №2. С. 30–32.

Первова Г. М., Маслова М. В., Павлинова И. А. Актуальные подходы к изучению русского языка в школе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 2. С. 5–14.

Ражабалиева Г., Ашурбаева Г. А. Использование интерактивных технологий на уроках русского языка // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. №2. С. 159–163.

M.A. Chupina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE MULTICULTURAL SPACE OF MODERN SCHOOL

The article deals with the actual problems of using interactive technologies of teaching Russian language and literature in the modern multicultural space of the school. The problem of teaching students in the context of developing multiculturalism is now in the spotlight of researchers. The challenges of modern society lead to the formation of a multicultural educational space in a modern school. Interactive educational technologies play a special role in teaching Russian language and literature and simultaneously overcoming intercultural dissociation, which allow the teacher to focus on understanding and mutual understanding in the learning process.

Key words: interactive technologies; literature; multicultural space; education; Russian language; school.

МЕТАФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

УДК 882

Валерия Витальевна Мусихина,
студент факультета социальных коммуникаций и филологии
Глазовский государственный педагогический
институт имени В.Г. Короленко

Анна Юрьевна Сутягина
магистрант Института удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
Удмуртский государственный университет
natnik50@rambler.ru

ВКР ПО КОРОЛЕНКОВЕДЕНИЮ В ГЛАЗОВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (К 80-ЛЕТИЮ ВУЗА ИМЕНИ В.Г. КОРОЛЕНКО)

Глазовский государственный педагогический институт – старейший вуз Удмуртской Республики. С 1946 года он носит имя писателя В.Г. Короленко, биографически связанного с регионом. Изучение жизни и творчества этого автора началось в институте в 1970-х годах под руководством основателя глазовской научной школы профессора А.Г. Татаринцева, активно привлекавшего к научному поиску студенчество. Эта традиция ученого продолжается. В статье дается обзор проблематики и методов исследования в выпускных квалификационных работах по короленковедению, выполненных студентами Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко с 1970-х годов по настоящее время, анализируется значимость роли научных руководителей в приобщении выпускников-филологов к научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: русская литература; В.Г. Короленко; выпускная квалификационная работа; Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко.

В.Г. Короленко – писатель, отбывавший в студенческие годы политическую ссылку в городе Глазове (1879), участвовавший в защите удмуртов в известном Мултанском деле (1892-1896), автор, благодаря которому Удмуртия и ее жители вошли в русскую литературу [Закирова 2007]. Изучение наследия писателя-правозащитника в городе Глазове имеет свои традиции [Закирова, Захаров, Мусихина, Софронова 2011]. Сложившаяся в ГГПИ с 1970-х гг. под руководством профессора А.Г. Татаринцева научная школа короленковедения включает в свой состав преподавателей института, глазовских учителей-словесников, историков, краеведов, работников музеев, библиотек и студентов. В системе НИРС помимо работы в спецкурсах, спецсеминарах, научном кружке (проблемной группе), участия в разного уровня конференциях, конкурсах, форумах, фестивалях студенты выполняют курсовые и дипломные работы.

Начиная с 1976 г., когда была успешно защищена первая дипломная работа на тему «Г.И. Успенский и В.Г. Короленко» (автор – Ю.Г. Гуцин, научный руководитель – профессор А.Г. Татаринцев, рецензент – член Союза

журналистов СССР А.В. Храбровицкий), короленковская проблематика остается одной из ключевых в исследованиях выпускников филологического факультета ГГПИ (ныне факультет социальных коммуникаций и филологии – СКиФ).

Приведенные ниже сводные сведения отражают конкретную тематику, исполнителей и руководителей выпускных квалификационных работ по литературе за последние десятилетия по хронологии (Таблица 1).

Таблица 1.

Ф.И.О. студента	Тема 2000/2001 уч. г.	Ф.И.О. руководителя
Волкова Е.А.	Л.Н. Толстой и В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
Червякова Н.А. Гущина А.Ю. Гузик Н.В. Захарова Л.Н.	Эпитеты в творчестве В.Г. Короленко Цветопись в творчестве В.Г. Короленко и А.П. Чехова В.Г. Короленко – литературный критик Записные книжки В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова Ю.Г. Гущин Ю.Г. Гущин
2002/ 2003 уч. г.		
Горбушина О.Н.	Н.В. Гоголь в восприятии В.Г. Короленко.	Н.Н. Закирова
Назарова Е.Р. Булатова Е.И.	В.Г. Короленко и А.М. Горький. Ранний В.Г. Короленко: проблема творческой эволюции	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова
2003/ 2004 уч. г.		
Нелюбина Н.Л.	В.Г. Короленко и И.С. Тургенев. Сравнительный анализ «Сибирских очерков» и «Записок охотника»	С.И. Софронова
Васильева М.Н.	«Система жанров В.Г. Короленко»	Н.Н. Закирова
Фертикова К.А.	Проблема детства в творчестве В.Г. Короленко и А.П. Чехова	Н.Н. Закирова
Чернышова А.А.	Прием сна в русской литературе XIX века	Н.Н. Закирова
Дюкина Д.Р.	Народность творчества В.Г. Короленко.	Н.Н. Закирова
Шмырина А.М.	М.Е. Салтыков-Щедрин и В.Г. Короленко (проблема литературных связей)	Н.Н. Закирова
2004/ 2005 уч. г.		
Сидорова М.А.	Тема детства в творчестве русских писателей	С.И. Софронова
Матушкина М.С.	В.Г. Короленко и А.П. Чехов	Н.Н. Закирова
2005/ 2006 уч. г.		
Носкова Н.А.	Тема детства в русской литературе XIX века	С.И. Софронова
Хохрякова М.А.	Научно-методическое наследие А.Г. Татаринцева	Н.Н. Закирова
Осипова О.Е.	Вятский край в творчестве русских писателей	Н.Н. Закирова
Булдаков В.Б.	Русская литература в оценке западноевропейской критики	С.Я. Пашкова
2006/ 2007 уч. г.		
Головкова Е. С.	Жанр рождественского расск в русской литературе и творчестве Г.Х. Андерсена.	С.Я. Пашкова
Князева О.А.	Лиризм творчества В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
Поздеева Е.В.	Народные типы в творчестве В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
2007/ 2008 уч. г.		
Лекомцева Е.Л.	Тип «маленького человека» в русской прозе XIX века (от А.С. Пушкина до В.Г. Короленко)	Н.Н. Закирова
Конькова К.И.	Ф.М. Достоевский и В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова

Черенева Н.Н.	Типология русского реализма (В.Г. Короленко, А.П. Чехов, В.М. Гаршин)	Н.Н. Закирова
2010/ 2011 уч. г.		
Чайникова О. Н.	В. Короленко и А. Грин: типология литературных связей	Н.Н. Закирова
Максимова О.В. Телегин А.А. Матвеева Т.Ю. Никифорова Д.Л.	Проблема детства в творчестве В.Г. Короленко В.Г. Короленко – литературный критик и публицист Детский мир и образы детей в творчестве Ч. Диккенса и В. Короленко Русская поэзия в восприятии В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова С.Я. Пашкова Н.Н. Закирова
2011/ 2012 уч. г.		
Брылова М.Н. Волкова И.М. Брылова М.Н. Доп. спец. англ. яз	В.Г. Короленко в зарубежной критике И.С. Тургенев и В.Г. Короленко В.Г. Короленко в западно-европейской культуре.	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова, В.М. Широких
2012/ 2013 уч. г.		
Никитина В.Э.	Русские революционеры-демократы в восприятии В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
2013/ 2014 уч. г.		
Лекомцев А.А.	Н.В. Гоголь и В.Г. Короленко в компаративистском аспекте	Н.Н. Закирова
2014/ 2015 уч. г.		
Елькина М.А.	Местнографизм художественного наследия Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
2015/ 2016 уч. г.		
Мильчакова Н.А.	Пейзаж в творчестве В.Г. Короленко	Н.Н. Закирова
2016/ 2017 уч. г.		
Поздеева Т.М. Мерешкина В.А.	Регионоведческий подход в школьном изучении сибирских рассказов В.Г. Короленко Рождественский рассказ 19-20 веков и его социально-культурологический смысл на уроках литературы в школе (глава о В.Г. Короленко)	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова С.С. Маратканова
2017/ 2018 уч. г.		
Лебедева О.В.	Этнокультурный компонент при изучении литературы в школах Удмуртии (глава о В.Г. Короленко)	Н.Н. Закирова
2018/ 2019 уч. г.		
Кузьмина Н.А. Шишкина Р.Ю.	Изучение экогуманизма В.Г. Короленко в школе Гоголевские традиции в творчестве писателей (методический аспект)	Н.Н. Закирова Н.Н. Закирова

Как видим, общее количество учтенных нами ВКР по короленковедческой проблематике (и работ, включающих хотя бы главу о писателе) за 19 лет насчитывает 44 сочинения. Этот показатель свидетельствует о постоянстве научных интересов ряда членов кафедры литературы, активно работающих в области короленковедения, что явно отразилось на планомерном и постоянном внимании к личности и творчеству В.Г. Короленко на филологическом факультете (ныне факультет СКФ) при определении круга тем и руководстве ВКР. Если учесть, что дипломное сочинение, как правило, является итоговым и ему предшествует выполнение курсовой работы аналогичной направленности, а также массовые случаи переориентации курсовиков на другую проблематику и даже иной предмет для написания ВКР, то ясно, что число участвующих в НИРС по короленковедческому профилю значительно расширяется. Работа над дипломным сочинением способствует углублению и расширению теоретических и практических знаний в области истории, теории литературы и литературной

критики, обеспечивает совершенствование навыков самостоятельной работы, творческой деятельности студентов, их приобщение к научному поиску, готовит к практической работе в школе, что соответствует требованиям к компетенциям современного учителя словесности.

Ведущими методами исследования в указанных работах являются культурно-исторический, социологический, биографический и компаративистский. Диапазон научных аспектов в ВКР глазовских студентов с годами значительно расширился. Так перейдя от сугубо краеведческих работ, направленных на выявление обстоятельств политической ссылки и реально-бытовой основы прежде всего глазовских текстов, дипломники расширили географию регионалистики, привлекая волжские, украинские, сибирские и зарубежные локусы житнетворчества писателя. Увеличился и ряд персоналий русских, зарубежных и удмуртских авторов, привлекавшихся дипломниками к сравнительно-историческому анализу проблематики и поэтики произведений. Объектом исследования в ряде ВКР являются жанровая система, стилевые особенности художественного и публицистического наследия В.Г. Короленко. Есть науковедческие и, конечно, практико-ориентированные, методические сочинения.

Все ВКР оценены на «отлично» и «хорошо», а часть из них опубликована в публикациях РИНЦ. [Закирова, Лебедева 2016-2018; Закирова, Лекомцев 2013; Закирова, Мильчакова 2016; Закирова, Мусихина 2010; Мусихина 2010] Данные сочинения, имеющие в ряде случаев внешние рецензии солидных ученых, могут служить основательным «заделом» для реферата при поступлении в аспирантуру и стать первой ступенью в написании кандидатской диссертации. Вливание в структуру глазовской научной школы компетенций молодых исследователей житнетворчества писателя-гуманиста, активно применяющих в работе ИТ-технологии, геймификацию, проектную деятельность – необходимое условие перспективности развития научной отрасли, приоритетной в гуманитаристике ГГПИ имени В.Г. Короленко.

Список литературы

Закирова Н.Н. В.Г. Короленко в Удмуртии. Наше культурное достояние: учебно-методическое пособие. Глазов: ООО «Глазовская типография», 2007. С. 51-55.

Закирова Н.Н., Захаров В.В., Мусихина А.Ю., Софронова С.И. Горизонты короленковедения: коллективная монография / под. ред. Н.Н. Закировой. Глазов: ООО «Глазовская типография», 2011. 204 с.

Закирова Н.Н., Лебедева О.В. «Экогуманизм» В. Г. Короленко // Воспитание будущего учителя-исследователя: Сборник материалов по итогам научной сессии студентов. Глазов: ГГПИ, 2016. С. 116-119.

Закирова Н.Н., Лебедева О.В. О международной конференции молодых исследователей «Гуманизм в культуре и гуманитаристике» в ГГПИ // Воспитание будущего учителя-исследователя: Сборник материалов по итогам научной сессии студентов «Студенческая наука: на пути к профессии». Глазов: ГГПИ, 2017. С. 104-108.

Закирова Н.Н., Лебедева О.В. Короленко и другие: к изучению

правозащитной деятельности писателя // Короленковское наследие в самосознании XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвященной 165-летию В. Г. Короленко. Глазов: ГГПИ, 2018. С. 252-256.

Закирова Н.Н., Лекомцев А.А. Н.В. Гоголь и В.Г. Короленко // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: Итоговый сборник научных работ: Материалы XIII Кирилло-Мефодиевских чтений 15 мая 2012 года. М.-Ярославль: Ремдер, 2013. С. 241-244

Закирова Н.Н., Мильчакова Н.А. Жанр легенды в уральских очерках В. Г. Короленко // Сборник материалов Всероссийского (с международным участием) студенческого научно-практического семинара по проблемам лингвистики и лингводидактики. Глазов: ГГПИ, 2016. С. 46.

Закирова Н.Н., Мусихина А.Ю. Семантические спектры и цветовая палитра короленковских эпитетов // Языки и этнокультуры Европы материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная юбилею доктора филологических наук, профессора Натальи Николаевны Ореховой. Глазов: ГГПИ, 2010. С. 122-127.

Мусихина А.Ю. А.П. Чехов и В.Г. Короленко: дружба и переписка // «Чеховские чтения в Вятке»: Материалы научной конференции к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова (Киров, 28 января 2010 г.). Киров, 2010.– С.38–42.

V.V. Musikhina

Student of faculty of social communications and of Philological Faculty
Glazov state pedagogical Institute V. G. Korolenko

A.Yu. Sutyagina

undergraduate of Institute of the Udmurt philology,
finno-ugrovedeniye and journalism
Udmurt State University

**FQW ON THE STUDY OF KOROLENKO'S CREATIVITY AT THE GLAZOV STATE
PEDAGOGICAL INSTITUTE (TO THE 80 ANNIVERSARY OF HIGHER EDUCATION
INSTITUTION OF V.G. KOROLENKO)**

The Glazov state pedagogical Institute is the oldest higher education institution of the Udmurt Republic. Since 1946 he bears a name of the writer V.G. Korolenko biographically connected with the region. Studying of life and creativity of this author began at the institute in the 1970th under the leadership of Professor A.G. Tatarintsev, the founder of the Glazov scientific school. He actively involved students in scientific search. This tradition is carried on. In article the review of a perspective and methods of a research in the final qualification works on a science about Korolenko performed by students of the Glazov state pedagogical Institute of V. G. Korolenko from 1970th years till present is given the importance of a role of research supervisors in familiarizing of graduates philologists with research activity is analyzed.

Keywords: Russian literature; V. Korolenko; final qualification work; Glazov state pedagogical Institute of V. G. Korolenko.

Снежана Сергеевна Пашиева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
snejulyapashieva@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНЫХ СБОРНИКОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПГНИУ)

В статье обосновывается понятие филологического дискурса с учетом экстралингвистических факторов речевой коммуникации филологов. В частности, выявляются основополагающие признаки филологического дискурса, проводится анализ его репрезентации в мемуарной литературе (на примере сборника «Филологический юмор»). В исследовании дается характеристика основных составляющих филологического дискурса – его участников, хронотопа, речевых стратегий и тактик, ценностей, типа речевой культуры, а также прецедентных текстов, функционирующих в произведениях филологов. Особое внимание в работе уделяется выявлению и описанию специфических черт языковой личности филолога.

Ключевые слова: дискурс; филологический дискурс; языковая личность; филолог; мемуарная литература.

В настоящее время в лингвистической науке происходят коренные изменения, связанные с пониманием языка как системы, напрямую зависящей от человека, личности говорящего, в результате чего исследования имеют антропоцентрическую направленность. Основу данной парадигмы составили труды выдающихся лингвистов В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Л.В. Щербы и др. Стоит отметить, что формирование антропоцентрической модели в современной лингвистике осуществляется в ряде дисциплин, к которым относятся функциональная стилистика, лингвистическая прагматика, теория дискурса.

Теория дискурса на сегодняшний день является одним из ведущих направлений в современном языкознании. Например, изучение дискурса широко представлено в работах известных лингвистов, таких как П. Серио, Н.Д. Арутюнова, М.Л. Макаров, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, М.Н. Кожина, В.Е. Чернявская и др.

Существуют разные подходы к определению понятия *дискурс*, которое «трактруется неоднозначно: и как совокупность текстов (П. Серио), и как речь (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова), и как определенный тип ментальности (Ю.С. Степанов), и как текст в ситуации общения (В.И. Карасик)» [Полуйкова 2009: 247].

Широкое распространение получило определение Т. ван Дейка: «Дискурс в широком смысле слова – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Дейк 1989:

65]. Отметим, что данное определение является основой для многих современных лингвистических исследований.

В данной статье мы опираемся на определение В.И. Карасика, который описывает дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к определенной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002: 243]. Исследователь выделяет текстолингвистический, социолингвистический и прагмалингвистический подходы при описании дискурса. Так, социолингвистический подход предполагает анализ участников общения как представителей определённой социальной группы и анализ обстоятельств общения в социокультурном контексте. Выделяется два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Нас интересует второй тип дискурса – институциональный.

По мнению В.И. Карасика, «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 246]. Этот тип дискурса включает в себя педагогический, политический, деловой, научный, медицинский, религиозный, военный, спортивный, юридический, сценический и массово-информационный. При этом ученый признает, что данный список может быть дополнен или некоторым образом видоизменен.

В настоящее время институциональный дискурс активно изучается, особенно политический, педагогический, деловой, юридический. Филологическому дискурсу, насколько нам известно, посвящена лишь одна работа – «Филологический дискурс: к обоснованию понятия» [Теплова 2014]. По мнению Т.М. Тепловой, филологический дискурс – это «речевая деятельность профессиональной языковой личности в сфере филологии, важнейшим экстралингвистическим фактором которой является филологическое мышление. Оно связано с особой ориентацией на текст и его интерпретацией в профессиональной деятельности» [Теплова 2014: 5]. На наш взгляд, актуальность изучения филологического дискурса продиктована его особой коммуникативной ролью: значимостью для современного социума филологического спектра знаний, формирующих духовно-нравственную составляющую развития личности.

В феврале 2019 года на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета состоялась презентация сборника «Филологический юмор», последнего в серии сборников о филологическом факультете, выпущенных к 100-летию юбилею университета. На примере данного издания рассмотрим основные лингвостилистические черты филологического дискурса: охарактеризуем участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы данного типа дискурса.

Главными участниками филологического дискурса являются студенты-филологи, учителя-филологи, вузовские преподаватели-филологи, выпускники филологического факультета, работающие в разных сферах деятельности. На периферии дискурса мы можем обнаружить общение филолога с публикой, не имеющей отношения к рассматриваемой сфере. В применении к сборнику «Филологический юмор» участниками дискурса являются выпускники филологического факультета (А. Королев, В. Пирожников, М. Черепанов, В. Бурдин, В. Винченко, В. Богомоллов и др.). Примечательно, что данный список состоит из лиц мужского пола: хотя мужчин на филфаке традиционно немного, но именно они являются, как правило, яркими представителями филологического сообщества. На страницах книги также представлены и воспоминания преподавателей филфака (как женщин, так и мужчин): Е.А. Баженовой, А.А. Моисеевой, Е.М. Четиной, Л.Г. Кыркуновой, В.А. Мишланова и др.

Хронотоп филологического дискурса не имеет четко выраженной структуры. Он включает в себя элементы хронотопов научного и педагогического дискурсов. Кроме того, тексты филологического дискурса имеют сходство с художественным дискурсом. Последний, в свою очередь, подразумевает особый характер взаимодействия текста и читателя с целью передачи отношения к окружающей действительности посредством эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информации.

Сборник «Филологический юмор» мы относим к жанру мемуарной литературы. Хронотоп характеризуется ретроспективной манерой повествования, наличием биографического времени, включением личного времени автора в историческое время. В сборнике «Филологический юмор» представлены различные документы и свидетельства прошлых лет, в нем содержится история факультета от 40-х годов прошлого века до сегодняшних дней.

Задачи деятельности филолога можно определить как сохранение историко-культурного наследия, формирование духовной культуры современного общества, продвижение норм культуры речи и общения. Кроме того, важной целью филологического дискурса является формирование широкого спектра гуманитарных знаний. Филолог выступает в роли популяризатора таких общекультурных ценностей, как гуманизм, толерантность, нравственность. Он стремится к познанию мира, систематизации знаний, распространению норм устной и письменной речи.

Филолог организует, инициирует и контролирует речевое взаимодействие, поэтому нами выделены следующие коммуникативные стратегии филологического дискурса: объясняющая, оценивающая, содействующая, организующая, призывающая. Так, объясняющая стратегия ориентирована на информирование человека, передачу ему определённых знаний: *Управление – это ведь не управление машиной, не мотоциклом, а надежом* (Васильева, 109). Оценивающая стратегия дает право автору высказывать положительную или отрицательную оценку происходящим событиям или явлениям. Она может

выражаться с помощью эмоционально-оценочной лексики, восклицательных предложений и фразеологических единиц: *Красота! Как жаль, что не могу передать именно чувство бабушки моим студентам* (Васильева, 86). Содействующая стратегия выражается в виде положительного отношения к адресату: *Конек Бориса Вадимовича Кондакова – встретит тебя в коридоре и, лучезарно улыбаясь, спросит: «Здравствуйте! Вы по какому вопросу?»* (Васильева, 137). Организующая стратегия заключается в совместных действиях участников общения (приветствия, обращения и т.д.): *Сейчас мы рассмотрим один документ, радостно и быстро* (Васильева, 118). Призывающая стратегия апеллирует к эмоциям адресата с целью формирования у него определенного типа поведения или определенного отношения к происходящему: *Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе* (Васильева, 87). Отметим, что все данные стратегии направлены на осуществление основных задач коммуникативной деятельности филолога.

К наиболее распространенным жанрам филологического дискурса можно отнести лекцию, семинарский доклад, курсовую работу, реферат, диссертацию, устное выступление, экзамен и др. В нашем исследовании мы обращаемся к жанру мемуарной литературы, в сборнике он представлен описанием фрагментов студенческой жизни, байками, каламбурами и анекдотами. В книге также содержатся различные приметы и суеверия, существующие в сознании филологов. Приведем пример: *Перед экзаменом или зачетом пройти под мостом в тот момент, когда по нему проезжает поезд, – к удаче. Для большего эффекта можно еще и похлопать в ладоши и загадать желание* (Васильева, 141).

К числу прецедентных текстов филологического дискурса можно отнести тексты художественных произведений, цитируемых филологами, тексты известных научных работ, философских трактатов, афоризмы, фразеологизмы, пословицы, поговорки, цитаты из фильмов, песен, анекдотов и т.д. Представим яркий пример прецедентного текста: *Отец нашего героя, выпускника филологического факультета Пети Гринёва, Андрей Петрович Гринёв в молодости своей служил при академике Вавилове и вышел в отставку премьер-деканом* (Васильева, 17). Прецедентные тексты, функционирующие в речи представителей филологического факультета, в основном являются стилизацией, интерпретацией, пародированием чужих текстов. Интертекстуальность – одна из важнейших категорий филологического дискурса, она является основным средством при создании новых смыслов.

Отметим, что профессиональная деятельность оказывает заметное воздействие на формирование и развитие языковой личности филолога. В лингвистике под термином *языковая личность* понимается носитель языка, обладающий способностью к речевой деятельности, имеющий определенный комплекс психофизиологических свойств, позволяющих производить и воспринимать речевые произведения. По мнению исследователя М.С. Саломатиной, коммуникативная личность филолога является

«профессиональной коммуникативной личностью, структура которой включает в себя интегральные и дифференциальные признаки» [Саломатина 2005: 6].

По нашему мнению, доминантными признаками профессиональной личности филолога являются общительность, тактичность, вежливость, соблюдение речевого этикета. Приведем примеры: *Идем по городской улице. С редкими прохожими вразной, но все, здороваемся. Те приветливо отвечают, и все почему-то улыбаются. Почему? Мы ведем себя исключительно вежливо...* (Васильева, 81). Кроме того, основой языковой личности филолога является стремление к нормативности, ориентация на книжные стили речи: *Известно, что языковая картина мира, в частности отдельного лингвистического сообщества под кодовым названием «Кафедра русского языка и стилистики», формируется системой ключевых концептов и связывающих их сквозных идей* (Васильева, 90). Особо подчеркнем стремление филологов к осуществлению контроля над своей речью и речью окружающих: *Филологи любят учить, как говорить правильно, как говорить неправильно* (Васильева, 114).

Стоит отметить повышенную яркость, образность, эмоциональность речи филолога, использование изобразительно-выразительных средств, в том числе многочисленных метафор, сравнительных конструкций, крылатых слов и выражений. Зачастую филологи используют в своей речевой деятельности прецедентные тексты, окказионализмы, языковую игру.

Ещё одной важной чертой представителя филологического сообщества является, на наш взгляд, тяготение к автобиографическим нарративам. Приведем типичный пример: *Итак, мы загрузились в кузов, приняли исходное положение: тех, кого вовсе могло ветром сдуть (о себе сейчас говорю), держали мужчины, а точнее, Бакулин с Романенком. А БВ, как самый интеллигентный и к тяготам жизни не привыкший, положил в углу с борта на борт черенок лопаты и сел на него. Спиной к дороге. И мы поехали* (Васильева, 150). Подчеркнем, что коммуникативные признаки филологического дискурса (такие как стремление к нормативности, ориентация на книжные стили речи, повышенный речевой самоконтроль, стремление к яркости и выразительности речи) в процессе профессионального совершенствования филолога усиливаются.

Таким образом, филолог – это человек, обладающий высоким уровнем культуры общения. Он создает и воспроизводит тексты в устной и письменной форме в соответствии с коммуникативными целями, устанавливает речевой контакт с людьми различных возрастных категорий, умеет адекватно воспринимать и анализировать получаемую информацию. Речь филолога обладает четко выстроенной структурой в соответствии с нормами русского языка. Также стоит отметить большой словарный запас филологов, владение языковыми ресурсами всех функциональных стилей литературного языка, способность варьировать речевые средства в зависимости от ситуации общения для достижения его эффективности. Следует заметить, что филологи являются носителями в основном среднелитературного типа речевой культуры, но в массовом сознании существует представление об идеальности речи филолога, что является, по нашему мнению, распространенным стереотипом.

Итак, выделение в системе институционального общения филологического дискурса вполне оправданно, поскольку имеет объективные основания (участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры и прецедентные тексты и др.).

Список источников

Васильева Н.Е. и др. Филологический юмор (Gaudeamus igitur) / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2019. 380 с.

Список литературы

Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Полуйкова С.Ю. Современный просветительский дискурс: к определению понятия // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. С. 245–252.

Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога: психолингвистическое исследование: автореф. дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 45 с.

Теплова Н.М. Филологический дискурс: к обоснованию понятия: выпускная квалификационная работа. Пермь, 2014. 95 с.

S.S. Pashieva

Student of Philological Faculty

Perm State National Research University

PHILOLOGICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF MEMOIR ASSEMBLIES OF THE PHILOLOGICAL FACULTY OF PSU)

The article substantiates the concept of philological discourse, taking into account the extralinguistic factors of verbal communication of philologists. In particular, the fundamental features of philological discourse are identified, an analysis of its representation in memoirs is made (for example, in the collection “Philological humor”). The study describes the main components of the philological discourse – its participants, chronotope, speech strategies and tactics, values, type of speech culture, as well as precedent texts that function in the works of philologists. Particular attention is paid to identifying and describing the specific features of the linguistic personality of the philologist.

Key words: discourse; philological discourse; linguistic personality; philologist; memoir literature.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Астафьева Е.Б. Театральные профессионализмы в речевом сознании актеров театра кукол и филологов.....	3
Беляева А.С. Влияние темы на реализацию частей речи в устных спонтанных монологах.....	7
Десяткова К.Д. Прецедентные феномены юмористических жанров интернет-пространства (на примере жанров «Пирожки», «Порошки» и «Экспромты»).....	13
Никонова О.В. Гендерные стереотипы через призму современной паремиологии.....	18
Осипович Ю.В. Понятие «время» в языковом сознании филологов и физиков	23
Руденко Е.С. Типы жаргона в интернет-коммуникации.....	30
Савельева А.А. Моделирование понятия «город» на основе устных спонтанных монологов: подходы и методы.....	37
Трубинова Е.А. Лингвистический «портрет» слова <i>дзинь</i> (на материале Национального корпуса русского языка)	44
Шлыкова Е.Ю. Функционально-семантический анализ дискурсивных комплексов с участием дискурсива «и» в научном тексте: диахронический аспект	50

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Буланкин Д.А. Тема мнимой болезни в драматургии В.Я. Брюсова (на примере пьесы «Красная Шапочка»).....	57
Кожева Н.С. Образ беса в древнерусской литературе	62
Черановская А.О. Влияние текстов «большой литературы» на поэзию писателей суриковского круга	67

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Балахнина А.Н. Семантика и структура языковых единиц, обозначающих способы защиты от колдуна (на материале мифологических текстов Пермского края)	74
Павлова А.В. Лексические единицы, обозначающие действия домового в мифологических текстах Архангельской области: структура и семантика	80
Побычаева А.А. Святочные гадания Карагайского района (темпоральный и акциональный коды, динамика традиции)	85
Федосеева Е.Л. Источники коми-пермяцкой фитонимической лексики	92
Шевченко Е.С. «Калёные зубы»: история о девушке и мертвеце (юрлинский вариант сказки с плохим концом)	96

ЖУРНАЛИСТИКА

Касимова А.М. Фотопортреты Теодора Курентзиса в российских и зарубежных СМИ: эволюция образа.....	102
Кризьская Е.С. Мультипликационная критика в российских СМИ.....	107
Макарова А.С. Речевой портрет блогера.....	112
Свистак В.В. Средства выражения оценки в медиадискурсе (на материале политических телепередач).....	117
Торопицина А.В. «Женская тема» в современном феминистском журнале	123

Шипулина М.П. Молодой журналист в социальном пространстве: проблема профессионального ориентирования	127
---	-----

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Безгодков Д.В. Современные российские интернет-ресурсы для детей: проблемы содержания и дизайна (на примере сайта «Почемучка»).....	133
Исакова А.М. Механизмы языковой игры в неформальной интернет-коммуникации.....	138
Маткин Н.А. Создание инструментального средства для анализа исчезающего контента (на примере stories в Instagram)	143
Морякова Д.В. Мультимедийные элементы в российском интернет-репортаже.....	149
Нечаева Е.Д. Особенности экстремистского контента (на материале анализа текстов, размещенных в социальной сети «ВКонтакте»)	155
Шорина Д.С. Приемы и средства психологического воздействия на интернет-пользователей в политической коммуникации	159

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Канкасова Ж.О. Медиаобразование пермских школьников: поиск эффективных путей	164
Охонина Я.А. Речевые приемы педагогического воздействия	169
Ужегова Е.Н. Изучение официально-делового стиля на уроках русского языка в 5-х классах общеобразовательной школы	174
Чупина М.А. Проблемы применения интерактивных технологий в мультикультурном пространстве современной школы.....	181

МЕТАФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Мусихина В.В., Сутягина А.Ю. ВКР по короленковедению в Глазовском педагогическом институте (к 80-летию вуза имени В.Г. Короленко)	187
Пашиева С.С. Филологический дискурс (на материале мемуарных сборников филологического факультета ПГНИУ).....	192

Научное издание

Проблемы филологии глазами молодых исследователей

Материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, 2019 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов:
Черановская А.О., Руденко Е.С., Шлыкова Е.А.

Объем данных 3,69 Мб
Подписано к использованию 19.12.2019

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15